

Федеральное агентство по образованию РФ
Департамент образования Вологодской области
ГОУ ВПО «Вологодский государственный
педагогический университет»

М. А. Вавилова

Вологодский фольклор. Семейные обряды

K1414760

Вологда
2008

ББК 82.3 (2Рос-Рус)
В 12

*Издание подготовлено в соответствии с постановлением
Правительства Вологодской области от 17.07.2006 г. № 680
«О мероприятиях, направленных на укрепление русского языка в
Вологодской области на 2007–2010 гг.»*

Автор – кандидат филологических наук,
доцент **М. А. Вавилова**

Редактор – кандидат филологических наук,
доцент **Л. А. Берсенева**

В 12

**Вавилова М. А. Вологодский фольклор. Семейные обряды.
Книга для учителя.** – Вологда, 2008. – 160 с.

– ISBN 978-5-87822-355-3

ББК 82.3 (2Рос-Рус)

Это вторая книга, посвященная обычаям и обрядам Вологодского края. Она адресована учителю, занимающемуся краеведческой работой с учащимися. В книге представлена реконструкция обрядов, связанных с рождением и воспитанием ребенка с младенчества до отрочества, отражающих систему представлений о культуре материнства и детства крестьянского населения России в XIX–XX вв.

В работе использованы как региональные, так и общерусские фольклорные материалы в записях конца XIX – начала XX века, а также студенческие экспедиционные наблюдения, сделанные в начале XXI века в районах нашей области.

ISBN 978-5-87822-355-3

© ВГПУ, 2008 г.
© Вавилова М.А., 2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I. Система обрядово-ритуального регулирования образа жизни и возрастных процессов, связанных с рождением и воспитанием ребенка	6
1.1. Ритуальная изоляция роженицы. Система запретов и оберегов.....	8-10
1.2. Обряды переходно-промежуточного типа: обряды, сопровождающие роды; функции повивальной бабки; остатки кувады.....	10-14
1.3. Обряды включения матери и ребенка в социум. «Размывание рук». Крестины. Наименование.....	15-23
II. Предохранительно-профилактические обряды, связанные с уходом за новорожденным ребенком и оберегом его от болезней	23-41
2.1. Оберег от порчи и сглаза. Персонажи-вредители.....	23-26
2.2. Антропоморфно-персонифицированный образ болезни.....	24-30
2.3. Функции бытовых предметов при лечении ребенка от болезней, порчи, сглаза.....	30-33, 40
2.4. Персонажи-помощники: знахарки, святые, природные явления и др.....	33-41
III. Обряды целенаправленно-воспитательного типа, включающие ребенка в социум	42
3.1. Обряды первого года жизни ребенка: пострижение волос, опоясывание, первые шаги.....	42-43
3.2. Формирование у ребенка языкового образа мира через материнский фольклор.....	44-51
3.3. Включение ребенка в жизнь семьи через игру. Игра как содержание воспитания ребенка, включения в коллектив. Освоение традиций и правил детского коллектива.....	51-58
3.4. Ролевые игры и игры в трудовую жизнь.....	58-65
Приложения	66
1. Народные названия детских болезней.....	66-69
2. Обряды, связанные с рождением ребенка в записи Н.А. Иванецкого (1890 г.).....	70-74
3. Обряды, связанные с рождением ребенка в записи М.Б. Едемского (1924 г.).....	75-76

4. Родильно-крестильный обряд Белозерского района Вологодской области в записи студентки филологического факультета ВГПУ Сухаревой Любви (2008 г.).....	77-82
5. Родильно-крестильный обряд Кичменгско-Городецкого района Вологодской области в записи студентки филологического факультета ВГПУ Лобановой Кристины (2007 г.).....	83-94
6. Заговоры, заговорные речения, обереги от детских болезней в записях М. Забылина (1880 г.), Л.Н. Майкова (1869 г.), Г.И. Попова (1903 г.), С.Б. Адоньевой и О.В. Овчинниковой (1993 г.), И.С. Слепцовой и И.А. Морозова (1995 г.), фольклорного архива Новгородского университета.....	95-121
7. Смольников С. Н. Колыбельные песни.....	122-145
Ссылки на информаторов, место и время записи текстов, использованных в работе.....	146-149
Список литературы.....	150-157

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед Вами вторая книга, посвященная обычаям и обрядам Вологодского края. Разговор в ней пойдет о семейных обрядах, в частности, о тех, которые были связаны с рождением и воспитанием детей.

Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка, складывались веками. Они сохранили ранние языческие представления, с принятием христианства формировались религиозно-обрядовые и религиозно-бытовые традиции. Обрядовая деятельность сочеталась с народным практическим опытом, передаваемым устно из поколения в поколение.

В книге представлена реконструкция обрядов, связанных с рождением и воспитанием ребенка с младенчества до отрочества, отражающих систему представлений о культуре материнства и детства крестьянского населения России в XIX-XX вв. Реконструируя обряд, мы не ставили задачу убедить современного читателя следовать приводимым рекомендациям. В наше время, когда многое в традиционной культуре исчезло, знание этнической истории – это сохранение своей национальной идентичности. Народные традиции содержат уникальные и подчас забытые знания, восстановление которых необходимо для изучения и понимания русской культуры.

В работе были использованы как региональные, так и общерусские фольклорные материалы в записях конца XIX – начала XX века, а также студенческие экспедиционные наблюдения, сделанные в начале XXI века в районах нашей области.

Книга предназначена для учителей, занимающихся краеведческой работой с учащимися, и всех, кто интересуется историей, культурой родного края.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ И ВОСПИТАНИЕМ РЕБЕНКА

У кого детей много, тот не забыт у Бога.

Пословица

*Это счастье больше,
чем владеть золотом мира сего,
ибо отец, оставляющий после себя детей,
не умирает, если и расстается с этим веком,
потому что живет в своих детях.*

Симеон Полоцкий, XVII век

В истории человеческого общества семья выполняет функцию аккумулятора бытового этнического, нравственного опыта этносоциального коллектива на разных исторических этапах его развития, что находит отражение в семейно-бытовых обрядах. «Жизнь конкретного человека, – отмечает А. ван Геннеп, – обусловлена последовательным переходом от одного возраста к другому. <...> Поэтому человек в своей жизни последовательно переходит некоторые этапы, и окончание одного этапа и начало другого образуют систему единого порядка» [1: 9]. Это время жизни человека, начальной точкой которого является рождение, конечной – смерть.

Обряды, связанные с деторождением, наряду с похоронными, относятся к ранним, о чем свидетельствуют работы известных этнографов: Дж. Фрезера, Э.Б. Тайлора, Д.К. Зеленина, А.М. Золотарева, Ю.И. Семенова и др., изучающих историю развития человеческого общества на ранней стадии цивилизации [2].

I

Корпус текстов, объединенных сюжетом о деторождении, состоит из трех инвариантных блоков: обрядов отдаления из социума – ритуальная изоляция, обрядов промежуточного характера, обрядов включения в социум матери и ребенка. В каждой обрядовой ситуации инвариантные блоки представлены в конкретной вариативной сюжетной реализации, восходящей к одной ритуально-магической схеме.

Среди типологических аналогов, возникших в иные культурно-исторические эпохи, в восточно-славянской обрядовой традиции XIX – начала XX века сохранились архетипические мотивы изоляции женщины в дородовый и сорокадневный (или двухнедельный) послеродовой период, система запретов-оберегов, магические

действия апотропеического и инициального характера, наделение символическими свойствами утилитарных предметов, персонификация явлений природы, болезней и т.д.

Рождение ребенка в крестьянской семье считалось важным жизненным событием. Представление о браке, не предусматривающем рождения ребенка и продолжения рода, было чуждым. В рубашку невесты мать втыкала иглу без ушек так, чтобы она прошла через ткань девять раз, чтобы дочь родила девять детей, а ушки отламывала, чтобы рожала легко. Бездетные семьи встречались в русской деревне редко [3]. Страх перед бесплодием заставлял молодых женщин принимать различные меры, чтобы выполнить материнский долг, родить ребенка, восстановить свой статус. Женщины давали обеты: делали различные приношения в церковь, соблюдали посты помимо среды и пятницы, совершали паломничество к святым местам, пили настой из разных трав, приписывая им карпогонические (оплодотворяющие) свойства. П.С. Вячеславова (д. Ильинская, Кокшеньга, Вологодская губ.) дает совет, как излечиться от бесплодия. Нужно взять траву пырей, «на которой вырастают шишки зеленого цвета, настоять в пиве живучем. [Я] семь годов не носила (не рожала – М.Б. Едемский), а вот теперь беременна». А если настоять в «живучем пиве» белый клевер, у которого цветы направлены кверху, тогда будешь носить (рожать) парней, а не девок», – сообщает она же (РГАЛИ. Ф 573, оп. 1, ед. хр. 99, л. 6. Запись М.Б. Едемского, 1924 г.). В крестьянских семьях наиболее желанным считалось рождение мальчика – будущего хозяина дома. Чтобы первым ребенком был сын, при возвращении от венца женщине при входе в дом на руки бросали мальчика. О значении пола будущего ребенка существует большое количество примет. Если ребенок шевелится в животе у матери с правой стороны, считают, что родится мальчик, с левой – девочка. Гадают по огню, если пламя поднимется вверх, родится мальчик, если стелется по земле, девочка. «Испокон веков мужчину больше ценили», но если первой рождалась девочка, говорили: «Своя нянька растет» (Н.П. Быстрова, 1927 г.р., д. Пондала, Бабаевский р-н Вологодской обл.) [4: 33]. «Если беременная тяжести великой во всех членах не имеет, то сыном беременна, коли же больна и тяжела – дочерью. А будет молоко бело и густо и, если его капнешь на зеркало или на мед, не расплывается, – значит, то сын», – сообщается в Лечебнике XVII века [5: 10].

Рассмотрим последовательно три инвариантных обрядовых блока, объединенных идеей перехода, составляющих «единый культурный текст» [6: 167].

Обряды ритуальной изоляции связаны с временной утратой женщиной социальной роли. Отношение коллектива к беременной женщине амбивалентно, двойственно. С одной стороны, она «почитается как олицетворение плодородия, ей приписывается магическая сила» [7: 43], она способна повлиять на приплод скотины, обеспечить урожай, вызвать дождь, но она может приносить и несчастье, поскольку «Беременная баба смерть на вороту носит», «С брюхом ходить – смерть на вороту носить». Ее пограничное состояние, близость к границе жизни и смерти, заставляет окружающих принимать охранительные меры.

В дородовый период существует система запретов, регламентирующих круг домашних обязанностей, рекомендаций, оберегов, формирующих нормы поведения беременной женщины.

Забота о ребенке – главная мысль, проходящая через все дородовые запреты и предписания, нейтрализующие действия злых духов, завистливых людей, колдунов, недоброжелателей. Запреты должна соблюдать не только мать, но и отец, поскольку оба родителя магически связаны с ребенком. Нарушение запретов одним из них принесет несчастье: ребенок может родиться физически неполноценным или мертвым.

Перечислим некоторые запреты апотропеического типа. Особенно строго запреты должны соблюдаться в последние месяцы перед родами. Нельзя гладить животных – ребенок долго не будет говорить. «У меня в ногах кошка спала. Дак парень-то только на пятом году заговорил. Думали, немым останется» (М.Д. Курахтанова, 1900 г.р., Белозерск, архив автора, 1966 г.). «Беременной женщине нельзя пинать кошек и собак (т.к. они щетинятся) – у ребенка может появиться щетина» [ТРМ, № 73]. Не следует смотреть на огонь – ребенок родится с красным лицом или пятнами на лице (М.Г. Тришкина, Бабаевский р-н, 1954 г.р., д. Красная гора), но если бросишь в огонь чеснок, беды не будет. Чтобы ребенок родился красивым, нужно избегать смотреть на все некрасивое, не носить «худую одежду», не присутствовать при убое животных.

Выходя из дома, следует положить в карман что-либо колющее или режущее – нож, гвоздь, ножницы; нельзя садиться на порог. Это граница между миром живых и мертвых, между «своим» и «чужим», потусторонним миром. Д. Фрезер приводит многочисленные примеры, связанные с порогом дома, начиная с библейских сюжетов [8: 344 – 352], в которых функциональная роль порога связана с пространственными представлениями древних людей о его промежуточности, требующими соблюдения определенных правил поведения. «Порог выступает в качестве определенной промежуточной

полосы, где могут быть и положительные, и отрицательные силы» [9: 179]. Беременным женщинам не рекомендуется присутствовать на похоронах, смотреть на мертвых, касаться кладбищенской земли. «А если отец и мать умирали, то покойнику обязательно закрывали лицо, и только тогда беременная могла посидеть возле него» (А.Г. Медникова, 1927 г.р., Укон-пустошь, Бабаевский р-н, Волог. обл.) [10: 33]. В Архангельской области считают, что беременной можно провожать покойного, смотреть на него можно, «только землю кидать нельзя. Ребенок умрет» [11:72].

Семантическая двуплановость запретов апотропеического типа, связанного с образом Земли, осмыслением ее как материнского лона, а погребение – возвращение в тот мир, из которого человек пришел, становится понятным в состоянии ожидания рождения ребенка, который должен прийти из «иногo» мира в реальный. Обычай бросать в могилу горстку земли означает прощание с умершим. Пересечение границы жизни и смерти представляет особую опасность для беременной женщины.

Основная масса запретов носит характер оберегов женщины и ребенка от нечистой силы. Изоляция, отдаление беременной от коллектива, идея «нечистоты» – следствие «первородного греха», искупалась родовыми муками, а рождение ребенка почиталось как святость.

Судя по фольклорно-этнографическим материалам в записях XIX – XX вв., оберег окружающих от «нечистоты» беременных женщин в России сводился к ограничению ее участия в домашних делах: ей запрещалось печь хлеб, готовить еду, посещать церковь, «и в амбар, и к колодцу шесть недель не пускали» [ТРМ, № 72]. Существовали также сексуальные и пищевые запреты: нельзя есть много овощей и ягод, у ребенка будет болеть живот и т.п. Русская женщина-крестьянка работала до тех пор, пока не чувствовала приближение родов. В соответствии с представлениями о своей «нечистоте», она уходила рожать в баню, в сарай, в хлев. Если же рожать случалось в доме, члены семьи, прощаясь с роженицей и желая ей «легкого разрешения», уходили из жилища. Акт прощания знаковый, символический, подчеркивающий новую переходную ступень – умирание в старом качестве, новое рождение женщины-матери. По мнению А. ван Геннепа, «это сакральный момент в жизни женщины», снимающий с женщины «первородный грех». Женщина реализует себя полностью только в материнстве. Ее роль в духовном мире человека оценивается даже выше отца. «Отца нет – полсироты, матери нет – круглый сирота». «После Бога, первая святыня – мать». В славянской народной традиции об-

раз Матери существует в трех ипостасях: в образе родной матери, Богородицы, матери-сырой Земли.

Во время родов около роженицы находилась повивальная бабка (баба, повитуха, баба детинная), в некоторых регионах муж. Повивальная бабка (акушерка) – профессия. Далеко не каждая женщина могла выполнять ее функции. Это была уважаемая односельчанами женщина, у которой при родах не умирали дети, не замеченная в неверности мужу. Функции повивальной бабки обстоятельно описаны в «Книге о рождении младенческом...». Она должна за женой тщательно глядеть, тешить ее «словами любовными и сказывать, что родит сына, родильницы тому всегда радуются. <...> А чтобы та баба не сильно докучала родильнице, которая перед рождением в великом томлении находится; но как только узнает, что дитя пытается наружу изыти, тогда пусть требует, чтобы жена беременная трудилась чихать и делать все, что делу ее помощь оказать, но чтобы жена до родов сильно прежде времени не истомлялась». Рекомендовалось, что и как делать, «коли не доброе рождение»: ребенок «устремляется к выходу» одной ногой, «бокком идет», «обеими руками», и т.п., баба-повитуха в этот момент «не должна оплошать, беречь дитя великим разумением», чтобы рождение было «скорым и добрым» [Книга о рождении: 24-25].

Широко использовались вербальные тексты с применением предметов, наделяемых магическими свойствами. При трудных родах на углы стола насыпалась соль. Роженица должна была трижды обойти вокруг стола, пробуя соль со всех четырех углов, произнести своеобразный заговор-просьбу:

*Ты, соль, свята,
Ты, соль, солонá.
Ты, соль, крепкá;
Распустись, соль,
Мне недуги отпусти,
Что во животной кости,
Во черной крови.
Услади все колотья,
Все болести на трудную пору.
А я, раба (имя) Богом молюся,
Утробою ласкаюся,
Скорого от тебя дитятка дождаюся.*

[12: 8]

Роды вызывают ассоциации, отождествляющие чрево женщины с утилитарными бытовыми предметами: печью, дверью, матерью-сырой Землей, наделяя их новыми функциональными свойствами. При трудных родах открывали все закрытое: печные заслонки, окна, замки, развязывали пояса, узлы, расплетали косы, просили священника открыть в церкви царские врата; открыть закрытое – помочь женщине легче родить.

В вербальных текстах, сопровождающих роды, общее место – обращение за помощью к святым, воде, земле с просьбой открыть родовые пути: «разомкнуть кости», «открыть замки», – помочь младенцу «изыти наружу».

*Едет истинный Христос по Ерусалиму,
Видит: трудится жена по младеню.
Просит пресвятую Богородицу-Матушку:
«Дай ключи золотые
Отомкнуть замки костяные и мясные,
Выйти княжню или княжне,
Не стонувши, не кричавши,
Чужим людям не слыхавши»
Наговорить на воду. Воду пьют, льют в пазуху и на темя.*
[13: 130]

В Кичменгско-Городецком районе Вологодской области в помощники зовут святого: «Святой Мартын, разведи кости в аршин», – повторяют три раза [14:39].

Роды женщины ассоциируются также с речным потоком. Рекомендовалось принести «проходной воды», которая выступает как персонифицированный образ:

*Вода, моя царица,
Бежишь через горы, повороты.
Ничто тебя не держит –
Ни горы, ни крутые повороты,
Так бы роженице проходы были.
Кости расходились. [15: 69]*

«Вода выступает как аналог материнского лона и чрева», – пишет С.С. Аверинцев [16]. Река, как и дорога, порог – граница между «иным» и «своим» миром. Н.Е. Грысак, исследуя район бассейна Ваги и Северной Двины (Вологодская и Архангельская области), приводит бытующие сравнительно недавно (1987 / 1988 гг.) архаи-

ческие по происхождению обряды и заговоры, используемые при родах ребенка и теленка – свидетельство тождества человеческого и природного: «В наших местах, когда женщина начинает рожать, шли с какой-нибудь посудинкой за ходовой водой, черпали по девять раз в походь по воде, не у самого берега, а дальше, и этой водой по три раза sprыскивали рожаницу, приговаривая к той реке, где живут»:

*Устья-река, откройте роды,
Пролейте воды, пропустите теленочка. Аминь. [17: 69 – 70]*

Чтобы ускорить роды, обмывали три куриных яйца, заговаривали воду, давали женщине выпить, повторяя три раза: «Как у курочки яички вылетают, так и у женщины выпади младенец» [14]. Собирали выскочившие из печки угольки, настаивали на них воду, давали роженице выпить, чтобы родила также быстро, как выскочили из печи угольки. В приведенных примерах очевидны следы магии подобия. Чувственно-предметный характер сравнений не отделяет человека от окружающего мира, в чем можно видеть архаический закон тождества.

Убедительно в медицинском и безупречно в художественном отношении трудные роды описаны А.П. Чеховым в рассказе «Именины» и А.М. Горьким в автобиографическом рассказе «Рождение человека» из цикла «По Руси» [18].

Роль мужа в родильном обряде пассивна; хотя само его присутствие и некоторые действия: стоны, переодевание в женское платье, имитация родовых мук – обнаруживают пережитки *кувады* [19]. Этнографы связывают обряд *кувады* с эпохой перехода от матриархата к патриархату. Отец, изображая родовые муки, как бы утверждал свое право на ребенка. По другой версии, изображая мнимую роженицу, он вводил в заблуждение нечистую силу, отводя ее от жены. Остатки *кувады* в начале XX века бытовали в Белоруссии, Витебской, Смоленской, Рязанской губерниях – утверждает Д.К. Зеленин [20: 320].

Отец будущего ребенка в течение всего дородового периода должен соблюдать ряд запретов апотропеического типа, обладающих охранительной семантикой: не произносить бранных слов – ребенок может родиться мертвым; не бросать во время ледохода (во время ледохода река рожает) в реку никаких предметов – роды жены будут тяжелыми; во время праздников не использовать в работе острые предметы – может родиться калека и т.п. [21: 592 – 594].

Рождение ребенка и его половая идентификация – следующий переходный обряд (по А. ван Геннепу – состояние промежуточности, вне социума), сопровождаемый многочисленными магическими и апотропеическими действиями.

Новорожденного сразу же обмывала бабка-повитуха с целью обезопасить от вредоносных влияний, болезней, смерти. В воду добавляли соль, бросали серебряные монеты, лечебные травы. Все эти предметы должны были передать младенцу свойственные им качества: крепость, красоту, силу и т.п. Обмывание сопровождалось заговорной формулой. Повивальная бабка считает себя лишь посредницей, исполнительницей высшей воли: *«Господа Бога мать Пресвятая Богородица на помощь призывала и все скорби и болезни обмывала; не я пособляю, не я помогаю, не я избавляю; помогает и пособляет Иисус Христос и сама Мать Пресвятая Богородица... Сама Мать Богородица своего сына Христа обмывала и нам, для младенцев ополощенки посылала... Выйдите, все скорби и болезни».*

По народным представлениям до крещения ребенок «не имеет пола», он является «от бесполого мира или мира, предшествующего человеческому обществу» [22: 53]. Считается, что ребенка нужно «доделывать». Повитуха гладит головку, придавая ей круглую форму, выправляет ножки, ручки, поглаживает животик и т.д. В это период ребенок особенно уязвим.

У всех народов пуповина и послед являются объектами суеверных забот. Считали, что будучи физически отделены от ребенка, они на протяжении всей жизни связаны с его судьбой. Бытует поверье, что часть души ребенка остается в последе. Пуповина и послед считаются хранителями ребенка, их окропляют святой водой.

Пуповину перевязывают волосами матери, обязательно из правой косы, у новорожденной девочки на прялке или веретене, у мальчика – на топоре, на колодке для плетения лаптей и т.п., чтобы детям передались определенные бытовые навыки. Пуповину и послед обмывали и закапывали в землю, под полом, около дома, «в чистом месте». Если хотели, чтобы рождались мальчики, послед завертывали в кусок отцовской рубашки. Отец зарывал послед мальчика в конюшне: «Дитяtko расти, и лошадка расти» (Никольский уезд, Волог. губ.) [23: 55]. Земля, по народным представлениям, источник жизни.

«В землю зачем зарывают послед?» – спрашивают информатора, А.П. Поликарпову, (1936 г.р., Бабаевский р-н) – «Так ведь

земля силу дает!» [24: 35]. Земля, по народным представлениям, производящее начало, дающее силу всему живому.

Рождение ребенка «в рубашке» (в околоплодной оболочке) воспринималось как знак исключительности, счастливой судьбы.

Пеленали ребенка в поношенную одежду родителей, в отцовскую – мальчика, в материнскую – девочек. Одежда родителей передавала ребенку лучшие их качества, формировала характер, приобщала к родовому коллективу. «Пеленки шьют из старой рубахи – до одного года из нового не шили», края не подшивали: «Жизнь укоротишь» [РМ, № 71].

Большое значение придавалось материнскому молоку. В профилактических целях ребенка умывали молоком, смоченную в молоке тряпочку прикладывали к пупку, чтобы скорее засох и не кровоточил. Материнское молоко укрепляет генетическую связь ребенка и матери. Считается, что ребенок получит «добрый нрав», если мать отличается «добрым нравом»: не гневлива, не жестока, не своенравна, не глупа. «Книга о рождении младенческом...» дает полезные советы, как вести себя кормящей матери, какие меры принимать, «чтобы молоко множилось», когда «от груди отнять» и т.д.

Судьба ребенка, по традиционным представлениям, зависит от многих факторов: от времени и места рождения, от того, каким образом младенец выходит на свет и т.д. Счастливым временем считалось рождение в воскресенье, на Рождество, Новый год, утром, при восходе солнца, в хорошую погоду. Несчастное время – концы праздников, полночь, метель, гроза и т.п. «В пятницу хорошие люди не рождаются», всю жизнь они маются, как рожденные в мае. В разных местах эти примеры интерпретируются по-разному. Прогнозы при рождении также могут расцениваться неоднозначно. В вологодском регионе, если ребенок выходит на свет лицом вниз – видели в этом знак скорой смерти. Болгары считают, что рожденный таким образом будет безнравственным, плохим человеком. Густые длинные волосы – признак долгой жизни, богатства, счастья, но в других областях это считается знаком скорой смерти.

Эти варианты толкования примет свидетельствуют о том, что обрядовые действия не имеют устойчивой традиции и сформировались сравнительно недавно.

Рождение близнецов у большинства народов считалось неестественным и уродливым. Истоки подобных представлений восходит к дуалистическим мифам о братьях-близнецах, один из которых – носитель доброго начала («культурный герой»), его двойник – злого («трикстер»). В русской деревне считали, что «двойня не

рождается к счастью», близнецов соединяет отрицательное значение числа «два», воплощающего разные начала: добро и зло, жизнь и смерть, общность судьбы. В случае смерти одного из близнецов совершали обряд «раздвоения». Разрубали пополам на пороге дома какой-либо предмет (монету), половинку клали в гроб умершему, вторую оставляли живому. Существует много суеверных поверий, связанных с судьбой близнецов. У некоторых славянских народов рождение близнецов воспринималось как добрый знак, приносящий достаток, богатство дому (Полесье). Рождение близнецов в четное число считалось счастливым, в нечетное несчастливым – один из них должен умереть. Довольно устойчиво представление, что появление близнецов – нарушение каких-то запретов родителями [25: 51 – 53].

Следующий цикл обрядов сводится к стремлению обеспечить безопасность новорожденному и матери, подвергнуть их магическому «очищению», вернуть роженицу в социум, а ребенка приобщить к семейному или родовому коллективу, повлиять на его будущую судьбу. Обряды вывода из состояния маргинальности (промежуточного, переходного состояния) у восточных славян едины в своей основе, но имеют множество вариантов.

Прежде всего нужно было «закрыть родовые пути», завершив таким образом, некий магический круг (при родах их просили открыть). Произносимые параллельно с массажем слова содержали мотив замыкания: «Святой Нестор, уклади все косточки вместе» [26:39]. Или «Косточки, суставчики, собирайтесь в одно местечко» [27]. Роженице давали выпить вина с калгановым корнем, кормили редькой, хлебом с солью, поили наговоренной водой. «К хлебу и соли никакая зараза не пристанет». В защиту от нечистой силы под подушку клали ножи, благовонные травы, три восковые свечки, сплетенные вместе; выходя после родов из избы, роженица брала в качестве посоха ухват, который держала рогами вверх. Охранные свойства к ухвату переходят от его связи с домашним очагом, печью – одним из основных объектов ритуальной сферы [28: 338].

Прежде чем обмыть, ребенка давали подержать отцу, он его целовал, признавая своим [29: 130]. В Троицине (Кадниковского у. Волог. губ.), в Тавреньге (Вельского у. Волог. губ.) обращались к «банной бабушке», духу бани, «дряхлой доброй старухе» с просьбой уберечь ребенка от всяких болезней [30: 372].

После всех процедур: завязывания пуповины, обмывания по следа – ребенка вносили в дом, выполняя ряд обрядовых магических действий: переноса через порог, символическую границу меж-

ду «иным» и «своим» миром, читали молитву, клали ребенка на порог, подносили к печи, красному углу – ко всем сакральным местам дома, вводя новорожденного в жилое пространство семьи.

Ребенка не сразу укладывали в колыбель (зыбку, люльку, качку). Некоторое время он лежал в лукошке на печке. Укладывание в колыбель сопровождалось ритуальными действиями, направленными на освоение ребенком этого пространства, в котором он проведет год или два, до рождения нового дитяти. На мифологическом уровне колыбель – эквивалент материнской утробы. Колыбель закрывали материнской юбкой, которую она носила во время беременности, или пологом. На стенках вырезали кресты, подвешивали колокольчики. Внешний вид колыбели напоминает кокон, закрытый мешок. Даже пустую колыбель не оставляли открытой, чтобы не проник в нее зыбочник (нечистая сила), «полуденник», опасный для детей, пугающий ребенка.

Предосторожности направлены на оберег от нечистой силы, которая способна подменить ребенка. Все колыбели на русском Севере были висячими. Это обуславливалось не только соображениями удобства (к колыбели привязывалась веревка, ее можно было привязать к ноге, освобождая для работы руки), но и стремлением уберечь ребенка, отдалить ребенка от пола, от нижнего мира. «Пространственная оторванность» сохраняет архаические представления: ребенок пришел в мир живых из «иного мира». Во временном аспекте колыбель заключает в себя идею начала жизненного пути. Под колыбель кладут нож, ножницы, веник и т.д. – это обереги, преграда на пути в «иной мир». Пребывание далеко от земли, от низа, сохраняет, по народным представлениям, жизненные силы.

Если же ребенок умирал и все усилия спасти были тщетны, его клали на пол, потому что «на весу он долго не может умереть и будет мучиться».

Символика колыбели, многозначность семантики, породила комплекс предписаний, запретов, они варьируются, наполняясь новыми функциональными смыслами, многие из которых можно объяснить практическими соображениями [31: 81-84].

На третий, девятый, реже на двенадцатый день происходит обряд «очищения» роженицы и всех присутствующих при родах – «размывание рук». Зажигали свечи перед иконой, в наговоренную воду клали овес и яйцо. Три составляющие: вода, яйцо, овес – омыслились как символы очищения, возрождения и обновления. Основные действующие лица обряда – роженица и повитуха, моют друг другу руки. Варианты обряда многочисленны: в Московской

губернии воду лили на тыльную сторону рук; в Рязанской в воду клали хмель; в Псковской руки сначала клали на три камешка, лежащих на сковородке; в Сибири моющие руки вставляли правой ногой на метлу; на Украине босой правой ногой ступали на топор; в Белоруссии мыли руки водой, в которой после крещения купали ребенка и т.п. Водой обмывали лицо. Руки вытирали длинным полотенцем, которое предназначалось повитухе. Обряд «размывания рук» совпадал с окончанием пребывания повитухи в доме роженицы. Чаще обряд проводился на третий день: до «очищения» матери не разрешалось кормить ребенка грудью.

Обряд очищения закачивался одариванием бабки-повитухи, оплатой ее трудов. В некоторых губерниях России это называют «серебрить бабку» [32: 326]. Повитуха высказывала добрые пожелания матери и ребенку.

Матери:

*Как хмель легок да крепок,
Так и ты будь такой же;
Как яичко полное,
Так и ты полней;
Как овес бел,
Так и ты будь бела.*

Ребенку:

*Расти с брус вышины
Да с печь толщины. [33:6].*

Все произносимые слова, по мнению присутствующих при обряде, имеют смысловую нагрузку. По закону магии подобия (имитативной или гомеопатической) все подобное производит подобное. Все сказанное – предметно, слово обладает магической способностью превращать пожелание в реальность.

При рождении слабого ребенка, с признаками атрофии или рахита, по народной терминологии – «собачьей старости», совершали обряд повторного рождения – «перепекали ребенка». Смысл обряда отождествлялся с возвращением ребенка в материнское лоно, функцию которого выполняла печь. Ребенка обмывали водой, клали на лопату, на которой сажали в печь хлебы, в некоторых губерниях его облепливали тестом, на какое-то время отправляли

в остывающую печь «допекать». Происходит диалог между бабкой и матерью ребенка.

В печь в ночьве посадят и пекут в остылой печи, приговаривая:

- *Пеку хворось, собачью старость,*
- *Пеки, пеки, чтобы век не было,*
- *Печка-матушка, здоровья давай или к себе прибирай.*

[34: 65; Вельский р-н, Архангельская обл.]

Другой способ лечения от «собачьей старости» или недоношенности – протягивание ребенка «сквозь утин». Утин – межа, граница, отделяющая свой участок земли, поля от другого, «узкая полоса пашни, крайняя к лугу, к покосу: она пашется поперек, а прочие вдоль», – объясняет В.И. Даль [35:519]. По народным представлениям, земля может давать как смерть, так и жизнь. Семантика обряда связана с переходным ритуалом: ребенок уйдет в «иной мир», или останется «в своем»: «*Два раза протащишь сквозь утин, и «собачья старость» уйдет, – комментирует знахарка, – ребенка ташу, а «собачью старость» оставляю.* Для этого обряда важна пространственно-временная приуроченность. Неуверенность в состоянии ребенка определяет и место проведения обряда на промежуточном пространстве, между «своим» и «чужим», на границе, меже. Пограничным должно быть и обрядовое время: ребенка протягивают через межу в полночь: «*Сыра мать-земля, принимай, а не то здоровья давай.* Больных поили с земли, с «утиной межи: поишь и приговариваешь: «*Земля – сыра, к себе убирай, не то легче давай.*» «*Кому житье, так легче будет, кому не жить – быстрой умрет*» [36: 71].

«В нашей деревне было. Трактор под окном прошел – испужался сразу мальчик: реветь, худить стал. Ничего не помогло. Старушка одна говорит матери: «*Давай проденём его через межу.*» Пошли в поле. Прокопали межу, продернули (старушка пошептала, земелькой его обсыпала). Как продернули, она сказала: «*Жить не станет, умрет.*» Сначала он получше стал. Мать обрадовалась. Потом умер». [ТРМ, № 369, Нюксеница, Волог. обл.]. Приведенные примеры – микросюжеты, объединяемые образом Земли. Участники обряда воспринимали ее как местопребывание человека до рождения и после смерти. Обряд «протаскивания» через межу (утин), через пограничный локус, как и «перепекание ребенка» в печи, моделировало акт повторного рождения.

«Возвращение» в семью ребенка и матери происходит в разное время. Мать и после «размывания рук» продолжает считаться «не-

чистой», «шестинедельницей», не посещает церковь, не причащается, не печет хлеб, не сидит за общим столом во время еды и т.п., но тяжелую домашнюю работу чаще всего она начинала выполнять на третий – четвертый день: «Ежели свекровь хорошая, неделю побудешь за занавеской» [37: 36]. Через 40 дней (6 недель) роженица исповедовалась в церкви, «брала молитовку», причащалась, исповедовалась – возвращалась «очищенной» в семью, в общество, в социум.

Ребенка чаще всего крестили на восьмой день. Крестины и крестильный обед рассматривались как акт окончательного приема ребенка в общину, в семью.

Главными персонажами во время крестин являлись не родители, а восприемники, кум и кума, которые считаются крестными родителями. В языческие времена существовал обычай иметь вторых родителей. Отцом считался дядя со стороны матери или брат. Статус крестных родителей, их ответственность очень высока: они брали поручительство перед Богом за крестника, выступали посредниками между общиной (социумом) и семьей ребенка, считались духовными родителями, должны были отвечать за нравственное развитие крестника, помогать в трудностях, взять на воспитание, если умирали родители, но и крестник должен был опекать крестных родителей, почитать их наряду с кровными. Пол восприемников должен соответствовать полу ребенка.

Существовал обычай приглашать в восприемники первого встречного, если ребенок умирал. «Божьи кумы» также считались представителями общины. Вариант ситуации описан Н.А. Иваницким: «Если предшествующие дети у родителей умирали, то практикуется мнимая продажа детей, состоящая в том, что родители дают несколько копеек лицу, у которого дети растут сильные и крепкие. Этот человек берет деньги, покупает в церкви свечки и ставит их тому святому, имя которого дано мнимо купленному. В жизни и покупатель, и ребенок обоюдно зовутся мнимыми: кум, кума, божат, божатка» [38: 111].

Обряд крещения (крестин) обстоятельно описан А.В. Терещенко в книге «Быт русского народа» [39: 206 – 219].

Священник произносит молитву. Восприемники отрекаются от сатаны: «Отрекаются» и трижды плюют через левое плечо, обратившись на Восток, читают «Символ веры»; после помазания елеем, ребенка три раза погружают в «летнюю воду» со словами молитвы: «Крещашся раб Божий (имя) во имя Отца, Аминь (погружают в воду первый раз). И сына, Аминь (погружают в воду второй раз). И святого Духа. Аминь (погружают в воду третий раз). Ныне и

присно, и во веки веков. Аминь», надевают белую рубашку и крест, поют тропарь:

*Ризу мне подать светлу,
Одейся светом яко ризою.
Многомилостиве Христе Боже наш.*

После крещения следует таинство миропомазания, которое дает ребенку укрепляющую силу для прохождения новой жизни, «все потребное для жизни (христианской) и благочестия». Миром помазуются и освещаются мысли, чувства, действия через очи, ноздри, уши, уста, грудь, руки, подошвы ног. Восприемник с крещеным ребенком и священник читают Евангелие, с зажженными свечами трижды обходят купель в честь Пресвятой Троицы» [39: 219].

По возвращении из церкви ребенка вносили в дом с соблюдением различного рода предписаний. Мальчику, переноса через порог, желали быть хозяином, девочку передавали на руки матери через прялку, чтобы выросла рукодельницей, прикладывали детей к божнице, прося у святых защиты, не забывали обратиться к домовушке и его семейству принять новорожденного: «Хозяин с хозяйшкой, с малыми детушками и семеюшками, примите нашего новорожденного, храните и холите, берегите его» [40: 258].

«Домовой», «хозяин», «батюшка», «дедушка», «атаманушка» и др. – номинации этикетного обращения – выражают уважение, признание его «хранителем» дома. Н.А. Криничная приводит многочисленные примеры из быличек и мифологических рассказов, подтверждающих статус домового – помощника, защитника и т.п. В общерусской традиции существует поверье о причастности домового к рождению каждого нового члена семьи. По ночам он приходит к женщине, ожидающей ребенка, «живот правит», присматривает за ребенком, если дома никого нет, предупреждает об опасности [41:159 – 165].

Внося ребенка в дом после крещения, крестные родители принимали всякие меры предосторожности, чтобы уберечь крестника от всяких случайностей: охраняя от нечистой силы, передавали его матери через окно, а не через дверь, клали на порог в корыто, из которого поят лошадей, закрывали корытом: «*На корыте ваше, а под корытом наше, откуль пришло, туда и поиди*» [ТРМ, № 361].

Основным ритуалом в день крестин являлся крестильный обед или «Бабина каша», опять выполнялись магические действия, способные обеспечить новорожденному быстрый рост, богатство, здоровье. Ребенка клали на мех, символ богатства, повитуха подавала

горшок с ритуальной кашей в меховой шапке; имитируя быстрый рост ребенка, поднимала высоко обрядовый пирог, горшок из-под каши разбивала на столе, что символизировало обновление жизни [42: 324]. Повитуха приговаривает при этом:

*Пошли, господь, чтоб наш сынок велик рос и счастлив был.
На полке (полатах) – ребятки,
Под полком – телятки,
А наверху (в конюшне) – жеребятки.
Пошли, господь, в этот дом хлеб да соль,
Поля – копнами, на лугах – стогами,
Амбар – коробами, на гумне – ворохами,
А в печи пирогами. [43: 23]*

*Чтобы новорожденное было
Во всех частях и по всем шерстям счастливо,
Чтобы на гумне было пшено,
На дворе грязно,
На столе честно. [43:23]*

Отцу во время застолья давали переперченную, пересоленную, несъедобную кашу, чтобы он почувствовал, как солоно пришлось его жене: «Солона кашка и солоно было жене родить, а еще солоной отцу с матерью достанутся детки после» [44: 14]. Обряд завершался пожеланиями.

Матери ребенка:

Шапка-малахай, а ты, родильница, в году еще натряхай!

Крестным:

*Как вы видели его (ее) под крестом,
Так бы видать вам его (ее) под венцом. [44: 14]*

Все присутствовавшие клали на тарелку деньги в пользу бабки-повитухи и на пирог – в пользу роженицы. Обряд мог проходить и по-другому, вариантов много, но инвариантная основа одна: это акт приема ребенка в общину. «Мифологический смысл крестильного обряда объяснялся, – подчеркивает вслед за Д.К. Зелениным, А. ван Геннепом И.И. Шангина, – как ритуал включения новорожденного в человеческое общество, и как ритуал перераспреде-

ния запасов жизненной силы, обладателем которой, по народным представлениям, является родственный коллектив, а также выделения части ее новорожденному» [43: 23].

Обряд крещения был официальным актом регистрации ребенка, о чем делалась отметка в церковной книге.

Наречение именем не имело строгих правил. Чаще всего его давал или предлагал священник, выбирая имя по святым. Имя святого, которое получал ребенок, считалось ангельским, и святой становился покровителем и защитником в течение всей жизни нареченного. Имя могли дать сами родители, на восьмой день. Этот день мог быть и днем крещения, он соединялся с рассказом об обрезании Иисуса Христа на восьмой день. Крещение и имянаречение в сороковой день были связаны с другим биографическим фактом из жизни младенца Иисуса, с евангельским рассказом о внесении его в храм.

Родители, выбирая имя, отдавали предпочтения именам умерших предков, считая, что ребенок наследует их лучшие качества, а также обретет защитников и помощников. Имя человека мифологически отождествлялось с его носителем. «Называли родовыми именами, по деду, по бабушке» (Сямжа, Фомичева Нина Ивановна, 1930 г.р. Архив ВГПУ, 2000 г.) «Счастливые имена: Вера, Надежда, Любовь, София, их часто давали девочкам» (Сямжа, Фомичева Зоя Алферьевна, 1938 г.р. Архив ВГПУ, 2000 г.).

В раннем детстве ребенка называли по его поведению или физическим качествам, не характеризующим половую принадлежность.

«В Архангельской губ. ребенок 1 – 3 лет назывался *младень* (*младеня, робя*), в Вологодской, Московской, Пермской – *момса, момзик*». Архаичным является термин «*рученец*», связанный с природно-биологическим отсчетом времени. Этим словом назывались: первая степень возраста, условный срок младенца и матери после родов, беременности... Наиболее распространенные внеполовые названия: *кувяка* – ‘плачущий’, *слигоза* – ‘пускающий слюни’, *вьюнчик* – ‘подвижный’, *пополза* – ‘ползающий’, *дыба* – ‘начинающий вставать’ и т.п. [45: 25].

С имянаречением связано много примет и запретов. Считалось, что человек наследует судьбу через поколение, поэтому не давали ребенку имени живого или умершего, нельзя, лаская ребенка, называть его именем животного – «зайчиком», «котиком»; до года нельзя называть ребенка крестным именем: безымянного ребенка нельзя «изурочить», сглазить, насрать на него порчу.

Имянаречение включает ребенка в сообщество, благодаря наречению он становится *индивидуализированным* членом коллектива.

II

Обряды, связанные с уходом за новорождённым ребёнком, включают как рациональные, так и религиозно-магические действия, отражающие синкретизм народного мировоззрения. Они составляют единый обрядово-практический комплекс, сохранивший «в общих чертах специфику русской культуры материнства и детства» [46: 486].

В обряде два главных персонажа – Мать и Дитя. Однако большая часть обрядового времени отводится ребёнку. В обряде доминирует одна целевая установка: желание предусмотреть все случайности, обезопасить малыша, предупредить болезнь, вырастить хозяина, помощника отцу: «трудничка», «работничка», «пахарца», «сенокосчика», а дочь вырастить «хозяйюшкой», «швейей», «кошейей, полевой жнеюшкой». А пока младенец беспомощен, его надо убедить «он всех скорбей скорбящих», «от напастей нападающих».

Особенности бытового уклада русского крестьянства в середине XIX – первой трети XX века исключали широкое использование педиатрической помощи. При лечении детских болезней использовались проверенные многими поколениями домашние средства. А в особо сложных случаях приглашались знахари – целители. Наименование *знахарь* на Русском Севере, как отмечает А.М. Астахова, встречается редко, чаще употребляют выражения: «бабит», «ладит», «шопчет», или человек «со знатъём» [47]. Знахари и знахарки пользовались в деревне огромным авторитетом, они были хранителями и носителями традиций народной медицины. Знали лечебные травы, умели изготавливать лечебные настойки, но в то же время «были хранителями верований и суеверий». Знахари-целители, как считают, лечат, исцеляют «с Божьей помощью», в отличие от колдунов, получающих «знание» от нечистой силы, употребляющих его во зло.

Большое место в обрядах, связанных с рождением ребенка, занимают обереги – меры, принимаемые для защиты от всякого рода опасностей, которые можно разделить на две группы.

К первой относятся болезни, с которыми ребёнок появляется на свет, – «собачья старость», родимец, худоба (сушец, стень), т.е. болезни внутренние. Жители Вологодской, Новгородской, Пензенской губерний считали, что врачи не могут их излечить. «Не изле-

чиваются врачём примка, подщут, дурной глаз, озык, порча, нервные и душевные болезни, эпилепсия» [48: 207]. Как отмечает Г.И. Попов, автор книги «Русская народно-бытовая медицина», крестьяне охотно шли к фельдшеру «при наружных болезнях, иногда даже очень незначительных, при внутренних же обращаются к знахарям и знахаркам» [48: 207]. В этом случае успех зависит от характера заболевания, его сложности, от физического состояния ребенка. Но когда все средства не приносили исцеления, прикладывали к земле на меже, поили водой, наведенной с землёй, произнося заклинание: «*Мать сыра земля, принимай или леготы давай*». Вариант: «*Мать сыра земля, здоровья давай или к себе принимай!*» [ТРМ, №№ 405, 319].

Вторая группа недомоганий, как считали, от порчи, от сглаза: бессонница, беспокойство ребёнка, доспешки, веред, ночной плач (криксы), икота и др.

Предохранительно-профилактические меры принимаются с первых минут жизни ребёнка, с процедуры обмывания, купания, сопровождаемыми христианскими способами защиты: произносили молитвы («Отче наш», «Богородица»), опрыскивали святой водой, кадили ладаном, крестили; использовали и магические способы оберега. Бросали в воду предметы, имеющие определённую функциональную нагрузку: кусочки дерева, чтобы на них ушла порча, монеты, соль для крепости и т.п.

Источником недомоганий, беспокойства ребенка, могут быть люди, способные наслать порчу, болезни, которые представляются как некая самостоятельная субстанция, подобие человека, живое существо. Оно приходит, «ломит костьё», «дрябнёт жилы», «смеётся и галится». Различают несколько видов порчи: «порча недобрым словом», «порча взглядом», «порча похвалой», даже если она исходит от близких людей. Все перечисленные виды порчи, связанные с вербальным (словесным) воздействием, имеют вариативные номинации: суреки, озык, притки, криксы, и др. Вредит ребёнку не только слово, но даже мысль. Мать, если похвалила про себя ребёнка, должна немедленно принять соответствующие меры защиты, попрыскать ребёнка сквозь зубы, проговорить три раза: «*И думу свою знаю, сама обурочила, сама и пособляю*» [ТРМ, № 336].

Самым простым и доступным способом защиты ребенка были советы не выносить его из дома до года (или 9 месяцев), не показывать чужим, не называть по имени.

Оригинальным способом защиты от сглаза было вывешивание у входа старых лаптей. На вопрос, для чего у входа в дом висят старые лапти, крестьянин отвечал: «Вишь ты, как взойдёшь на

двор, да видя такие лапти, уж и подумаешь о них <...> стало быть,... с первого раза глаз и сломишь над лаптями, тогда уж и не глазишь...» [49: 278].

«Сломавший глаз», пришедший в дом с дурным намерением, потеряет способность наносить порчу.

Охранительную функцию выполняют молитвенные обращения к Богородице, Господу, ангелу-хранителю, святым. Молитва закрывала вход в дом нечистой силе:

*В каждом уголку по ангелу,
Читают по эвангелю.
Пресвятая Богородица с Иисусом Христом
Заграждают все окна и двери,
Трубу и подпольную дверь
Святым Духом. [ТрМ, 11]*

Народный культ святых отличался от церковного наделянием их бытовыми функциями. И Иисус Христос, и Богородица воспринимались как члены крестьянской семьи.

Эффективным средством защиты ребенка считался обман. Чтобы ввести в заблуждение адресата, не называли имени ребенка или меняли половую идентификацию: одевали мальчика в девичье платье, соответственно меняли имя и наоборот, переодевали девочку в мальчика, давали ей мужское имя; мазали сажей лицо: черный цвет – знак иного мира, нечистые силы примут ребенка за своего, не изурочат.

Применялся вербальный обман: укачивая ребенка, в колыбельной песне мать рассказывала о его мнимой смерти:

*Бай-люли, бай-люли,
Похворай да умри,
На повос(т) повезём,
Пирогоф напечём,
Станем резать и ломать,
Станем Ваню поминать.
Уж я Ваню схороню,
Да и поплацю – поревлю.*

*Бай-люли, бай-люли,
Наша Любушка, умри.
Тятя сделает гробок
Из осиновых досок.*

*Напечём мы пирогоф,
Созовём мы мужикоф,
Они нарежут, наломают,
Нашу Любу поминают.*

(РГАЛИ, ф. 573, оп. 1, ед. хр. 100, № 15, № 17. Песни колыбельные. Рукопись, подготовленная М.Б. Едемским, Кокшеньга, Тотем. уезд, 1924)

*Бай-бай, да люли!
Хоть сегодня умри.
Завтра мороз,
Снесут на погост
Мы поплачем, повоем,
В могилку зароем. [50, № 30]*

По поводу «смертных баек» в фольклористике и этнографии нет единого мнения. Некоторые фольклористы объясняют их появление тяготами дореволюционной крестьянской жизни. Эта точка зрения не совпадает с нравственными нормами русской крестьянской семьи, в которой идеал многодетности, «многочадия» поддерживался условиями реальной жизни и православными представлениями. Следует согласиться с В.П. Аникиным, который связывает «смертные мотивы» с оберегом малыша. Услышав о смерти ребенка, злые силы должны были оставить его в покое [51: 91].

Имитацией смерти ребенка стремились оградить его от злых сил, обмануть смерть.

Самой опасной считалась порча ребенка заговором, от которого домашними средствами самим не излечить. Крестьяне Тотемского уезда различали два вида порчи: насланная колдуном «по ветру», временная, от которой можно спастись, и «порча навек», от которой спасения нет, никакие лекарства не помогут» [52: 279]. Такую порчу насылали «черные колдуны», которые «ладят не на добро, а на зло», пуская ее по ветру. «На вечерней заре выходит колдун на перекресток дорог, делает из теплого навоза крест, обводит его кругом чертой и посыпает каким-то порошком, что-то нашептывая. Оставшуюся часть порошка кидает по ветру, и если хоть одна крупинка этого порошка попадет на человека, то у него через три дня непременно появится кила» [53: 280]. При описании внешности колдунов или людей с «дурным взглядом» обращается внимание на черный цвет, маркирующий все нечистое. Это «мужик-чернец», «человек с черными глазами и срослыми бровями», «девка черно-

волоска», «баба пустоволоска», «девка длинноволоска» и др. Особое внимание обращается на глаза: «пронизывающие», «зоркие», «мутные». Оценочная функция взгляда, цвета глаз отражена в поговорках и присловиях: «Черный глаз опасный», «Черный глаз, карий глаз, минуй нас» [Даль]. Спасти от «чёрного глаза» может Богородица, закрыв больного ребенка «своею пеленою, своею рукою своим крестом и животворящей силой» [54: 210].

Одна из особенностей мифологического мышления – вера в предметность слова, в его магические действенные свойства. Обладать силой слова мог далеко не каждый. Знахарка, знахарь, приступая к лечению болезни, старались определить, есть порча или нет разными способами, используя бытовые предметы, учитывая их действие.

Зажженную спичку бросали в воду, если спичка тонет – порча есть; углем из печи обводили вокруг головы, бросали в воду, если уголь шипит – порча есть.

«Если ребенок заболел, берут три камешка: из бани, с улицы и из дому, берут, какой попадет, не выбирая. На камни загадывают: один от озыка (оговаривают), другой от худого глаза, третий от хитрого языка. Кладут в какую-нибудь посудину и нагревают. Если зашумит какой-нибудь камень, значит от озыка или от хитрого языка. Той водой окачивают ребенка» [ТРМ, № 325].

Таким образом устанавливается «диагноз» и начинается лечение. Существует несколько способов изгнания болезни. Так как все болезни воспринимались как антропоморфные существа, к ним обращались, как к человеку, с просьбой, угрозой, уговором.

Одна из наиболее распространенных заговорных формул – изгнание болезни в нежилое пространство, «где пеший не ходит, на коне не ездит».

Худоба, откуда пришла?

Если из лесу пришла –

В лес уйди!

Худоба, с поля пришла?

В поле уйди!

Худоба, если от людей пришла –

К людям иди!

Аминь, Аминь, Аминь. [ТРМ, № 370]

Можно попытаться уговорить болезнь покинуть младенца по-хорошему, расположить к себе разными обещаниями: «Здесь вам не житье – жилище, не прохладиче, ступайте вы в болота, в

глубокие озера, за быстрые реки и тёмные боры: там для вас кровати поставлены тесовые, перины пуховые; там яства сахарные, напитки медовые; там вам будет житьё – жилище, прохладище» [55:37].

В формулах «отсылания – изгнания» сохраняются архаические пространственно-временные представления.

Маргинальное время – утренняя и вечерняя зори, граница между добрым и плохим временем. Изгонять болезнь нужно на стыке времени, чтобы обеспечить успешный исход.

Ребёнок ревит. На вечерней заре под окнами с ним ходят:

*«Первая заря Марья (подходя к первому окну),
Вторая заря Дарья (подходя ко второму окну),
Третья заря Пелагея (подходя к третьему окну),
Не смейся, не галься над моим дитём.
А смейся и галься на дне речном.
Там твои камешки, там твои песчинки.
Перебирай песчинки да камешки,
Там твоё место (или дело),
А моё дитяtko будет спать». [ГРМ, № 333]*

Успешным считается лечение детских болезней на исходе месяца. И в том, и в другом случае просматривается магия подобия.

Это когда месяц народится, серпик молодой, смотри на него и говорит так:

*Месяц – дружок!
Помолюсь я тебе, поклонюсь я тебе.
Дай ты моим детям счастье, здоровья
На всю жизнь. [56: 72 – 73]*

Природные объекты выступают как антропоморфные персонажи-помощники.

Большую роль играет во всех обрядах вода, наделяемая женскими именами: «Вода Мария, Вода Ульяна», Вода – Божья помощница, «Вода Царица – Матушка», «Христова – помощница» [Бердяева, № 15, 17, 18, 22].

Охранительные свойства воды проявляются в сочетании вербальных и акциональных действий. Чтобы беда не вошла в дом, проливают наговоренной водой дверные запоры и ручки, до утра не открывают двери, не выходят из дома. Особыми целебными

свойствами обладает «ходовая вода», взятая ранним утром, по течению реки, «в походь».

К реке обращались с просьбой о помощи, как к живому существу: к «молчанной воде», «девятой» (набранной восемь раз и вылитой), наговоренной, воде, которой обмыли икону, пропущенной через дверную скобу, с камешками, с уголочками и т.д.

Заболел ребенок, так надо с ночи встать, рано-рано, никто не говорит ещё, значит, и вода молчит, спит. Кого встретишь – с тем не разговаривай тоже. Воды молчанной наберёшь, скажешь:

*«Царь морской, царь двинской,
Царь пинежский, царица-водяница,
Не жалеи водицы, воды не убудет,
А рабу Божьему здоровья прибудет».*

Этой водой обкатают. Брызнуть врасплох надо: когда увидит, – помогать не будет. А так от исполоха, от родимца помогает.
[ТРМ, № 362]

Приведенный пример интересен тем, что собиратель записал не только заговорную форму, но и ритуальный контекст, подробно описывающий подготовку к лечению, то, как достичь успешного исхода болезни, одним из условий которого является молчание. Молчание – одна из форм ритуального поведения, которому придается особый магический смысл: в воду не должно попасть слово, не должно нарушать «молчание» воды, лишать ее целебной силы.

Главная роль в обрядах оберега и лечения ребенка принадлежит в равной мере действию и слову, если они тождественны в функциональном плане.

Смывая болезнь, говорят: *«В тех озёрах, реках, и на ключах вода живая, текучая и палочая. Той водой обмываю и окропляю я, раб Божий (имя), пенья и колоды, сухие кочки и белые камени; смываю и снимаю всякую нечистоту и щерботу. Ещё же умою и окроплю и помазую сего раба Божия, младенца (имя рек), от худой худобы, от хворой хвороты, от лихой лихости»* [57: 100].
Словесная формула равнозначна действию.

Для подтверждения веры в силу слова часто употребляется закрепка: «Слово моё крепко!» «Ключ моим словам в небесной высоте, а замок – в морской глубине – на рыбе-ките, и никому эту китыбу не добыть, замок не отпереть кроме меня; а кто эту рыбу до-

будет и замок мой отопрёт, да будет яко дерево, полимое молнией» [58:106].

С рекой и водой связан обряд «сплавления» болезни. *«Заболел ребёнок – неси в байну, мой в воде особой, проходной, а растирай вместо мочалки рубашкой, которая на нём была, когда он заболел; растираешь и говоришь: «Вода-водица, заведи все хвори с моего младенца, дай здоровьица». Воду, в которой мыла, выливай вдали от дома и от бани. Вода эта мёртвая, она болезнь взяла. А рубашку, которой растирала, на реку снеси, пусти по воде».* (Архив автора. Тарногский р-н, д. Рыкаловская, 1975 г). В обрядах-оберегах вода всегда выступает как доброе начало, очистительные функции воды переплетаются с целебными и апотропеическими. Если в основе целительных свойств воды лежат её реальные свойства, то апотропеические действия с водой носят преимущественно магический характер. Примером может служить обычай опрыскивания водой: надо «попрыскать ребёнка сквозь зубы», если ребенок «заревит», если ребёнок испугается, «воды в рот набрать и набрать и брызнуть водой изо рта». В этом случае вода оказывает отгоняющее нечистую силу действие [ТрМ, № 337, 340, 358]. Очистительные обряды с водой сохранились или в виде пережитков, или в христианизированном виде (Святая вода).

Среди оберегов ребенка от порчи и болезней следует выделить использование бытовых предметов, сделанных из железа: ножей, ножниц, булавок, иголок и т.п. Они наделяются дополнительными функциями, обретая магические свойствами через действие, которое им приписывается в процессе ритуала. Главное реальное свойство железа – твёрдость, прочность. В обряде оберега или лечения болезни это свойство получает новую функциональную направленность, выраженную формулой засекания (если используют нож, топор), загрызания (железные или золотые зубы), зашивания (железная или золотая, серебряная игла).

Действия с использованием утилитарных предметов не отличаются сложностью. Роженица, выходя из дома, в качестве оберега кладет в карман нож. В колыбель ребенку кладут ножницы, нож, чтобы нечистая сила не подменила или изурочила ребенка. Чтобы придать воде, которой хотят обмыть ребенка, еще большую силу, ее засекают ножом крест на крест.

Ножом засекают «страх», когда ребенок делает первые шаги. Ножом крестили кресты перед ножками ребенка, приговаривая: *«Страх черчу!»* Или *«Страсть перейдешь – сразу пойдешь!»*. «Крестики делаешь (ребенку), он идет по этим крестикам. Как крестики крепко идут по полу, чтобы так же и ребёночек себя крепко

вёл не бояся, не страшиуся, – и он бежит-бежит, только бы не пасть. И вперёд ёо угадать наа, што пока бежит, дак наа крестиков наставить». Крестили дорогу ножницами, как только ступил первый раз: «Со Христом пошёл батюшка!» Чертя первый крест, приговаривали: «С Богом», – второй: «Со Христом», – третий: «С батюшкой!» [59: 127 – 128; Северное Белозерье].

Чтобы ребенок начал «ходить шибко и скоро», считали, необходимым разрезать «путы». Ножом имитировали разрезание: между ножками ребенка «путы резали», втыкая ножи в землю. С этой же целью «перерубали след», чтобы «оттяпать робость», делая режущее движение рукой после каждого шага. [60: 509].

В приведенных примерах обрядовых действий с ножом, ножницами эти предметы используются в реальном виде, наделяются, помимо реального свойства, функциональным значением помощи, защиты.

Железо, железные предметы функционируют и в вербальных вариантах, особенно часто при заговаривании грыжи.

Грыжа – это «опухоль от прорвавшейся и выдавшейся под кожей внутренней части тела. Может выходить через пупок или через пах» [Даль I, 401]. Довольно часто она бывает у детей. Тяжелые случаи, конечно, не под силу домашним лекарям, но профилактические меры принимались повитухой или роженицей сразу же, как только ребенок родился. Повитухи считали своей покровительницей и помощницей «Бабушку Соломонидушку». По апокрифическому Протоевангелию от Иакова она принимала роды у девы Марии [61: 125], обмывала младенца Христа. Повитуха, приступая к процедуре, произносила «заговорное речение», как называет эту словесную формулу Е.Н. Елеонская [62: 102]: «*Бабушка Соломонидушка у Пресвятой Богородицы грыжу заговаривала (или заедала) медными щечками, железными зубами, так и я заговариваю у раба Божьего (имя рек)*» [63: 370].

Повитухи передавали свое искусство заговаривания грыжи роженицам. «Как родишь ребёночка <...> тряпочку каку чистую возьми, да с тряпочкой ртом пупок закуси, легонько так, прикусывай и говори:

*Я сама дитё носила,
Я сама дитё родила,
Сама грыжу говорила:
Вы не ешьте, грыжи,
Не грызите вы, грыжи,*

*Не едите вы, грыжи.
Я сама загрызу.*

И плюнуть надо». [ТРМ, № 384]

Приведенный пример иллюстрирует предупреждение грыжи у ребенка. Вербально-акциональный контекст обряда включает реальные предписания, что и как делать (1 часть). Такая профилактика бывает успешной, носит рациональный характер: закусывание сжимает пупочное кольцо, грыжевого выпячивания может не быть. Вторая часть обрядового контекста – вербальный (словесный) эквивалент лечебного действия, в котором слову придаётся магическое значение, оно приравнивается к действию. Рекомендация «плюнуть» адресована и грыже, и нечистой силе. Варианты: «Плюнуть три раза», «Плюнуть через левое плечо».

Оппозиция «Правое – левое» трактуется в мифологии как противопоставление добра и зла; в христианской интерпретации – Бога и Сатаны. В народных представлениях это верный способ защиты от любых неприятностей.

Исцеление от грыжи может сопровождаться только вербальной формулой, в которой акцент делается на слово:

Читается три раза над ребёнком:

«Раба божия Анна у раба божьего Ивана

*Заедаю, загрызаю тридцать – единую грыжу,
Тридцать – единый сустав: головную, мозговую,
Глазную, носовую, ротовую,
ручную, локотную и надлокотную,
и кожную, и ногтевую, и кровяную». [ТРМ, № 397]*

Этот оберег сделан «впрок», от всех предполагаемых болезней, которые могут случиться. Аналогичный пример заговаривания «впрок»:

*Кусаю грыжу от рожденья,
От рожденья до венчанья,
От венчанья до конченья. [ТРМ, № 374]*

Грыжа, судя по народным описаниям, как и все болезни, персонафицируется. К ней обращаются как к живому существу: уговаривают, просят уйти, изгоняют, угрожают, оскорбляют.

*Грыжа – грыженица,
Грыжа, красная девица,
Не ходи, грызь по нутру Рабы Божьей (имя)
По горячей крови, по всем суставам,
По всем полусуставам, по всем жилам,
По всем полужилкам.
Ты, грызь, коза, а я – волк.
Я тебя съем и закушу.
Во веки веков. Аминь, Аминь, Аминь.*

[Бердяева, № 31]

Грыжу отсылают в «окиян море, есть сер горюч камень», грызть «у во хлевных ворот гнилу колоду: «грезь да за зголовье» [ТРМ, № 385, 383].

К оберегам ребенка от болезней активно привлекаются помимо реальных персонажей – повитух, матери – Бог, Богородица, Иисус Христос, святые, библейские и евангельские персонажи, «вся сила небесная». Христианство оказало сильное влияние на народное мировоззрение, но не искоренило языческие верования.

Наряду с сакральными персонажами в обрядах участвуют зооморфные существа (птицы, животные, рыбы), персонифицированные природные и космические силы (звезды, солнце, месяц). Для народной фантазии все персонажи равноценны, поскольку выполняют одну и ту же функцию: исцеляют ребенка от болезни; заедают, отстреливают, зашивают, укрывают и т.д. Сходит с небес Егорий святой «с золотополюсным луком» и «златопёрыми стрелами», отстреливает грыжи, баенные нечести, призоры, уроки [63: 369]. Михаил Архангел отстреливает болезни, доспешки, осудища «от чёрного волоса, от белого волоса, от русого волоса, от тёмных волос и от всякого нечистого взгляда» [64: 154], Иисус Христос «с вострым ножом», «Госпожа Богородица <...> держит в руках золоту иголку с серебряной ниткой, / шьёт-зашивает, / секёт-засекает, / зоры-призоры, / уразы, прикосы, / родимцы, исполохи, переполохи / у рабы Божьей (имя рек)» [ТРМ, № 339]. Персонажи заговоров, заклинаний в функциональном плане соответствуют своему назначению:

Помогают избавлению ребенка от болезней фантастические существа, наделённые железными зубами, когтями. Это «Рыба-съедуга», съедающая у младенца «Грыжу-Идвигу» железными зубами, чёрный кот с железными зубами, оловянными глазами, «заедает, загрызает, унимает и заговаривает <...> сорок единую грыжу, сорок единый сустав» [ТРМ, № 396], «Могу-птица» (мугай-

птица), «клювом отклявывает порчи, болезни, нечистую силу» (Бердяева, № 26). Щука «зубаста – жерласта <...> изъедает у младенца исполохи и прикосы» [ТРМ, № 344].

«Есть в чистом поле Окиян-море, и есть на Окиан-море белый камень, и есть под белым камнем Щука золотая – перезолотая, и кости золотые. И приди, щука, к рабу Божию (имя рек) и выгрызи у раба Божьего своими золотыми зубами грыжу ветреную, грыжу напущенную, грыжу жильную, грыжу костяную <...> И пойди, грыжа, на пустое место, в тёмное место, где солнце неогревает, где люди не ходят и не бывают, где птицы не летают, где звери не заходят...» [Забылин: 370]. Обобщенные образы клюющей птицы, кота и кошки превращаются в фантастические образы, наделяемые сверхъестественными свойствами.

Количество примеров можно было бы продолжить, но мы постоянно будем отмечать, что все привлекаемые к обряду персонажи христианской номинации или фантастически зооморфные, наделяются одинаковыми функциональными свойствами. Как очень верно отметил В.П. Петров, народная фантазия создает «тематический образ; соответствующий его функциональному применению», христианское наименование персонажа «не вносит никаких изменений ни в структуру образа, ни в процесс его создания народной фантазией» [65: 105]. Поэтому и железные зубы «бабушки Соломонидушки», и Иисус Христос с ножом, и святой дух с ножницами, и Богородица с иглой соответствуют способу устранения болезни и не имеют никакого отношения к христианской символике.

Еще одним распространенным способом изгнания болезни является ее передача кому-нибудь или на что-нибудь. Формула изгнания – передачи болезней имеет много вариантов. Болезнь передают на дерево:

«Заболел робёночек, рубашечку - то с него сыми, да выйди ну хоть в огород, дерева – то вон стоят. Рубашечку – то приложи к дереву и говори:

*Батюшко – садово деревцо,
Матушка – черёмушка!
Как ништо у шипицы не болит,
Как и у мово робёночка, раба Божия,
Ничво не боли.*

Рубашечку – то приложи к одному деревцу, потом к другому, поперемени, говори:

*Не боли ни утром рано,
Ни вечером позно,
Ни на вздравной заре,
Ни на вечерней заре,
Ни среди дни белова,
Ни среди ночки тёмной.
Забери болость,
А я тебя больше не трону,
А я к тебе больше не приду. Аминь*

А рубашечку – то потом лучше закопай». [66: Архив ВГПИ, Тотьма, 1975].

Как истлевает в земле закопанная рубашка, так исчезает болезнь. Это комбинированный текст. Акциональные действия с закапыванием рубашки ребенка, передача болезни деревьям, соединяют два способа устранения болезни. Но в обрядовой практике такие случаи нередки. Окуривание соединяется со словесной формой изгнания, смывание водой – с передачей болезни [ТРМ, № 344, № 355], словесное изгнание с обмыванием наговоренной водой [ТРМ, № 332] и т.д.

Интересно отметить, что иногда детские болезни представляются заговаривающим в **возрастном половом облике заболевшего ребенка**, а их поведение сходно с поведением детей. «От полуночницы мальчику под подушку кладут лук со стрелкой, а девочке прялочку». Обращаясь к «полуночнице – щекотанинке», убеждают ее: *«Не играй ты моим младенцем, а играй ты прялочкой, (если бессонницей страдает девочка – М.В.), луком да стрелочкой (если не спит мальчик – М.В.)»* [ТРМ, № 353].

Вариант:

Если ребёнок не спит:

*Ноченька – полуноченька, не играй моей деточкой,
Играй, девушка,
Да прялочкой, веретёночком (если девочке),
Ножичком да палочкой (если мальчику).*

Помело подпалят да курят. (Делают маленькое веретёночко и прялочку из лучинки, над люлькой вешают) [ТРМ, № 352].

Болезнь, по народным повериям, приходит из «инога мира». Самый верный способ от нее избавиться, отправить ее туда, отку-

да она пришла, а еще лучше – похоронить. Своеобразные вербальные похороны считаются наиболее радикальным способом избавления от болезни. Всю ворожбу, наговоры нужно забить осиновым колом в землю [Бердяева, № 24].

*Исполохи, переполохи, порчи,
Уроки, всякие прикосы.
Идите в пеньё, кореньё.
В грязи топучи, в ключи кипучи.
Там вариться, там кипятиться,
Под осиновый кол уйти,
Камнем накрыться, землёй завалиться,
Мохом – травой зарости.* [Бердяева, № 25]

В приведенном выше тексте описывается бытовавший в народной среде способ хоронить колдунов, ведьм, заложных покойников (умерших неестественной смертью) в глухих пустынных местах – в нежилом пространстве, вдали от кладбищ, потому что предкам – покойникам было бы такое соседство неприятным. Широко бытовало убеждение, что колдуны, ведьмы, заложные способны вставать после смерти, вредить людям. Существовал ряд предосторожностей, чтобы они не могли вернуться из «нежизни» снова в жизнь: им подрезали подколенные жилы, перевязывали верёвками ноги, клали в гроб вниз лицом, вбивали в спину заостренный осиновый кол.

В тексте, описывающем изгнание болезни, реальные обрядовые действия представлены в вербальном (словесном) варианте. Слово приравняно к действию. «Осиновый кол» берёт на себя злую силу болезни, так же, как в обыденном представлении, в реальной жизни он оказывает спасительное действие от колдунов, колдуний, ведьм. «Осина может служить целебным средством для прогнания нечистой силы, болезней», – пишет А.Н. Афанасьев и приводит ряд интересных примеров, которые встречаются в народной апотропеической практике. При купании больного ребенка в воду бросали кусочки осины, ограждая тем самым от испугов, уроков, озыков; на осиновый пень сажали больного ребенка, чтобы осина забрала болезнь, дала «леготу» и т.д. [67: 218-219].

В ряду опасных детских болезней в Вологодском, Архангельском краях упоминается «родимец», «родимчик». Это судороги, которые наблюдаются в первые месяцы жизни младенца. «Родимец есть у старых, у малых, у всех других людей <...>, когда чело- века трясёт в судорогах...» [ТРМ, № 399].

«Знаешь э, двигги бывают. Двиг – это хуже он грыжи, целовек болеэт, – двигаэт – то ево, дергаэ-то эдак. Лучше грыжа, чем двиг». Информатор рассказывает, как лечила двиг и грыжу мать. «Она вяжат узёлки, и там ещё што говорит <...> я у ей спрошу: «Что вяжешь? – мама отвичаёт што: «Двиг и грыжу»... А мне тако: «Вяжи крепче, чтоб век не было!» [Северное Белозерье, 129].

Родимец заговаривают одновременно с «уроками», больного поят водой, собранной с четырёх углов стола, «землей с двенадцати полей», растворённой в чашке с водой. Произносимая формула: «*Мать сыра-земля, принимай или лёготы давай*» [ТРМ, № 405] подтверждает трудный случай заболевания и неуверенность в благополучном исходе. Похороны Родимца – еще один способ изгнания болезни:

Помер Родимец, помер Родимец.

Восстал Раб Божий.

Младенца спаси.

Гордость, злость, ересь в землю кладу,

Коленом гнету и ногой затопчу.

Святой Боже, Святой крепкий,

Святой Бессмертный, помилуй нас.

[ТРМ, № 403]

Вербальные похороны Родимца имеют охранительный характер, имитируют умерщвление болезни, отправляя ее в землю, уточняя пространственный локус. Земля имеет двойную семантику: в ней есть «чистое» и «нечистое» место, куда и отправляют Родимца.

Архаические истоки имеет обряд прощения, обращенный к природным стихиям, выполняемый при возникновении болезней «без видимых причин».

Непонятную болезнь называли *притка* (*притча*, *доспешка*, *поглум*). Судя по народным описаниям, она появляется, как и другие, от порчи, «притошных оговоров», «притошных притошниц», от сглаза, возникает внезапно. Первое действие, которое предписывалось выполнить обязательно – «проститься с местом», на котором человек ощутил признаки болезни. «Притка» может приключиться и с ребенком – упал, ушибся, и с взрослым: «Упадёшь, сружёшься – и в сей же момент доспешка и пристанет» [Бердяева, 274]. В Белозерском крае в такой ситуации рекомендуется проговорить:

*Мистечко, мистечко, не ты меня досадило.
Я тебе досадила. Тьфу, Аминь, тьфу, аминь, тьфу, аминь.*

Говорить надо, тесно прижав сомкнутую ладонь ко рту так, чтобы ни одно слово не ушло, и потом ладонь, «со словами» приложить к больному или ушибленному месту» [ТрМ, № 479].

Г.И. Попов так описывает лечение притки: «...Ходят на это место подряд три зари, три раза кланяются в землю и каждый раз приговаривают: «Свято место, прости меня, Христа ради». (Нижегородская губ.) Более подробно он рассказывает, как этот же обряд бытовал в Пензенской губ. Там он назывался «прошение притки» – это более сложный вариант обряда. Если больной сам не может идти, его несут на то место, где он почувствовал боль. Если это ребенок, его несет мать. Из дома выходят в полночь, обязательно с человеком, который знает, как выполнять обряд. При выходе из дома кладут поклоны на все четыре стороны, по приходе на место целуют землю, просят у нее прощения от имени больного:

*Мать сыра земля,
Прости меня, раба Божия (имя), окаянного,
Что ступил на тебя нечистою ногою
И тем оскорбил тебя.
Прости, прости меня, мать сыра земля.
Аминь, Аминь, Аминь.*

Затем опять кладут поклоны в землю и трижды целуют ее. Такое прошение должно повторяться три ночи кряду. После каждого прошения возвращаются домой с поклонами» [68: 427 – 428].

Поклоны «на четыре стороны» произносятся со словами: «Обращаясь на восток, говорят: «Мать сыра земля! Уйми ты всяку гадину нечистую от приворота и лихого дела» <...> Обращаясь на запад продолжают: «Мать сыра земля! Поглоти ты нечистую силу в бездны кипучие, в смолу горючую»; на юг произносят: «Мать сыра земля! Утоли ты все ветры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучие со метелью», и, наконец, на север: «Мать сыра земля! Утоли ты ветры полуночные со тучами, содержи (сдержи) морозы со метелями» [69: 59].

Четыре части света имеют постоянную смысловую символику. Восток – жилище Бога. Запад – Сатаны. Просьба к Земле «поглотить нечистую силу в бездны кипучие, в смолу горючую», изгнание болезни «в грязи топучи, в ключи кипучи, там варится, там кипятит-

ся» соответствуют народным представлениям о преисподней, месте обитания нечистой силы и грешников.

В заговорных речениях, наговорах, молитвенных обращениях об избавлении от болезни, от притки, поскольку народные целители затрудняются определить причину заболевания, где у ребенка болит, перечисляются все возможные места, которые может поразить болезнь.

«Количественная повторяемость» связана с представлением, что если не упомянуть данный вид болезни или данную часть тела», то болезнь поразит не названную, – отмечает В.П. Петров [70:129]. Поэтому подробно перечисляются все виды болезни от притки, уроков, время, когда была наслана порча, люди, которые могли ее наслать. Приведем несколько примеров.

Благослови, Господи, Пресвятая Богородица, всем скорбям помощница,

*Спаси от вихрю и от ветру, от моровой язвы,
От встрешного и поперешного,
От притки сухой, от притки водяной,
От притки ветряной, заряной и полуденной.
От притки вечерней, часовой и получасовой
Минутной и полуминутной у рабы Божьего (имя).
Спаси, Богородица, от всякого глазу:
От рыжего, красного свирепого.
Уймись, притка и глаз, и простуда,
И колотье, и стук. Аминь. [71:427]*

Чтобы ребенок ночью спал спокойно и с ним не приключилась доспешка (то же, что и притка), мать произносит простую заговорную формулу: «Понесёшь ребёночка из бани вечером, на заре: «Заря – зарница, заря, красная девица, возьми бессонницу у (имя)» [ТРМ, № 354].

Используют и более сложные вербальные способы избавления от доспешки, плохого сна ребенка:

«Встану я, раба (имя) благословясь, пойду перекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота, во чистое поле, на синее море. На синем море лежит золотый камень. Из – под этого золотого камня бегут ручьи бегучие, кипят ключи кипучие, из под пенья, из под коренья, из-под белого камня. Смой, сплочи с раба (имя) все придше доспешки, все озы и досуды от чего рабу (имя) сделалось:

От частых дождей, от буйных ветров.

От злых вихров, от худых дум.

Или ни в час, или ни в раз,

Или от белого глаза,

Или от синего глаза,

Не я помогаю, не я пособляю.

Помогает, пособляет сама Мать пресвятая Богородица

Со всем собором, со всеми святыми во веки веков. Аминь.

За ручей перехожу и наговор переносу». [Бердяева, № 28]

К сожалению, этот оберег записан без ритуального контекста. Не разъяснен информатором архаический смысл последней очень важной фразы. Подтекст восстанавливается с привлечением аналогичных вариантов обряда. «Обряд держится дольше, чем помнится его первоначальный смысл последней очень важной фразы», — замечает А.Н. Пыпин [72: 26]. Привлекая аналогичные варианты, в которых фигурирует переход через реку, ручей [73: 68 – 69], можно восстановить ритуальный контекст. В обряде активно участвуют два персонажа: знахарка и посредница, пришедшая за советом, как исцелить больного ребенка. Получив заговор, она должна не потерять слова по дороге домой. Первую охранительную формулу она (посредница) произносит, выходя из дома знахарки, защищенного от нечистой силы: «Порог перешла – слова перенесла». Но впереди дорога к дому, «чужое» пространство. «Дорогой не говори, назад не оглядывайся, слова (т.е. полученный заговор – М.В) могут не пристать». Дорога – «мир небытия», где нужно избегать встреч [74: 102]. Чтобы попасть в «свое» пространство и «донести» слова, нужно пересечь границу, отделяющую «чужое» от «своего». В приведенном примере это ручей. В Архангельской области, пересекая реку, ручей, брали на берегу песок: «Переходишь через реку, берёшь песок: песок взяла – слова перенесла» [75: 68 – 69].

Заговорная формула «*За ручей перехожу и наговор переносу*» является в контексте обряда очень важной: только выполнив все предписания, можно «донести» слова до дома, приступить к лечению ребенка. В противном случае заговор не подействует.

Еще один вид порчи, которой были подвержены дети, – *уроки, уреки, суреки*. Это заболевание проявлялось в виде беспокойства ребенка, бессонницы. Основная причина – сглаз. Ребенка лечили в основном универсальными народными средствами: водой, окуриванием. «Если обурочат, надо посмотреть в воду (налить в чашку), сквозь зубы умыть и спать уложить (ребенка). Он проснётся и всё

уйдёт. «Как можно обурочить? – У тебя твоё дитё красивое, я пришла и поговорила, а ты подумала» [ТРМ, № 328].

*Стоит Егорий среди Угора.
Шатром прикрылся, копьём подлёрся.
С неба звезды пали,
Все уроки, прикосы, с (имя рек) спали.*

До трех раз проговорить в воду и той водой обкатить. [ТРМ, № 345]

Особые целебные свойства приписывали соли. Ей натирали больные места, три или девять щепоток соли растворяли в воде, пропущенной через дверную скважину, и поили больного. Особые магические свойства получала четверговая соль, заготовленная в Страстной четверг. Она охраняла и дом, и людей от сглаза, враждебных сил в течение года, ей лечили от самых разных болезней, детей – от уроков, сглаза и т.п. «На соль, на хлеб супостата нет», – довольно распространенное убеждение в Вологодском крае. Хлеб и Соль – сакральный вид пищи, дар Божий, самая верная защита от нечистой силы.

П.С. Ефименко описывает успешный, по мнению архангелогородцев, способ защиты и лечения от уроков, сглаза, порчи. Надо добыть кусок одежды от подозреваемого человека и сжечь на раскаленных углях. Исполнителя обряда спрашивают, что он делает. Происходит диалог:

- «Что куришь?» – ему отвечают:
- «Курю уроки, призоры, лихие оговоры,
От мужика-русака, от девки простоволоски»
- «Кури горазже, чтобы век небывало».

Этим оканчивается обряд, который, смотря по надобности, повторяется еще несколько раз» [76: 198, № 5].

Мы перечислили и описали далеко не все разновидности детских болезней и способы их лечения. Несмотря на вариативность, они достаточно однотипны и универсальны. Это лечение **словом**, которому приписываются апотропеические свойства, и воздействие на болезнь и больного акциональным путем, через предметы, наделяемые ритуально-магическими функциями.

III

В обрядах, связанных с рождением ребенка, Д.К. Зеленин и А. ван Геннеп независимо друг от друга (такое бывает в науке) выделяют три этапа, которые мы рассмотрели в первой части работы. Д.К. Зеленин просто перечисляет три основных момента (само рождение; приём в общину нового члена; очищение матери и повивальной бабки); А. ван Геннеп выделяет те же этапы, называя их обрядами перехода. Именно это определение вошло в научный оборот [77].

Женщина кормит грудью ребенка до года или до новой беременности, полтора, два года; шестимесячных детей уже начинают прикармливать. Отлучение от груди означало окончание определенного, первого этапа в его жизни, прекращение органической связи с матерью.

Мать отстаивала в этот день обедню в церкви вместе с ребенком, по приходе домой давала ему кусок хлеба, посыпанный солью, и говорила: «Дай Бог от груди отстать, а к хлебушку пристать... Возьми, господи, младенца <имя> на свои хлеба» [78: 31]. Матери посвящали новорожденному младенцу много времени и заботы. Оставляя ребенка на попечение «пестуны» (няньки), мать приговаривала: *«Будь ты, моё дитячко ненаглядное, светлей солнышка ясного, милее вешнего дня, светлее ключевой воды, белее ярого воска, крепче камня горючего. Отгоняю от тебя: черта страшного, отгоняю вихря бурного, <...> защищаю от слепого знахаря, от хитрого чернокожника, от старухи ведуньи. <...> А будь моё слово, сильнее воды, выше горы, тяжелее золота, крепче горючего камня Алатыря <...> А кто вздумает моего дитячко обморочить и узурочить, и тому скрывается за горы Араратские, в бездны преисподняя, в смолу кипучую, в жар палючий»* [Забылин, 295].

Пестуньями были старшие девочки. Александра Федоровна Едемская (Кокшеньга, д. Рыкаловская) вспоминает: «Я была старшая, братья младшие. Помню себя с пятого году нянчила брата маленького, братишечка... три-четыре года пестовила. Любила мальчика». (АГЛМ, Ф.А. инв. 1. Д. № 33). В Архангельской губернии нянек-девочек называли *смотря*. В первый год жизни ребенка учили сидеть (пятый-шестой месяц), ходить. Отцы делали «сиделки», «стоячки», «постоялки». Если ребенок долго не ходил, помимо «разрезания пут», его водили по полю, посыпая перед каждым шагом конопляное семя; или во время пасхальной заутрени или обедни проводили через ток [Зеленин, 330].

Первая годовщина рождения ребенка у русских отмечалась обрядами опоясывания и первой стрижки волос. Считали, что до года ребенок еще не «на ходу», не «вошёл в первый разум». Ранняя стрижка может помешать говорить, «можно обрезать язык». И первое подпоясывание, и первая стрижка носили праздничный характер.

Постоянное ношение пояса было таким же обязательным, как и нательного креста. В поясе реализовалась идея круга, охранительного замкнутого пространства: пояс защищает от нечистой силы, подпоясанного человека «бес боится». Обряд подпоясывания выполняла обычно крестная мать. Она ставила ребенка к печному столбу, надевала на него пояс, приговаривая: *«Будь здоров и толстой как печной столб»*.

В обряде первого пострижения волос у ребенка Д.К. Зеленин усматривает отголосок древнерусского обряда посадки мальчика на коня. Обряд не сохранился, но в некоторых областях России, в Томской губернии, по сведениям Г. Потанина, в XIX веке еще бытовала формула: «Желаю вам спойть, скормить и на коня посадить» [79: 56]. Д.К. Зеленин приводит и другие обычаи при стрижке волос: мальчика сажали на топор, а девочку на коноплю, чтобы она выросла хорошей пряхой. Вариант: «Ребёнка, которого стригут, сажают на шубу чаще всего чёрную и положенную мехом вверх. Крестный отец и мать по очереди крестообразно состригают волосы с головы ребёнка». Подстригать ребенка могла и повитуха. Поскольку этот обряд воспринимали как новый этап вхождения ребенка в жизнь, ему делали подарок – новую рубашку. Волосы в народном представлении – двойник человека. Отрезанные волосы хранили всю жизнь, клали в гроб, когда человек умирал. По волосам гадали, как долго будет жить ребенок. Их закатывали в воск при крестинах, опускали в купель. Если тонули – не жилец, если плавали по поверхности – к жизни. Во время болезни скатанные в комок волосы забивали осиновым колышком в дверную притолоку на уровне роста ребенка. Постоянно измеряли, если перерос он эту отметку, то выздоравливал. Или закладывали волосы больного ребенка в «горькое дерево осину», передавая ей болезнь [Забылин, 369]. Если хотели видеть ребёнка кудрявым, засовывали волосы в плетень, а чтобы он был темноволосым, закатывали в коровий навоз [80: 331]. По окончании церемонии устраивали для гостей и соседей угощение. Ритуал пострижения повторялся и на седьмом году жизни, когда у ребёнка менялись зубы.

* * *

*Ночью в избе, под напевы метели
Тихо разносится скрип колыбели...
Месяца свет в темноте серебрится –
В мерзлые окна по лавкам струится*
И. Бунин

Детский возраст варьируется от 5 – 6 до 7 – 8 лет в разных районах России. Это период младенчества, время, в которое по народным представлениям, ребенок постепенно «входит в разум», приобщаясь к взрослой жизни через игру. Как отмечает Йохан Хейзинга, игра воспитывает ребенка, она проявляется в разных формах этой деятельности, она сочетает серьезные и игровые моменты, «протекает внутри своего игрового пространства, <...> но передается далее по традиции, по установленным и узнаваемым правилам, <...> опирается на действия с определенными образами, <...> на известное «пре-ображение действительности» [81: 13, 18, 29]. В процессе игры возникает эмоциональный контакт – необходимое условие для нормального психического развития ребенка. Укачивая малыша, матери мечтали о его будущей, счастливой и удачной жизни. В старинных колыбельных песнях эта вера проявляется в идеализированных, несовместимых с реальной крестьянской жизнью образах. Колыбель ребенка висит

*Во высоком терему,
Крюк золотой.
Рамки бархатные,
Колечки витые,
Крюки золотые. [Шейн, № 9]*

*Когда вырастешь велик,
Будешь в золоте ходить,
Будешь серебро носить. [Шейн, № 7]*

Трогательную просьбу – пожелание высказывает, убаюкивая ребенка, архангельская крестьянка:

*Будь моё дитяtko,
Счастливо и талантливое,
Будь, моё дитяtko.
Губернаторша или чиновница.
Попадья или протопопица. [82: 198]*

Женщина с люлькой

Архангельская губ., Онежский у., с. Ворзегоры. 1910 г.

Но значительно чаще в материнских колыбельных песнях находят отражения реальные стороны крестьянского быта:

*Спи, посыпай
Боронить поспевай,
Мы те шапочку купим,
Зипун сошьём.
Боронить пошлём.
В чистые поля.
В зелёные луга. [Шейн, № 16]*

*Дед-нянька качает люльку
Орловская губ. 1908 г.*

Или:

*Уж мы Стёпоньку разбудим,
На работку поведём,
На работку поведём
Косу в рученьки даём
На-ко, Стёпа, покоси.
Хоть по поженке ходи
Хоть по пашенке ходи,
Отца, матери весели. [83: № 46]*

При знакомстве с материнским фольклором поражает народная интуитивная педагогическая система взглядов на место ребёнка в семье и в обществе.

Родился ребенок, мальчик. Пуповину ему завязывают на тополе, внося в избу, кладут на порог, учат ходить на току. Эти обряды, по народным представлениям, ориентированы на будущее: он должен стать хозяином, помощником.

В колыбельной песне все обрядовые действия, обретая словесные выражения, формируют мировосприятие маленького крестьянина. Родители видят в детях свою «заменушку»:

*Уж как это-та заменушка
Уж как батюшкова.
Уж как батюшка заменит.
Боронить поле поедет...
А как матушку заменит,
То на лугу-то поедет.
Возьмёт грабли – то на плечо, да
Загребать пойдёт сенцо.*

[Ефименкова, № 48]

Девочку в дом не случайно вносят через окно: она выйдет за муж, уйдёт в чужие люди:

*В чужих людях хорошо,
Белым ручкам тяжело...*

Но пока еще маленькая крестьянка окружена любовью матери, она – «сугревушка», «увага», «свича». Ей предстоит трудная женская доля:

*Спи-тко, девушка, да
Полёвая жнеюшка,
В чистом полюшке жнея,
У окошечка швея,
В чистом поле кошея...*

[Ефименкова, № 50]

Старинные колыбельные песни вводят ребёнка в ежедневный быт семьи.

*Окаю да зыбаю,
Отец ушёл за рыбою.
Мать ушла коров доить,
Сестрица пелёнки мыть,
Бабушка баньку топить.
Будем Ваню в баньке мыть.
Буду я тебя качать,
Никому не дам кричать.
Лю-лю-лю, бай-бай,
Поскорее засыпай. [84]*

Песни складываются спонтанно, из дум и размышлений матери: «Да как сидишь у люльки, тут всё переберешь» [85: 3]. Это рассказ о ребенке, о доме, о себе, о том, что ребенка окружает, каким хотят родители его видеть. А.Н. Мартынова называет этот тип песен «повествовательными» [86: 65 – 66]. Приведенные в качестве примера песни не рассчитаны на понимание ребенка. Колыбельная лирика не ограничена бытовым назначением и не сводится к поучительности. Человеческая речь, ритм, влияют на чувствительность ребёнка к слову, формируют фонетическое подражание. Первые песни, которые он слышит, строятся в основном на производных от слов «бай» и «люли»:

*Люлю люлю люлю люлю,
Люлю люлюшки люлю, да
Байки баюшки баю!*

[Ефименкова, № 11]

Или:

*Баю бай бай бай,
Баю баеньки бай,
Баю баеньки.
Баю миленького,
Да хорошенького,
Да пригоженького!*

[Ефименкова, № 25]

По мере роста ребенка языковой образ окружающего его мира расширяется, наполняется персонажами и предметами, которые он постоянно видит. Помощник пестуны – «котинька – коток, котик серенький лобок».

*Пошёл котик во лесок,
Нашёл котик поясок,
Чем люлечку подцепить.
Да Ванюшку положить.
Ваня будет спать,
Котик Ваню качать.
А котик его качать,
Да серинький величать.*

[Шейн, № 17]

В славянской народной традиции кот – домашний покровитель, оберегающий дом от нечистой силы. Домового видели иногда в облике кота. При переезде в новый дом в первую очередь запускали кота, на счастье. «В несчастливом доме коты не ведутся», – существует примета. Кота клали в колыбель к ребенку [87: 94; 98; 176; 228].

Представляется весьма убедительным вывод В.П. Аникина из наблюдения над эволюцией колыбельных песен. Он отмечал, что они со временем утратили заговорно-заклинательные моменты. «Первоначальная мысль таких песен связана с магией: считалось, что много спящий кот может передать свои привычки ребёнку – обыкновением было класть кота в колыбель. С течением времени образ забыли, но кот остался «персонажем» колыбельных песен» [88: 561].

Не менее популярный персонаж колыбельных песен – «гуленьки», голуби. Символика голубя навеяна библейскими и евангельскими сюжетами. Во время крещения Иисуса Святой дух сошёл на него в виде голубя. Голубь сообщил Ною о конце потопа [89].

Голубь – птица чистая, символизирует счастливый семейный союз (пара голубей), кроткая, мирная. Все эти качества, привнесенные христианским мотивами, должны были перейти к ребенку.

*Люли – люли – люленьки.
Прилетели гуленьки.
Стали гули ворковать:
«Чем нам Вовочку питать?»
Залетели в уголок,
Разложили огонёк,
Стали кашку варить,
Стали Вовочку кормить. [90: 11]*

Все зооморфные персонажи, населяющие колыбельные байки, живут в иносказательном человеческом мире: «курочка в сапожках избушку метёт», петушок «трое лаптей сплёл», «козёл муку мелет, коза подсыпает», «котик пляшет, Колю забавляет» и т.п. Животные наделены способностью думать, говорить, разумно действовать.

Основное назначение колыбельных песен – успокоить, усыпить ребёнка. Возникают персонифицированные образы – Сон, Угомон, Дрёма.

- *Сладкий сон тебя возьми,
Угомон тебя возьми!*
- *Крепкий сон к тебе приди*

- Сон да Дрёма по – под зыбочке брела,
К Лиле в люлюшку легла. [Ефименкова, 12; 7; 1]
- Сон да Дрёма по качульну брела,
Лю-лю, лю-лю, по качульну брела.
Вове в баиньку легла, укачала, уклала
Укачала, уклала, Вове спать велела. [90: 10, 12]

Ребёнок не засыпает, у матери много домашних забот: «надо жать и косить, деткам ягодки носить» [91: Архив ВГПУ, Харовский р-н, 2001 г.].

Появляются в песнях персонажи, наделённые негативной семантикой: Бабай, Бука, Ува, Серый волчок и др.

*Ува ходит по сараю.
Кричит: «Галю забираю!»
Уйди, Ува, под сарай,
Нашу Галю не пугай.
Мы её не отдадим,
Галя нада нам самим.
Галя будет крепко спать.
Будет глазки закрывать
Лю-лю, бай, лю-лю, бай.
Поскорее засыпай.*

[91: Архив ВГПУ, Харовский р-н, 2001 г.]

В колыбельных песнях, как и в оберегах от болезней, соединяются разные представления: рационально – бытовые, мифологические и религиозные. Наряду с Дремой, помогают убаюкивать малыша Богородица, Ангелы, Христос. Со временем, отмечает В.П. Аникин, все эти образы превратились в художественные [92: 561].

- Спи-ко, Валя, со Христом,
Под серебрянным крестом.
- Спи-ко, Шура, Бог с тобой.
Вьётся ангел над тобой,
Над твоею головой.
- Богородица пришла,
Славику сон принесла.
- Спи-ко, Лиля, Бог с тобой.
Ангел божий над тобой
Крылышками помахивает,
Лилю спать укладывает.

- *Ангел с небеси, больше сну Вове неси.*

[Ефименкова, 7; 11; 6; 1; 37].

«Спи по ночам, а расти по часам», – общее место всех колыбельных песен.

Следует выделить еще один воспитательный мотив колыбельных песен: ребенка «знакомили» со всеми членами семьи. Не случайно, первые слова, которые он произносит, представляют собой только слоги. А потом и полностью : ма – мама, тя – тятя, ба – баба, па – папа. Мать внушает:

*Когда вырастешь большой.
В лес по ягоды пойдешь.
Много ягод наберёшь.
Маме, папе принесёшь.
Дай и дедушке, дай и бабушке.*

[93: 40 – 41]

Вариант, записанный от 90 – летней «пестуны»:

*Байки – побайки.
Куплю матери – китайки, на платьице,
Отцу – кумачу, на рубашечку,
Братцу – бархатцу, на обновочку,
Сестрице – ленточку аленькую,
Дедушке – сапоги валенные,
Бабушке – коты тёплые.
Себе шапочку, ушаночку.*

[91: Архив ВГПУ,
Харовский р-н, 2001 г.]

Конечно, говорить о практическом усвоении младенцем рекомендаций помнить о всех членах семьи, быть добрым, заботливым, благодарным не приходится. Все материнские наказания, советы представляют «совокупность навыков и приёмов, <...> не столько система, сколько сумма знаний и умений», то, что Г.С. Виноградов назвал «народной педагогикой» [94: 79, 82] – составная часть русской традиционной культуры материнства и детства.

Ребенок растет, узнает близких, двигается, меньше спит. В репертуаре пестуний появляются «пестушки» и «потешки»: «ладушки», «сорока – ворона». Это песенки забавные и шуточные, в них через игровые моменты закладываются первые уроки морали: че-

ловека кормит труд. Рассказывая, как «сорока-ворона» кашу варила, деток кормила», загибают пальчики, каждый пальчик – ребёночек сороки. Малыш вступает в игру, и когда последнему ребёночку – мизинчику каши не дают, поясняют почему: «Он дров не пилил, воды не носил», – ребенок со временем усваивает совсем простую истину. В этой игре-потешке важны так же и физические действия: сгибая и разгибая пальчики, ручки получают «держаньице». В пестушках очень много элементарных физических упражнений, складывание и разведение рук, стих, сопровождающий движение, создает определенный ритм, его усваивает ребенок. Одна из любимых младенческих игр «Треньки-потреньки»: ребенка покачивают на коленях, подбрасывают, приговаривая в такт, роняют на спину:

*Треньки-потреньки,
Три курицы в зобеньке.
Петух – топтун,
Соловей – свистун,
Конь вороной,
Поскакал с бороной.*
[90: 24; Тарногский р-н]

Вариант:

*К бабушке в гости,
По кочкам, по кочкам,
Рысью, рысью.
Скок, скок, скок!*
[90: 24; Верховажский р-н]

Для всех районов Вологодчины, как отмечают И.С. Слепцова и И.А. Морозов, характерна игра в сажень. Ребенка сажают на колени спиной к себе, сводят и разводят ручки, приговаривая: «Тяте – сажень, маме – сажень», и т.д., перечисляя всех родственников, «а Толеньке самая большая на головушку сажень», – поднимают ручки на головку ребенка [90: 25-26].

Продолжая знакомить ребенка с окружающим миром, прибегают к игре в «перевёртыши», – термин, предложенный К.И. Чуковским и введенный им в оборот в книге «От двух до пяти» [95]. Абсурдность рассказанного воспитывает чувство смешного, приучает юмористически принимать мир, правильно ощущать его.

*Ехала деревня
Мимо мужика
А из-под собаки
Лают ворота:
«Караул, деревня,
Мужики горят!
Бабы сарафаном
Заливать хотят!*

[96: 128]

*Уж и где это слыхиват-те.
Уж и где это видыват-те.
Чтобы курочка – бычка принесла,
Поросёночек яичко положил?
Уж и где же это видыват-те,
Чтобы кобыла – цыплят высидела,
На печи мужик объягнулся?*

(АГЛМ, Ф.А. инв. 1,
д. 43, № 10.
Кокшеньга, 1924 г.
Запись М.Б. Едемского)

*Шёл мимо, видел диво:
На дубу свинья гнездо свила.
На дубе – то ветки,
На ветках и детки.*

(АГЛМ, Ф.А. инв. 1,
д. 40, № 8.
Рыбинская губ.
Запись М.Б. Едемского)

Таким образом несообразностью оттеняют нереальные свойства вещей.

Малышей в два-три года, летом, отправляли с няньками-девчонками на улицу. Игры были просты, сочинялись по ходу. Игру в «петушки» описывает И.И. Шангина. Двух ребятишек ставили лицом друг к другу, поднятые кверху руки образовывали ворота. Третий ребёнок проходил через воротца. По команде пестуний воротца закрывались, «петушка» сжимали, чтобы освободиться, он должен был кукарекать [96: 46].

*Купание детей в речке
Московская губ. 1913 г.*

В четыре-пять лет игровой репертуар усложнялся. Дети в этом возрасте были уже более подвижны, могли бегать, догонять, ловить. Любимыми играми были «кошки-мышки»; «У медведя на бору грибы-ягоды беру. А медведь-то спит, на нас не глядит», – дети подходят ближе к «спящему медведю». Он просыпается и ловит кого-нибудь. Пойманный становится медведем. В игре «Гуси-лебеди» волк ловит гусей-лебедей, а им нужно убежать от него. – *Гуси-лебеди, домой! – зовёт хозяйка.*

- *Там волк под горой, – хором отвечают гуси.*
- *Что он делает?*
- *Гусей щиплет!*
- *Каких да каких?*
- *Серых да белых! Бегите поскорей!*

Вариант:

- *Гуси, гуси!*
- *Га, га, га!*
- *Есть хотите?*
- *Да, да, да!*

- *Летите домой!*
 - *Серый волк за горой!*
 - *Так летите, как хотите, только крылья берегите!*
- (Архив ВГПИ, Харовский р-н, 1990)

Гуси – лебеди бегут. Волк ловит их, уводит пойманного, который становится волком.

Коллективные детские игры воспитывают чувство самостоятельности, объединение с другими детьми, зависимости от них. Ребенок во время игры испытывает положительные эмоции, которые возбуждает игра, она ставит его в положение организованного действия, укрепляет физически.

Народные детские игры образны. В центре игры – случай, событие, заставляющее ребёнка переживать, поскольку в основе игры – элемент борьбы: волк ловит – гуси убегают; медведь ловит – дети убегают; коршун ловит цыплят – наседка защищает.

Структура игр проста. В них есть единая цель, одноплановость действия, законченность и завершенность. Образы и сюжеты детских игр доступны и понятны маленьким детям, близки их воображению. Младшие дети ещё не являются носителями игровых традиций. В совместных играх со старшими детьми осваивают традиционные приемы игры.

Содержание народных детских игр традиционно, удовлетворяет интерес детей, отвечает их возрастным жизненным запросам. Детские игры вписываются в традиционную культуру материнства и детства как необходимое содержание воспитания. Традиционная народная педагогика интуитивно определяет возрастную последовательность игр от младенчества до зрелости. Характер игр меняется постепенно.

Ряд детских игр основан на соединении движения с песней, в которых ребенок выполняет то, о чем поется в песне. Это хороводные игры: «Каравай», «Заинька». Игры, сопровождаемые припевами – «Уголки», «Ключи», и др.

Игра «Заинька» хороводная, дети изображают то, о чем поется в песне.

*Заинька мимо сада,
Серенький мимо сада,
Розан, розан мимо сада,
Розан, розан мимо сада!*

Эта игра – небольшое драматическое действие, в нем несколько сцен. Дети ходят по кругу, сначала в одну сторону, потом в другую. «Зайнышка» ходит за хороводом «мимо сада»:

*«Зайнышка, войди в садик,
Серенький, войди в садик.
Розан, розан войди в садик,
Розан, розан войди в садик!»*
Зайнышка вошёл в садик.
*«Зайнышка, топни ножкой,
Серенький, топни ножкой.
Розан, розан, топни ножкой
Розан, розан топни ножкой!»*

Дети показывают зайнышке, как нужно «топнуть ножкой», а затем следует новое задание:

*Зайнышка, попляши,
Серенький, попляши.
Розан, розан, попляши,
Розан, розан попляши!*

Вместе с «зайнышкой» пляшет весь хоровод.

(Архив ВГПУ; Великий Устюг, 2000 г.)

Игра соединяет ритм, слово, движение, не отделяя от игры песню, которая и определяет сюжет игры.

Особенность многих народных детских игр – игровые зачины, предшествующие основному действию. Г.С. Виноградов называл их очень точно «игровой прелюдией» [97: 142]. «Игровая прелюдия» вводит детей в игру, распределяет роли, организует ее ход. К игровым зачинам относятся «Считалки», «Жеребьевки», в которых проявляется словесное детское творчество. Пример игрового зачина в «имайках» (жмурках):

- *Шёл баран
По крутым горам.
Вырвал травку,
Кто возьмёт – вон пойдёт.*
- *Ехал мужик по дороге
Сломал колесо на пороге.*

*Сколько звезд,
Говори поскорей!
Не раздумывай.*

(Архив ВГПУ; Великий Устюг, 2000 г.)

- *Кады-бады.
Налей воды,
Корове пить
Тебе водить.*
- *Катился горох по блюду.
Ты води, а я не буду. [98]*
- *Раз, два, три, четыре!
Чай пили, чашки били.
По три денежки платили.
Кто не хочет платить,
Тот и будет водить!*

(Архив ВГПУ; Великий Устюг, 2000 г.)

При «жеребьёвках» дети должны разбиться на две партии, ответив на вопрос и сделав выбор, встанут на одну из сторон.

- *Конь вороной
Стоит под горой.
Какого берёшь?
Сивого или золотогривого?*

(Архив ВГПУ; Тотемский р-н, 2000 г.)

- *Дома быть
Или по морю плыть?
[96: 116]*
- *Что берёшь:
Наливное яблочко
Или золотое блюдечко?*
- *Чего тебе надо:
Сено косить
Или дрова рубить?
[96: 116]*

- *Травки – муравки*
Али золотой булавки? [96: 117]

Считалки при игре в «спрятки»

* * *

*Шла кукушка мимо сети,
А за нею малы дети,
И кричали: «Кук! Мак!»
Убирай один кулак!*

* * *

*Раз, два, семь, восемь,
Ходит бабка с длинным носом,
А за нею – дед.
Сколько деду лет?
Говори поскорей,
Не задерживай людей!*

* * *

*На златом крыльце сидели:
Царь-царевич,
Король-королевич,
Сапожник, портной.
Кто ты будешь такой?*

(Архив ВГПУ, 2000 г.,
зап. Н.Г. Мачинская (1969 г.р.);
Великий Устюг)

В детском быту есть свои традиции, передаваемые младшему поколению старшими. Детские игры доступны и понятны малышам благодаря близости сюжетов и образов детскому воображению. Педагогические достоинства детских игр несомненны. Они свободны от узких дидактических задач, способствуют физическому развитию ребенка, формируют личные качества, необходимые в будущей взрослой жизни: умение командовать и подчиняться, постоять за себя и помочь другому, умение быстро реагировать и принимать решения.

В практике воспитания ребенка, приобщения его к включению в активную социально-трудовую жизнь, важную роль выполняли *игрушки-самоделки*, изготавливаемые взрослыми для детей и самими детьми из подручного материала: соломы, глины, тряпок,

деревяшек, а также приобретенные на ярмарках, в лавках, изготовленные мастерами-игрушечниками.

Домашние игрушки детей были примитивны. В Кичменгско-Городецком районе делали кукол из соломы: брали ржаную прямую солому, пучок (грудку), выравнивали, сверху в стороны отводили часть соломы, перевязывали, получались руки. Из пучка соломы делали лошадок: перевязывали в трех местах, перегибали – делали голову, пригибали – получался хвост.

Кукол делали также из тряпочек (рясочек), их не сшивали, а сматывали, лицо не рисовали, «навертишь потолще, перевяжешь ниточкой, чтоб головка была отдельно» [99: 95 – 96].

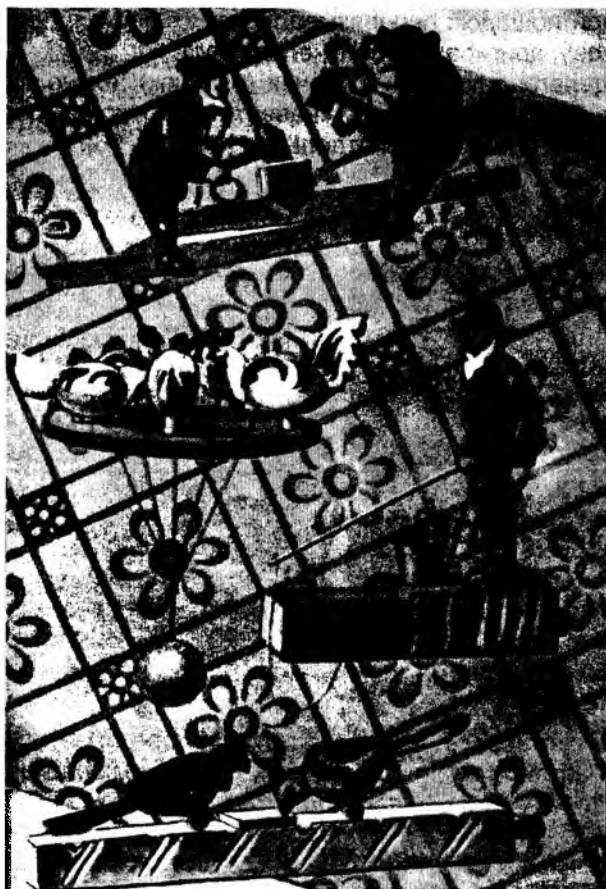

Дымковская игрушка

Большая часть игрушек-самоделок предназначалась для игры «во взрослую жизнь». Игрушки напоминали модели из крестьянского обихода: телеги, сани, орудия труда, домашнюю утварь, то, что дети постоянно видели, чем пользовались их родители.

Из глины делали домашних и диких животных: коня, корову, свинью, гусей, кур, петуха, медведя, зайца, волка.

М.Б. Едемский подробно описывает игрушки-самоделки детей из д. Рыкаловской (Кокшеньга) Тотемского уезда Вологодской губернии (1924 г.). Из приведенного собирателем перечня игрушек можно сделать несколько выводов: у мальчиков и девочек есть свои любимые игрушки и игры [100].

Богородская резная игрушка

В начале подросткового возраста (7 – 8 лет) дети делают то, что видят у себя дома, в избе, во дворе, в конюшне, амбаре.

Мальчики 7 лет изображают домашних животных: собак, свиней, петухов, уток, а также игрушки, которые двигались: волчки, кубари, вертушки, «уркаўки» (свистульки – М.В.), в которые можно

было играть в одиночестве и в компании, с элементами соревнования: чей волчок или кубарь вертится быстрее, столкнет соперника; чья «уркайка» громче свистит и т.д.

Городецкая деревянная игрушка

Мальчики 10 – 12 лет, подростки, делали игрушки, предназначенные для игры в «крестьянскую жизнь», отражающие особенности мужского труда: топоры, грабли, молотки, трепало, мялки, ножи, вилки. Среди них были мастера, они могли сделать гармошку или тальянку. Летом любимой игрой была война, а зимой устраи-

вали битвы деревянных солдатиков, среди которых были «свои» и «враги».

Девочки-подростки любили сюжетные игры: «в дом», «в дочки-матери», «в свадьбу» и т.д., имитируя то, что видели в своей семье и в деревне. В играх девочек моделировался семейный быт, отсутствовали постоянные персонажи. Они появляются по ходу сюжета, в котором основное внимание уделяется не действию, а имитации бытовых подробностей. Игровая «семья» включала представитель старшего, среднего, младшего поколений: это «бабы и мужики», «молодые» (муж и жена – М.В.), «девки» (невесты), «маленькие деушки». В «Доме» были кухонная и столовая утварь: «стол для стрепни», «весло для мешания в квашне теста», «лопатка для теста». Из глины делалась посуда, необходимая для «стрепни»: чашки, ложки, тарелки, стакан, кринки, горшки, ложки, вилки (приемцы), ножи, поваренка, блюдо. «Стрепня» повторяла «рецепты» домашней кухни. Из песка и глины пекли колобки, короваи, «налеушки», «полеванки», «прясные пироги» и т.п. Из этого описания можно выделить три композиционных момента игры «в дом»; распределение ролей, изготовление посуды, «стрепня». К сожалению, М.Б. Едемский не описал ход самой игры. Играя в дом, изображая семью, девочки усваивали с помощью игры свои будущие обязанности [100].

Интересную игру «в свадьбу» И.М. Левина записала в Архангельской губернии [101]. Несколько детей в одном доме собирались со своими куклами, уговаривались играть в свадьбу. Список «персонажей» в этой игре соответствовал «местной традиции и коллективному представлению о ней» [102: 68]. Подростки русской деревни с детства «впитывали» фольклорное знание, наблюдая свадебный обряд в своей семье, семьях подруг, соседей. Персонажи кукольной свадебной игры традиционно очерчены и узнаваемы. Сценарий игрового действия имитирует отдельные моменты обрядности, «сохраняет его отдельные структурные звенья в их естественной последовательности» [102: 101].

Куклы изображали невесту, жениха, сваху, дружку, подруг невесты и т.п. На одном подоконнике была «изба невесты», на другом – «изба жениха». В каждой избе была необходимая для игры мебель: стол, лавки, скамейки, на которых сидели нарядно одетые куклы. Девочки повторяли традиционный ритуал, начиная с выборов родителями парня будущей невесты, сватовство, богомолье, девичник, на котором невеста прощалась с «дивьей волей», посещение бани, отъезд на венчанье, само венчанье, свадебный пир, брачную ночь, обряды следующего дня, хлебины, пир в доме роди-

телей молодухи. Вся игра сопровождается пением свадебных песен, причитаниями, приговорами дружки. Для примера приведем эпизод прощания невесты с родным домом. Начинают обрядовать невесту. Одна из организаторов игры говорит, что должна обрядовать божаточка. Надевают кукле повязки и закрывают ее платками. Куклы-подруги усаживаются около, на окне. Появляется новая кукла – брат невесты. Она ему причитает, просит «истопить баенку», чтобы «смыть тоску да кручинушку, / сполоскать слезы горючие». Кукла-божаточка и кукла-замужняя сестра невесты ведут ее с окна на лавку, «поветь». Идя по «повети», невеста причитает: «Не несут меня да ноги резвые, / Не ведут да оци ясные / По тятенькиной да по повети / Да и по маменькиным да белым сеничкам». Снова заходят на окно, «в избу», кланяются, снимают с невесты платки. К ней подходят подруги-куклы. Невеста обнимается с ними, причитая в перерывах между объятьями. После этого кукле-невесте начинают расплетать косу, под причитания девочки, играющей за невесту [101: 93 – 94].

Ролевые игры передают восприятия детьми мира взрослых, перенося в игру «подсмотренное и подслушанное в самой жизни» [102: 90].

Приобщение детей к трудовой деятельности начиналось в процессе игры, которая постепенно переходила в работу. Обрядов перехода в категорию подростков зафиксировано недостаточно, чтобы их классифицировать как инициацию. Т.А. Бернштам на примере поморов (мурманские промыслы) описывает посвящение в профессию, близкое к обряду инициации. Подросткам давали невыполнимые задания, обманывали, накладывая вместо рыбы в мешки и снасти камни, устраивали между ними состязания, заставляли добывать себе пропитание, формируя таким образом профессиональные навыки [103: 162].

Крестьянский ребенок в 8 – 10 лет умел обращаться с лошадью, ездить верхом, гонять ее на водопой, пасти лошадей в ночную пору. Подростки-мальчики помогали отцу в полевых работах, возили снопы, сгребали сено, зимой ездили в лес за дровами (вспомните некрасовского «мужичка с ноготок», тургеневских мальчиков из «Бежина луга»). В 12 – 13 лет мальчики приучались к пахоте, косьбе, приобретали навыки во всех крестьянских работах, кроме сева. В зимнее время мальчиков-подростков обучали ремеслу. Они могли прибить доски, сплести лапти, вместе с отцом занимались дегтекурением и т.д. Подростки постепенно готовились к совершеннолетию: зарабатывая деньги, готовили взрослый комплект одежды, старшие подростки на пассивных ролях допускались в мужские

компании. Этнограф Гр. Потанин, сравнивая украинских и севернорусских детей Вологодской губернии, отмечал, что последние со взрослыми держались как равные, они казались преждевременно повзрослевшими, серьезными и самостоятельными [Зеленин: 331].

Бабенские точеные игрушки

В семь – восемь лет девочки выполняли по дому мелкую работу: мыли посуду, подметали ежедневно пол, присматривали за курами, гусями, за телятами и овцами, которые без пастуха паслись недалеко от дома. Девочки знали свою корову, загоняли ее вечером в хлев. Матери рано приучали девочек к порядку, учили шить, прясть. В десять – одиннадцать лет девочка работала с матерью в поле, вязала снопы, на сенокосе жала в кустах траву, сгребала сено, полола в огороде грядки, могла приготовить обед, приобретая к совершеннолетию все знания, необходимые в будущей семейной жизни. «В 15 лет девушка входит во все хозяйство и домашнюю работу». Она умеет подоить коров, прясть. «Жать, косить, метать сено <...> может шить рубашку, платье, связать чулки; выучивается разными травами красить белую пряденую шерсть, умеет найти эти травы, а иногда и соткать из этой пряжи для себя юбку с разными цветными клетками...» [104:55].

Воспитание детей было целенаправленным. Отношение взрослых к детям было заботливым, любовным, терпимым. Приобщая ребенка к труду, родители понимали, что он должен трудиться в

меру своих сил, чтобы работа не стала наказанием. Народная педагогика диктовала постепенное включение ребенка в трудовую жизнь семьи и того социального окружения, к которому он принадлежал.

Переход в новый жизненный период у девочек начинался с 15 – 16 лет, у мальчиков с 17 – 18 лет. К этому возрастному периоду заканчивалось игровое оформление трудовых процессов. Переход «в полноценное взрослое состояние» растягивался **от года до пяти лет**. Образ жизни молодежи в течение перехода повсеместно в России носил название «игра». Это «время жизни» молодежи, групповое сближение парней и девушек. Универсальной формой сближения были хороводы, в которых на бытовом и ритуально-игровом уровне отражался процесс перехода; вечерованья, посиделки, постоянное групповое общение во время будней, во время повсеместной работы.

Групповое общение молодежи включалось в календарный цикл. Календарные рубежи фиксировали «время жизни молодежи». Летний солнцеворот был поворотной точкой в молодежной игре, символизировал совершившийся переход девушки во взрослое состояние, давал право на брачные отношения.

Семья и община завершала процесс воспитания, создав «систему ритуального регулирования образа жизни и возрастных процессов» [105: 230 – 237].

ПРИЛОЖЕНИЯ

НАРОДНЫЕ НАЗВАНИЯ ДЕТСКИХ БОЛЕЗНЕЙ

- Банная**
(Баенная) притка –
Барин – внезапная болезнь, сглаз. Чирый (Иваницкий, 111). Фурункул – гнойное воспаление. Предрасположение – расчесы, ссадины, загрязнение кожи, а также авитаминоз. Народные средства лечения: испечь луковицу и привязать к фурункулу; смешать муку ржаную с медом и привязать к фурункулу; посолить крепко кусок ржаного хлеба и привязать к больному месту. Чирьи в большом количестве – **жолви, вереди** (Иваницкий, 111).
- Болятка –** диспепсия, расстройство пищеварения, возникающее из-за несоответствия состава и объема пищи физиологическим особенностям ребенка.
- Веред –**
Врёк – нарыв (Иваницкий, 111).
- Воспница –** сглаз, порча (Афанасьев, 105), недобрая похвала.
- Грыжа, грызь, грыза –** оспа (Иваницкий, 111). Острое инфекционное заболевание. Болеют чаще дети до 10 лет. Сыпь на коже может оставить рубцы. В настоящее время, благодаря вакцинации, заболевание ликвидировано.
- Дезг –** опухоль от прорвавшейся и выдавшейся под кожу внутренней части тела. Может выходить через пупок или через пах (Даль I, 40).
- Доспешка –**
Игрец – «черная немочь, когда бьет» (Даль I, 665). Эпилепсия.
- внезапная болезнь, падение, ушиб. кликушество; нервные припадки (эпилепсия).

Икота –	разновидность кликушества. Возникает при нервном возбуждении, в результате судорожного сокращения диафрагмы. Рекомендовалось поить ребенка отваром из семян укропа.
Икотка –	разновидность кликушества (Власова, 211).
Кила –	непроходящий нарыв на теле. Порча, пущенная по ветру (ТРМ, 174).
Корюха –	корь (Иваницкий, 111).
Криксы –	ночной плач грудных детей (ТРМ, 164).
Куриная слепота –	ухудшение зрения с наступлением сумерек.
Молочница –	заболевание полости рта у детей первых недель и месяцев жизни из-за недостаточного соблюдения гигиены кормления, чистоты сосков матери, сосок.
Оговор (озёва, озёвать, огольцить) –	сглазить, испортить, наслать болезнь оговором (Афанасьев, 111).
Огневица –	лихорадка (Иваницкий, 111).
Озёп, озёпать –	болезнь с испугу или сглазу (Афанасьев, 105).
Озык, озычить –	сглазить. «Не только плохо, но и хорошо подуманное о ребенке» (ТРМ, 167).
Оприкосить –	сглазить, намеренно навести порчу (ТРМ, 163). «Изурочить худым глазом <...>. У кого худые призорчивые глаза, от кого прикидываются <i>прикосы</i> , болезни» (Даль III, 417).
Осуд(а) –	«Осуда, когда позавидуешь человеку и скажешь, какой он хороший» (Бердяева, 217). Порча от дурного глаза.
Переполохи –	беспокойный сон у детей. «Надо рубашку задом на перед надеть» (ТРМ, 163).
Письяк –	ячмень, гнойное воспаление края века.

Полуночна, ношник –	бессонница. Женское существо, вызывающее крик, бессонницу (ТРМ, 168).
Порина –	рана.
Порча –	заболевание, причиненное колдовством. Припадки в виде падучей (эпилепсии). «Порченный – испорченный злым знахарем» (Даль IV, 322). «Порча бывает двоякая: временная, на несколько лет, от которой можно и выздороветь, или же навек: такая порча неизлечима» (Попов, 98).
Притки (притча) –	внезапная болезнь, сглаз, несчастный случай (ТРМ, 168).
Притка –	бес, причиняющий неожиданные острые боли, схватки (Максимов). «Без притки веку не изживешь» (поговорка). Опритчить – свести с ума (Власова, 426).
Родимец, родимчик –	падучая болезнь, эпилепсия, психическое заболевание с судорожными припадками, потерей сознания (<i>двиг, игрец</i>).
Свороб (нуд, почесуха) –	чесотка. Заболевание, вызываемое чесоточным клещом. Заболевание связано с неблагоприятными бытовыми условиями. Клещ поражает у детей подошвы, ладони, волосистую часть головы. Детей моют настоями девясила, лопуха, чистотела, череды.
«Собачья старость» (сухота) –	рахит. Детская болезнь, вызванная нарушением обмена веществ, характеризуется изменением нервной, костной, кроветворной систем.
Седун –	ребенок, который долго не ходит.
Спешка –	вывих, перелом (Бердяева, 275). Мать ребенка должна «проститься с местом, где упал и ушибся ребенок, просить у земли прошенья» (Власова, 427).

- Стень (худоба, сушец) –** «Сильная болезненная худоба, иссушающая ребенка» (Даль IV, 332). Туберкулез. Причина заболевания – неблагоприятные условия жизни, снижение сопротивляемости организма, прямые контакты с больным. В народной медицине при лечении стени (туберкулеза) применяется отвар столетника (алоэ) с медом, сок и ягоды черники, морошки, чай из шиповника.
- Страх –** тревожное состояние, в котором пребывает ребенок. Страх «засекают» каким-либо острым предметом (нож, топор, ножницы).
- Сурек, суреки –** слез, насланная болезнь, порча. Случается, когда ребенка осудят.
- Урок, уреки, осурочить, изурочить –** вид порчи, насланная болезнь (ТрМ, 163).
- Ураз –** любая травма, вывих, перелом (ТрМ, 171).
- Усовь –** колотье (Иваницкий, 111).
- Утин –** чаще – болезнь спины (радикулит); в то же время – разновидность «собачьей старости»; рождается ребенок «квёлой», вялый, его протаскивают через утин, между (ТрМ, 369; Даль IV, 519 – 520).
- Черезуха –** понос – колит, энтерит (Иваницкий, 111). В народной медицине используется внутренняя часть куриного желудка, высушенная, истолченная в порошок, разведенная водой или отваром риса.
- Щетинка –** подкожные твердые волоски на плечиках и спинке ребенка. вызывают у младенца зуд, криксы, оттирают медовым тестом (Даль IV, 656).

Неплодность женщины в крестьянской семье считается большим несчастьем; думают, что неплодием Бог карает родителей за грехи их или их отцов. Если же женщина забеременела, то стараются предрешить вопрос: кто родится – сын или дочь? Замечают при этом, что если женщина худеет лицом, то родит мальчика, а не худеет, то девочку; если живот обостряется – родит мальчика, если он широкий – девочку, если раздваивается, то двойни. Или если выдается правый бок – родит мальчика, а левый, то девочку.

Перед наступлением родов, родильницу удаляют от прочих домочадцев в хлев, в подполье или в чулан. Перед наступлением акта рождения женщину кладут на спину; тут она обыкновенно причащается; если же роды трудные, то прощается с родными. Муж во время родов обыкновенно присутствует и дает жене в рот воды из своего рта или держит жену на коленях.

При начале родов родильница молится: «Пресвятая Богородица, отпусти матушку Соломониду, не погнушай мне грешной, помоги мне при родах». К Соломониде обращаются потому, что, по представлению крестьян, когда Божьей Матери пришло время разрешиться от бремени, то св. Иосиф пошел, привел Соломониду и она приняла младенца.

Для облегчения родов готовят на воде настойку из васильков и пьют ее; за неимением настойки, васильки просто жуют и глотают. Родильница пьет также воду с углей, выскочивших из печи, заранее собираемых и хранимых, для того чтобы родить так же скоро, как уголь выскочил из печи. С этой же целью пьют настой травы, называемой прострел (*Pulsatilla patens*).

Для облегчения родов бабка расстегивает ворот рубахи – своей и родильницы, расплетает у нее косу, вынимает серьги из ушей, при родовых муках велит зажечь венчальные свечи, окачивает водой обручальные кольца и этой водой поит родильницу; муж идет к попу и просит отворить царские двери в церкви.

До наступления родов, родильница еще должна грызть свое колено, когда же младенец родился, бабка, завернув пупок младенца в пеленочку, подносит его ко рту матери и велит кусать этот пупок, при чем спрашивает: «Что грызешь?» – «Грызу» (т.е. грыжу), отвечает родильница. – «Чтобы по веку не было грызы»; затем бабка начинает мыть ребенка. Его завертывают вместо простыни в грязную отцовскую рубаху, для того, чтобы отец любил ребенка.

Вместе с тем живот родильницы перевязывают полотенцем туго-натуго. Ей обязательно подают ломоть ржаного посоленного хлеба и рюмку водки – чистой или настоянной на калгане, и она должна съесть хлеб и выпить водку.

Детское место моют холодной водой и завертывают в чистую тряпку. Если оно после девочки, то с ним кладут одно яйцо, а если после мальчика, то два. Место с яйцами зарывают в навоз или под подвальное бревно. Это делается с той целью, чтобы у ребенка не было грыжи. Пуповину перевязывают натуго ниткой и мажут деревянным маслом. Затем каждый день в продолжение недели головку новорожденного сильно сжимают руками.

Ели дети рождаются в сорочке, то замечают, что они будут счастливы в жизни; сорочку высушивают и берегут до венца, жених или невеста берут ее с собою для счастья или, вообще, во избежание всего дурного в течение свадебных дней.

Если у новорожденного головка необыкновенно развалилась, или он кричит вяло, слабо, замечают, что он скоро умрет и, наоборот, если головка маленькая и крепкая, и он кричит громко, то будет жить. Если ребенок появляется на свет лицом вниз, это тоже означает, что он «не жилец».

Для удаления дурных влияний окачивают водой три дверных скобы и этой водой вспыскивают новорожденного; или же сливают воду со дна двух ведер на тарелку и наговаривают: «Как на этих на угорах не держится вода, так бы не держалась на рабе божьем (имя рек) опризорище и оговорище; с ветру пришли на ветер и подите». Этой водой ребенка поят и вспыскивают для той же цели.

Верят повсюду в то, что ангел приносит душу ребенка и присутствует при его рождении. Зная, что злые духи особенно опасны для новорожденных и родильницы, их одних не оставляют в избе до очистительной молитвы и сороковой; кроме того родильницу не показывают посторонним, пока она не оправится, во избежание всяких дурных влияний.

Верят, что ребенок родится в тот самый час, в который зародился, так же точно, как и умрет рано или поздно в этот же час. Местами же думают, что ребенок родится через девять месяцев, изо дня в день спустя неделю после зачатия. Женщина, родившая мертвого ребенка (стало быть, остающегося некрещеным), покупает каленкору на 40 рубашечек детских и 40 крестиков и раздает 40 тяжелым (т.е. беременным) женщинам, для того, чтобы ее ребенку было легче.

В самый день рождения ребенка родильницу водят в баню. Когда она идет туда, бабка трет ей лоб солью и приговаривает: «Как

эта соль не боится ни жару, ни вару, ни опризорищей, ни оговорищей, так и раба божия (имя) не боялась ни опризорищей, ни оговорищей». При этом она бросает соль на отмахку.

Как только женщина родила и известие об этом разнеслось по деревне, пекут пироги и несут родильнице, «как волхвы несли дары свои». Пироги эти белые и их нанесут иногда на целый месяц. Но пироги не пекут и не носят те бабы, которые в это время беременны. Родильнице теща подносит рюмку водки, другую рюмку зятю, ему же платок, потом свекру и свекрови, всем знакомым и бабке (повитухе) по рюмке и платку, или же ситцу.

Родильница встает с постели, смотря потому, как оправится. В крайнем случае дают «отдохнуть» три дня. В иных местах если вылежит на спине неподвижно сутки, дают встать на другой же день.

Пеленание и купание ребенка предоставляется бабке в продолжение девяти дней. Во время пеленания бабка говорит: «Одну душу бог простил, другую народил. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа; аминь» при этом кладет на младенца крестное знамение.

Мать старается кормить ребенка грудью как можно долее по примете, что пока кормит одного, нового не понесет. «На сырое молоко живо пристанет». Иногда не отнимают ребенка от груди до трех лет.

Крещение младенца происходит в церкви или на дому, смотря по обстоятельствам и состоянию родителей. Выбор имени новорожденному не сопровождается никакими обрядами. Обыкновенно дают имя того святого, в какой день родился ребенок, или по близости этого дня. Часто дают имя особенно счастливого родственника или же, для запечатления в памяти, имя деда или бабки.

Купальную воду с остриженными волосами выносят восприемники и выливают под часовню, или в такое место, где не ходят люди и скот. Волосы младенца бросают в купель и смотрят, как они станут плавать. Если кружатся – к житью, если идут ко дну – не к житью. Смотрят так же «входит ли в тело елей» при крещении; если входит – будет жить; так же наблюдают чихнул ли младенец: если чихнул – будет жить.

Восприемники как друг к другу, так и к родителям младенца становятся в родственные отношения, называют друг друга *кум, кума или божат, божатка, крестник, крестница*. К крещению божатка приготовляет крестнику рубашку, божат – крестик, или дает денег на крестик. Родильница иногда получает от восприемника ситцевый платок. В Никольском уезде в день крестин пекут особые пирожки с овсяною мукой, намазанные сверху маслом; они зовутся *кстинчики*. Беременной женщине нельзя воспринимать младенца:

или он умрет, или она не доносит, а если и доносит, то ее ребенок не будет жить.

На Удоре, в Яренском уезде, младенца для крещения никогда не носят в церковь, а, по старинному обычаю, всегда крестят дома. В кумовья, тоже по обычаю, берется первый попавшийся на улице. Если родился мальчик, то при крещении бывает один крестный отец, а девочка, то – одна крестная мать.

Маленьким детям рождение ребенка объясняют различно. То говорят: ходила мамка в город (или куда-либо) да ветром брюхо надуло то – дитя родилось из левой пазухи, то нашла у себя под пазухой, то принесла в коленях из поля.

Колыбель для ребенка, зыбка, делается из еловых или сосновых дранок и бывает продолговато-овальной формы; к ее ободу, облучку привязываются два дугообразных лучка, к лучкам веревки, веревки же прикрепляются к концу очепа (качулно) – длинного шеста, утвержденного в потолок или продетого в железное кольцо, ввинчиваемое в потолок; зыбку покрывают ситцевым или холщевым пологом.

Порожнюю зыбку не позволяют качать, чтобы ребенок спал хорошо, спокойно; если же качать порожнюю, это вредно для ребенка и у матери от этого скоро родится другой ребенок; также не дают качать двоим разом. На качулно не весят пеленок, иначе дитя будет спать беспокойно. Если ребенок смеется во сне, это значит, что его «тешат ангелы».

Если предшествующие дети у родителей умирали, то практикуется мнимая продажа детей, состоящая в том, что родители дают несколько копеек лицу, у которого дети растут сильными и крепкими. Этот человек берет деньги, покупает в церкви свечку и ставит ее тому святому, имя которого дано мнимо-купленному новорожденному. В жизни и покупщик и ребенок обоюдно зовутся мнимыми: кум, кума, божат, божатка.

Если ребенок не по летам умен или очень развит, то думают, что он недолговечен. Широкое темя у ребенка означает, что он живуч, а острое – признак недолговечности. Больших размеров голова вообще служит признаком большого ума, хотя и замечают, что не всегда большеголовые – умны. «Лоб широк, да в голове то – мох».

Уход за больными детьми обыкновенно довольно ласковый и внимательный. Их держат в необыкновенном тепле, среди лета окутывают овчинным одеялом; раза по два в день суют в печку; кладут в зыбку больному «сон пр. Богородицы», просфорную печать погружают в воду и этой водою моют и поят детей.

Если ребенок долго не говорит, его поят водой, которой был окачен колокольчик, или же делают так: сажают ребенка в мешок и

несут кругом церкви. Если в это время кто-то спросит: что несешь? Надо ответить: колокол. Обнеся вокруг церкви, втаскивают мешок на колокольню и ставят его под колокол; окачивают язык колокола водой и этой водой поят ребенка. Если узнают, что где-нибудь льют колокол, то делают «жертву на колокол», т.е. дают (или посылают) деньги. – Если ребенок долго не ходит (*седун* с большим брюхом «от опою»), то его ставят на пол и рубят кругом его пол топором. Болезнь седунов называется *собачья старость*. Для излечения ее иногда нахлещут собаку поганым веником, а потом этим веником хлещут ребенка, чтобы выгнать из него болезнь.

У детей бывает болезнь *ношник* (бессонница). Для излечения делают колобань (колоб) на дрожжах и дают есть ребенку, но лучшим средством считают квасцы. Ребенок не спит от того, что его не моют от «родимой грязи» в нем зарождается *щетинка*. Ночью эта щетинка высыпает на спине и на плечах. Чтобы ее вывести, бабушка сперва натирает ребенка мылом, споласкивает и затем парит ребенка в печке, приговаривая при этом: «Я мою и парю от ношника от полуношника, от двоезубаго, от троезубого, от двоеглазого, от третьеглазого, от девки пустоволоски»¹. Когда же выпарит, толчет квасцы, смешивает их со слюной и натирает ребенка так по два и по три дня. Тогда щетинка пропадает.

Когда у ребенка выпадает молочный зуб, то бросают этот зуб через голову на пень и приговаривают: «Мышка, на тебе зубок репяной дай мне костяной!»

Женщину, заспавшую ребенка, ставят в церкви на три ночи на покаяние. Около ее чертят на полу круг, из которого она не должна выйти, пока не придет поп. Дьявол, не смотря на то, устраивает по верованию крестьян иногда страшные шутки. Так был случай, что в первую ночь стояния женщины, он поджег церковь, на вторую ночь опрокинул церковь (она была деревянная) и прогрыз стену, а на третью ночь поставил церковь кверху дном.

Вместо стояния в церкви, в других местах виновная женщина, вместе с мужем, взяв в руки икону и «христову» свечу, обходит за ночь три раза вокруг селения. При этом случилось однажды, в первую ночь и муж и жена едва могли совершить обход, потому что везде оказался осек и лес (поставленный, конечно, дьяволом) и в лесу «кричало», на вторую ночь лесу стало меньше, а на третью оба прошли уже свободно.

¹ То есть та, которая ходит без платка. Такая девка может *изурочить* ребенка.

Обряды, связанные с рождением ребенка, в материалах, собранных в Кокшеньге Тотемского у. Вологодской губ. в 1924 г. М.Б. Едемским

«Бабка принимает ребенка. Иногда моет на «родин<н>ом месте», иногда нет. Последнее предпочитается: меньше бывает свищуи. Меньше ур<о>чится. С казенной бабкой беспокоинные робята бывають. По ж... хлопает, когда крикнет.

Родившегося несут в баню. Бабка остригает пуповину у робенка на расстоянии полвершка, и не сразу перевязывают: пуццай родинная кровь выходит. Перевязывают в бане волосами роженицы, которые тут же вытаскивают из головы, или ниткой перевязывают с приговором. (Пуп после отрезания через борушку роженицы закусувают, при чем говорят: «Закусаю, загрызаю. Пупову грыжу, черную грыжу, белую грыжу, пупову грыжу, мудову грыжу».) После закусувания перевязывают. Перевязжут и начинают мыть. Бабка берет на колени рубаху родильницы, в которой родила. На нее посадят ребенка. Потом моет овечьей шерстью, намыливает, старательно промывая лицо и голову, а также все части тела с приговором:

*Господи, благослови!
Бабушка Саломанидушка!
Христова возлюбленица,
Как мыла-парила
Раба своего,
Поди попарь, погладь моего р(аба) Б(о)жия).
На легос(т)ь, на здравие,
На Божью милос(т)ь.
На сон, на рос(т), на моучанье.
На большое веселье.
Аминь (3 р.)*

Плюет на головушку.

Воду сперва с локтей спускает на ребенка с приговором: «Как эта водица на локтях не держется, так бы на рабе Божьем младенце не держались ни упреки, ни призорки, никакие наговоры».

Младенца кладут сначала ниц, а потом уже поворачивают.

Вымоют, станут пеленать. Оденут рубашку без рукавов, с [прямым] воротом. Теплая пеленка из женской рубахи. Подложат пояс и завязывают, стягивают довольно сильно, уложив ноги.

*Трески-верёски.
Подъте на темные лёски.
Нашё дитятко спи да моўчи.
Рано и поздно, во всякое время
Угомон держи.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!
Берут ребенка в одну (левую) руку, и шепчут:
Щекотка-щекотуха.
Не декуйся над моим младенцем.
Поди в чисто поле.
Собирай самоцветы-камешки.
Клади под кутнее окошечко
Гля мышьих [детонек].
Тут вам дело, тут и работка.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь*

Перекрестят и сверху одевают крест. Крест – на пеленку.
Второй раз и третий, до 12-ти раз моют каждый день в бане, по
пословице: «Банька – вторая матка»

(РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1. Д. 101. Запись М.Б. Едемского от
А.Ф. Едемской, 1924 г., д. Рыкаловская, Тотемского у., Вологодской
губ.)

Родильно-крестильные обряды в Белозерском районе. Записаны студенткой филологического факультета ВГПУ Сухаревой Любовью в 2008 г.

Обязанности беременной

Основной запрет, который должна была соблюдать женщина, – не смотреть на все некрасивое, избегать негативных эмоций: закол животных, погребение умерших, разделывание дичи. Считалось также, что если мать не хочет иметь рыжего ребенка, то не должна смотреть на все рыжее. Т.Н. Грибанова (55 лет) закрывала глаза или отводила взгляд в сторону при виде рыжего кота.

Женщине, вынашивающей ребенка, строго запрещалось шить, вязать или вышивать, чтобы избежать завязывания пуповины вокруг младенца при родах. Г.Ф. Околова (45 лет) рассказывает, что знакомая, будучи беременной, «все время вышивала цыплят в корзинке» и, действительно, при родах ребенок был обмотан пуповиной.

Будущая мать становилась сдержаннее, скромнее. Считалось, что чем меньше люди о ней знали, тем лучше для нее и ребенка. Женщина старалась без нужды не показываться на людях, избегала гулянок, шумных компаний, чтобы уберечься от «сглаза» и порчи. В этих целях она носила просторную одежду, скрывающую живот.

Н.П. Сухаревой (52 года) свекровь запрещала ходить в лес: медведь чувствует беременную женщину и может напасть.

Приметы

- Следует ждать девочку, если женщина полнеет, ее живот имеет округлую форму; будет ждать мальчика, если живот ее принимает острую форму.
- Будет мальчик, если у последнего ребенка в семье волосы на шее не заканчиваются косичкой.
- Если женщине во время беременности хочется молочных продуктов, то родится девочка.
- Считалось, что мальчик прибавляет матери красоты, а девочка отнимает.
- Если мать хотела родить мальчика, то под кровать клали топор (Н.П. Сухарева, 52 года).

Рождение ребенка

Женщины мало внимания обращали на беременность, работали, пока не начнутся схватки. Г.К. Молчанова (78 лет) рассказывает: «Моя бабушка, когда была беременной, то по-прежнему работала и дома, и в поле. Она и родила в поле на сенокосе. Срок беременности подходил к концу, день был душный и жаркий, а бабушка сено убирала вместе с другими женщинами. Родила она в тот день за копной сена. Пуповину перевязала ниткой из своей юбки, в юбку запеленала ребенка, покормила и оставила на сене. Сама же встала и пошла дальше работать.

Время было такое. Ничего не боялись и никакой работы не чуврались. Может, потому и дети вырастали неизнеженными, крепкими и здоровыми». Саму же Галину Кирилловну мать родила в скотнике.

Н.К. Плакова (75 лет) вспоминает, что рожала дома на полу, мать помогала, она же перевязывала пуповину младенцу. Через два дня после рождения Гриши мать вышла на работу. «Были и такие женщины, которые рожали легко и быстро. Знала я Августину Мартынову, она родила, и в тот же вечер на танцы пошла». Я задала Надежде Константиновне вопрос: были ли меры и способы по облегчению мук роженицы: «Знаю лишь, что когда закарается (начнутся схватки), то нужно полезть женщине через хомут. Если есть мужчина в доме, то он должен выстрелить под окошком роженицы, чтобы испугать ее. Для этого же некоторые из родственников кричали «Пожар!» «Пожар!», но бабки говорили, что чем меньше людей знает о родах, тем легче разродиться».

К.В. Смирнова (82 года) рассказала, что беременную женщину считали «нечистой». Роженица, чтобы избежать осквернения дома, уходила рожать в укромные места: в баню, хлев, подпол, сарай. К.В. Смирнова говорит, что почти все семьи соседей были многодетными: Бариновы имели 8 детей, у одной из их дочерей было восемь, а у внучки – пятеро; Плаковы, Паликовы, Фокины имели по семь детей. В семье Аншуковых Екатерины и Василия, родителей Клавдии Васильевны, было шестеро детей: Федор, Василий, Марфа, Клавдия, Маруся, Надежда. Все дети в этой семье умели читать и писать, никто не матерился, не курил и не употреблял спиртное. В д. Мартыново, по словам Е.В. Сухаревой (72 года), у Большаковой Феклы Федоровны было 12 детей, а у Мартыновой Феклы – 11.

Но ведь и так бывало, что жена приносит лишь дочерей. Для крестьянской семьи это было убыточно – нужно готовить приданое,

не хватает мужских рабочих рук в хозяйстве. Так вот, в деревне Пустынка жили два кума. У одного из них, что не ребенок – то дочка. А у другого жена была на сносях, он пообещал тому, что если родится мальчик, то отдаст ему. Действительно, родился мальчик, родители ребенка отдали куму с кумой, которые назвали его Мишей и воспитали как родного. Он называл их всегда «мама» да «папа» – такую историю рассказала К.В. Смирнова.

Бабка

«Сама-то я бабить не ходила», – рассказывает К.В. Смирнова. Действия бабки-повитухи объединялись в одно слово – «бабить».

Принимали роды только старухи. Они развязывали на роженице все узлы (пояс, платок, передник), чтобы роды были легкими. До рождения они клали под подушку женщине ножницы с той же целью. Обычно в течение шести недель после родов повитуха жила вместе с матерью и ребенком, брала их под свою опеку. В течение этого срока мать и дитя старались не показываться на глаза людям. Молодые женщины не могли присутствовать при родах, свои знания повитуха передавала лишь в глубокой старости. Считалось, что повитухи знают с лешими, они заговаривают ребенка. От грыжи младенца обычно заговаривали в бане, от порчи, неприятностей – через дверную скобку. К.В. Смирнова рассказывает: «Ребенка держат под скобкой и приговаривают: «Как эта скобка не боится ничего, так пусть мой ребенок не боится ничего».

«Второй мой сын Саша был плакун, – вспоминает Елизавета Васильевна Сухарева, – никак не могла успокоить ребенка. Пришлось идти к бабке. Она дала совет. Нужно умыть ребенка через дверную ручку: взять в рот воды и вылить через скобку на головку его, сказав: «Откуда пришла, туда и иди». Мне это помогло».

Часто роды принимала свекровь. Иногда лишь на день-два после рождения приглашали повитуху, чтобы отвести порчу, «сглаз». Е.В. Сухарева (72 года) вспоминает: «Первенца моего Мишу принимала мамаша (свекровь). Рожала дома, на истопленной печи. Роды прошли легко. Ребенок родился в «рубашке». Свекровь говорит, что это к счастью, нужно лишь рубашку сохранить. Повесила она ее у печки, да пока ребенка-то мыли, кошка «рубашонку» и съела. С тех пор и говорим, что Мишино счастье кошка съела».

Повивальные бабки иногда крестили новорожденных. Повитуха брала святую воду, разводила ее простой водой и трижды поливала младенца, приговаривая: «Во имя Отца, во имя Сына, во имя

Святого Духа. Аминь» и давала ребенку имя. Именно таким образом был крещен Михаил Сухарев, сын Е.В. Сухаревой.

После родов над постелью младенца и матери помещали иконки со святыми.

После рождения

При внесении ребенка в дом мать передавала его на руки отцу, таким образом, муж официально признавал его своим. Считалось, что новорожденный будет счастливым, если он, будучи мужского пола, похож на мать, а женского – на отца.

Забота о ребенке требовала много знаний и опыта. Молодая мать вновь прибегала к помощи бабки. Вот некоторые советы, которыми поделилась Елизавета Васильевна Сухарева:

- Самый первый раз ребенка мыли в теплом коровьем молоке на печке, потом в отваре калины.
- Он «сглаза» перед показом на люди, перед прогулкой нужно замарать ребенка на видном месте (например, на личике) сажей. Это делалось для того, чтобы чужие младенца «обойкали», а не нахваливали.
- Если ребенок часто плачет, то нужно пойти на речку за водой и сказать такие слова:

*Земля матери,
Небо бати
Разрешите воды взять;
Не напиться, не намыться,
А младенца испкупати.*

- От слез есть и еще способ. На реке набрать воды в тихую погоду, «чтобы ребенку было тихо». Налить воду в стакан и поставить в трубу, во вьюшку, чтобы при топке печи прошел через воду первый дым. Этой водой облить младенца.
- Если у ребенка щетинка на спинке образовалась, то нужно катать по ней хлебным мякишем.
- Ноги маленьким пеленали туго. Для этого был нужен пеленальник – длинная лента, которой стягивали при пеленании ножки ребенка, чтобы не были они искривленными.
- Пустую зыбку качать – навлекать беду на ребенка.

По словам Н.К. Плаковой, пустышка в деревне представляла собой хлебный мякиш с сахарным песком, завернутый в марлю или

чистую тряпочку. Устройство бутылочки для кормления: от вымени убитой коровы отрезали сосок, очищали его так, чтобы осталась лишь кожная оболочка, а затем натягивали на бутылочку.

Считалось, что мурлыканье кота в доме приносит здоровье, крепкий сон и покой ребенку. В колыбель клали к малышу спящего кота, чтобы младенец спал и не болел.

Байки – колыбельные песни

(баять - говорить).

- Сон да дрема! Усыпи мое дитя
- Сон да дрема, приди к Ване в голова, накатися на глаза
- Сон придет и болезнь унесет!
- Сон зазываю, а болезнь прогоняю!
- А качи, качи, качи,
Прилетели к нам грачи,
Сели на ворота,
Ворота-то – скрип, скрип!
А Коленька-то спит, спит.

(Ритм и звуковой подбор соответствуют покачиванию и скрипу зыбки)

- Ваня будет спать,
Котик – люлечку качать.
Спи, посыпай,
Боронить поспевай
Мы те шапочку купим,
Зипун сошьем,
Зипун сошьем,
Боронить пошлем –
В чистые поля,
В зеленые луга.
Будешь ты помогать,
Землю русскую пахать.
- Огурец, огурец,
Не ходи на тот конец,
Там девки живут,
Тебе ноги прищумут.
Я не тятенькин сын,
Я не маменькин сын,
Я на кустике рос,

*Меня ветер снес,
Я упал на пенек,
Стал кудрявый паренек.
На пеньке-то денежки,
Меня любят девушки.
Котя, котенька, коток,
Котя – серенький лобок
Поди, котя, ночевать,
Нашу деточку качать.
Уж как я тебе коту,
За работу заплачу:
Дам кусок пирога
И кувшин молока.*

Родильно-крестильный обряд в Кичменгско-Городецком районе

Записан студенткой филологического факультета ВГПУ
Лобановой Кристиной в 2008 году.

Дородовый период. Отношение к беременной женщине

Во время вынашивания ребёнка жизнь будущей матери мало менялась: женщина занималась той же работой, что и прежде. По словам Селезневой Валентины Константиновны, «раньше беременные женщины работали в поле, пахали, боронили, плуг таскали на себе, никто не спрашивал, беременна или нет». «Могли немного облегчить работу только первородящей женщине», – вспоминает Ивановская Ангелина Матвеевна.

Забота о ребёнке начиналась задолго до его появления. В старину существовало множество правил-запретов, которых беременная женщина придерживалась:

- Нельзя сидеть на камне – роды будут сложными.
- Нельзя толкать кошку или собаку – у ребёнка будет «собачья старость».
- Нельзя остригать волосы.
- Нельзя ходить на похороны и на кладбище.
- Нельзя говорить, что пошла рожать.

Последний запрет особенно соблюдался. Даже мать роженицы, если она не являлась непосредственным помощником в родах, не должна знать о начале родов дочери. Раньше, когда рожали в домашних условиях (в бане, на повити), женщина уходила рожать скрытно. И даже теперь, когда роды принимаются в родильных домах, на вопрос любопытствующих о том, кого повезли в родильную палату рожать, акушерки отвечают уклончиво, не называя имени роженицы. Респонденты отмечают, что так поступают не только с людьми, но и со скотом: хозяйка дома не говорит своим домочадцам, когда должна, например, отелиться корова (срок называется только примерный).

Пол будущего ребенка тоже определяли по приметам. Всегда считали, что «если у женщины живот острый, то парень будет, а если живот широкий, расплывчатый, округлый, так будет девка». Это отмечают практически все респонденты.

Также считалось, что девочка у матери *«красоту забирает»*. Если женщина дурнела лицом во время беременности, а на коже

появлялись пигментные пятна, то это было первым признаком того, что женщина вынашивает девочку, а если внешне не менялась, то это предвещало рождение сына.

Отмечают, пол будущего ребёнка определялся следующим образом: беременную женщину усаживали на пол и просили подняться. По тому, как она вставала, определяли пол ребёнка: если женщина вставала на левую сторону, то у неё будет девочка («*дочка ближе к сердцу*»), а если на правую, то мальчик («*сын – правая рука, помощник*»); если вынашивает девочку, то встаёт легко, прямо, без затруднений, если вынашивает мальчика, то встаёт с трудом.

Роды

Начало родов тщательно скрывали, об этом не должны были знать посторонние. «Роды требуют тишины, не огласки», – говорит Лепихина Зоя Павловна. Раньше женщины работали до тех пор, пока не начнутся роды: «Начнутся схватки, схоронишься в поле под суслоны, родишь ребёнка, полежишь полчаса и снова идешь лён рвать или ячмень жать» (Огаркова Татьяна Михайловна).

Нина Ивановна Павлова вспоминает: «Летом чаще всего рожали на повити, в хлеве, зимой – в бане».

Перед родами снимали с себя все кольца, цепочки, ленты, украшения (и сейчас женщины поступают так же), расплетали косы — для облегчения родов. Одевали на себя чистую льняную рубашу, затем её ворот разрывали и снимали рубашу через ноги, «освобождая» таким образом все «пути-дороги» для успешного прохождения ребёнком родовых путей. Произносили при этом: «*Пресвятая Богородица Мария, открой все замки костяные и мясные, одну душу прости, а другую на свет выпусти. Аминь*».

Женщина перед родами переступала 9 порогов, чтоб роды прошли успешно. Умывались роженицы перед родами с яйца со словами: «*Как курочка яичко сносит быстро, легко, так бы и мне, рабе Божией (имя), родить младенца быстро и хорошо*». Для этого 3 яйца клали в обычную воду, говорили над водой заговор, затем её пили и умывались ею. Допускалось, что заговаривала воду не сама роженица, а бабка-повитуха. Текст заговора мог быть и другим. Вот пример других заговоров:

- «*И мышка рожает, и кошка рожает, и ты родишь*».
- «*Бабушка Соломоньюшка, приди ко мне на роды, к рабе Божьей (имя) открой три замка мясных, пуд водяных и выпусти младенца на свет. Аминь*».

- *«Чур мое слово, чур моя дума. Бабушка Соломия, приходи ко мне на рода, приноси три золотых ключа, открой мясные ворота. Чур мое слово. Аминь».*

Бабка-повитуха производила перед предстоящими родами действия с тестом. Помешивая тесто в квашне, приговаривала: *«Я тебя, квашёнка, творю недолго, тесто выходит и поднимается скоро, так рабе Божией (имя) мучиться недолго, часок минутный, а скорее – тем паче, мучения легче».* Легостаева Галина Александровна уточняет, что тесто давали роженице с новой деревянной ложки.

Женщину благословляли на роды. Использовали для этого разные иконы Божией Матери, в основном икону «Млекопитательница». Сбрызгивали роженицу и новорождённого святой водой и давали её пить.

На воду читали: *«Во имя Отца, и Сына, и Святого духа. Из града Иерусалима идёт Иисус Христос. Мати родила Иисуса Христа не болевши, не стенавши, и люди не слыжавши»* (воду выпить роженице).

При родах помогала бабушка-знахарка (бабка-повитуха) или же мать роженицы, иногда свекровь. Эта женщина обрезала пуповину, производила действия с последом, купала ребёнка и мыла роженицу. Обычно она жила или проводила большую часть дня у роженицы в течение трёх дней. Бабка парила родильницу в бане, или в печке, поила различными травами и правила опустившийся после родов живот.

Сразу после родов женщине давался заговорённый чёрный хлеб с солью – чтоб живот после родов не болел, чтоб *«золотники не ходили»*, как говорит Ниткина Валентина Аркадьевна. Эта традиция сохранилась в районе до наших дней, несмотря на то, что женщины рожают в роддомах. Просто теперь *«хлебушек»*, пусть и не заговорённый, но силу имеющий и дающий, они у акушерок просят. Считается плохой приметой, если женщина после родов не попросит и не съест хлеба.

Появление ребенка на свет. Мытье в бане

Когда ребёнок появлялся на свет, бабка-повитуха перевязывала пупок льняной ниткой, сплетённой с волосами матери и отца. Затем обмывали новорождённого нагретой водой, в которую клали серебряные монеты. В некоторых деревнях, по словам Ангелины Матвеевны Ивановской, «первый раз должна мыть ребёнка мать

отца. Когда вымоют в первый раз новорождённого, мать ребёнка не должна ни с кем разговаривать, чтоб ребёнок спал спокойно».

Первое омовение ребёнка совершалось в бане. Топили нежаркую баню. Первым мыли новорожденного. Принеся в баню, его клали на полок, распеленывали. Повитуха готовила воду, опускала в неё или крестик, или серебряную монету, или иконку. Температуру воды проверяли, опустив в нее локоть: если локтю не горячо, значит, вода пригодна для купания. Воду наговаривали, произносили над ней заговор. В нашей местности воду наговаривали в разных местах по-разному.

– от всяких болячек:

«Господня благодать, явись, болезнь рабы Божией (имя) не коснись: ни огневица, ни щекотица, ни ломотица, ни знобица, ни лиходица, ни Марьино, ни Варьино, ни испуг, ни сглаз, ни напасть, ни упасть, ни пропасть, ни кляти и ни забрати. От слова злого, от своего и чужого. Слово мое лепко, дело мое крепко. Аминь. Аминь. Аминь».

– Чтоб крепким рос:

«Стоит в лесу дуб зеленый, Словом Божьим укрепленный. Так бы рос (имя) крепок и силен, как в лесу дуб зелен. Кто мой заговор перебьет, от моего слова не уйдет. Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Аминь. Аминь. Аминь».

Повитуха садилась, расстилала пеленку на коленях, клала на нее новорожденного и начинала мыть со словами: *«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа».*

Мыло для мытья младенца было отдельное или же вообще мыли первое время без мыла; использовали отвар луговой травы, называемой «мыльцем», «гвоздичкой».

После мытья ребёнка клали на полок на приготовленные пеленки и заговаривали грыжу. Чтение заговора сопровождалось «закусыванием» через пеленку всех тех мест на теле ребёнка, где могла появиться грыжа: молочных желёз, пупка, мошонки. Грыжу могла заговаривать бабка-повитуха, а могла и сама мать ребёнка:

– бабка-повитуха: *«Грыжа ты, грыжа, не я тебя родила, в утробе носила, я грыжу закусил. Будьте мои слова лепки и крепки. Аминь. Аминь. Аминь».*

– *«Грыжа ты, грыжа, не я тебя родила, в утробе не носила, я грыжу закусил грыжу пупную, грыжу паховую, грыжу брюшную, грыжу желудочную. Будьте мои слова крепкие, лёгкие. Крепче камня, острее ножа».*

Мать читает 3 раза и «закусывает» грыжу через отцовскую рубаху: *«Сама грыжу носила, сама приносила, сама и съем».*

Водой смывают, чтоб вода лилась на пол: *«Грыжа, грыжа, не ищи материны грязи, матьина грязь в землю ушла, в землю ушла, в землю ушла».*

Существовали и другие заговоры грыжи. Один из таких заговоров применяла Кокovina Анна Васильевна. Брaли новый головной платок, все его четыре угла складывали один на другой и клaли их на пуп новорожденного, приговаривая: *«Рабa божья (имя) заговариваю у рабы Божьей (имя) грыжу: жилиану, полужилиану, нутрянну, полунутрянну, костовую, мозговую, титевую, пуповую, паховую, коковую, коленную, пяточную. Этой грыжи нет и не будет от инь и до века. Аминь»* (заговор повторяется 3 раза). Чтобы ребенок не плакал, не ёрзал, хорошо спал, его заговаривали от *щетинок*. Лепили колобок из теста (брали ржаную муку грубого помола и смешивали с материнским грудным молоком) и в бане катали этот колобок по распаренной спинке и плечикам ребенка, при этом на тесто налипали грубые волосы. Приговаривали: *«Щетинка-волосок, выходи на мой голосок»* или *«Сохни-иссыхай, щетинка свиная, сохни-иссыхай, чехни, насовсем исчезни с младенца раба Божия (имя)».*

Одной из тяжёлых детских болезней считается *боляток*. Это заболевание ещё неокрепших органов пищеварения, когда кал ребёнка имеет зеленоватую окраску и неоднороден, со сгустками, когда плохо отходят газы и у ребёнка болит от резей животик. Заболевание, если его не лечить, переходит в дисбактериоз и другие заболевания органов пищеварения. Для лечения от болятка использовали очень редкий камень «кровеник» (состоит из соединения меди). Он был разным для девочек и мальчиков. Его аккуратно тёрли, чтоб легко можно было собрать тёртую пыль; на самом кончике ложечки брали эту пыль, сцеживали в ложку (в пыль) грудное материнское молоко и тут же давали пить новорождённому до кормления. Так делали раз в день, всего 3 раза в жизни – больше лечить боляток камнем не разрешалось. Особенностью этого лекарства является то, что смесь пыли с молоком сразу же приобретала красный цвет, подобный крови (отсюда, наверное, и такое название камня). К сожалению, текстов заговоров, используемых при лечении болятка, нам записать не удалось.

По народным представлениям, причиной многих детских недугов мог быть сглаз. Сглаз мог исходить как от любого человека, нечаянно или умышленно выразившего зависть, сильное удивление или восхищение ребенком, так и от близких. Поэтому при купании ребенка наговаривали воду: *«Рабa Божья (имя) заговариваю у раба Божьего (имя) уроки и призоры. Подите, уроки,*

призоры за темные леса, за высокие горы, под пень, под колоду, под черный выскер (большой камень – К.Л.) Будьте мои слова лепки и крепки. Аминь».

После мытья ребенка ополаскивали с локтя. Зачерпнув ладонью воду, руку поднимали, чтобы вода стекала по предплечью и локтю, при этом приговаривали: *«Как вода на локте не держится, так бы не держались ни уроки, ни переполохи, ни полуночица и никакая худоба на рабе Божиим (имя). Аминь. Аминь. Аминь».* Заговор повторяли 3 раза. Ребёнку приказывали: *«От баньки до баньки не гунь!»*

И сегодня при ополаскивании детей и взрослых после мытья в бане многие пользуются таким заговором: *«С гуся вода, с раба Божьего (имя) хворь и худоба. Водичка вниз, а (имя) вверх расти, поперек толсти. Аминь».* От Лидии Михайловны Наволоцкой мы узнали и о таком заговоре при ополаскивании: *«Не я тебя парила, не я тебя гоила - парила, гоила Божья Мать Богородица, бабушка Соломия на сон, на рост, на покой, на угомон, на доброе здоровье. Спи, мое дитяtko, по ночам, расти по часам, людям на зависть, матери, отцу на радость».* Этот заговор примечателен упоминанием о бабушке Соломее (Соломониде). Ее имя встречается во многих заговорах, в том числе и в заговоре для облегчения родов: *«Чур мое слово, чур моя дума. Бабушка Соломия, приходи ко мне на рода, приноси три золотых ключа, открой мясные ворота. Чур мое слово. Аминь».*

Выносили ребенка из бани тоже с приговором, чтобы был спокойным. Держа ребенка на руках, обращались к полку, каменке, порогу приговаривали: *«Полочек молчит, каменка молчит, порожек молчит, так бы и раб Божий (имя) молчал, от баньки до баньки голоску не подавал. Аминь. Аминь. Аминь».* Или брали ребенка на руки, одной ногой перешагивали через порог и приговаривали: *«Щекотуха, бормотуха, полуночица. Не тешься, не нежься над рабом Божиим (имя). Вот тебе работа, стой, да двери перекрывай».* Это повторяли, перешагивая через три порога.

Ребёнка заворачивали в отцовскую рубаху – чтоб отец был привязан к малышу, *«чтоб шибче, пуще любил»*, как отмечают Маклакова Римма Николаевна и Лепихина Зоя Павловна. Вносили впервые ребёнка в дом и клали под порог или под лавку к главному нижнему бревну. Всё это делалось для того, чтоб ребёнок был спокойным. Читался заговор: *«Как порог лежит спокойно, угомонно, не шелохнётся, не потревожится, так бы раб Божий (имя) был спокойным, угомонным, ни от чего не тревожился».*

Вообще все самые первые действия с младенцем (купание, кормление, подстригание волос) сопровождались ритуалами. Заранее для младенца готовили «зыбку». Легонькую зыбку привязывали к гибкой жерди, прикрепленной к потолочной матице.

«Робёнок спал в зыбке. Делали ее из тонких досок или плели из береста. Позднее стали колыбалки. К потылоку приколачивали кольцо, в кольцо впихивали очап, к очапу привязывали веревку и крепили зыбку». (Карачёва Анна Григорьевна)

На новорожденного ребенка надевали распашонку. Ее хранили, и при рождении следующего ребенка надевали ее же. Это делалось для того, чтобы дети в семье были дружными. Эта примета дошла и до наших дней. Считается, что всех родившихся в семье детей нужно забирать из роддома в одной и той же распашонке.

Ребенка пеленали и обвязывали *покромкой*. Покромка – это длинный широкий пояс из плотной ткани, сужающийся к концам. Одна сторона его «баская», т.е. обшитая красивой тканью, а другая – полотняная. Пояс употреблялся в качестве оберега. Он должен защищать ребенка от злого и недоброго. Мосеевская Екатерина Ивановна отмечает, что покромка использовалась и с той целью, что туго спеленанный ребенок крепче спал, «не лягался», не мешал самому себе, а ноги не были бы кривыми. Сразу же после рождения дитя прикладывали к материнской груди. Мать кормила ребенка почти до рождения нового малыша. Через 5-6 недель после рождения начинали прикармливать жидкими кашками или тюрей из хлеба. После рождения у ребенка появлялась соска: разжёванный черный хлеб, завернутый в тряпочку. Прикармливание диктовалось необходимостью, так как мать была занята на работе в поле, в лесу. *«Сосок не было, так начавкают хлеба в марлю, перевяжут ниткой и дают ребенку сосать, так он и молчит».* (Колосова Нина Васильевна)

Болезни новорожденных и защита от них

Множество болезней подстерегало ребенка в первые месяцы его жизни. Среди них щетинка, рахит, золотуха, грыжа, родимчик, сглаз («уроки») и др. Эти болезни женщины лечили сами или обращались к знахаркам. Для сохранения здоровья ребенка использовались испытанные средства: травы, омовения. Но их часто оказывалось недостаточно. Главными считались охранные средства, рекомендуемые церковью: крещение, молитвы, «Святая вода», ладан.

Чтоб ребёнок рос спокойным и здоровым, его старались как можно дольше никому не показывать, не показывали ребёнка до года. Сейчас трудно представить, как можно спрятать ребёнка такого возраста от чужого глаза, но раньше к этому стремились. Нельзя было стричь волосы малышу до года. Считалось, что вместе с волосами уйдет сила. Нельзя было подносить ребенка к зеркалу. Для защиты от сглаза шилась ребёнку рубаша – «задел удачи». Считалось, что в ней он защищен от дурного глаза, от врага.

Если ребёнок всё же был беспокойным, прибегали к разным средствам.

По характеру плача и по поведению ребёнка определяли причину беспокойства и принимались за лечение:

- Умывали «на зарю», воду крестили три раза ножом со словами: *«Заря-зарица, ночная Марьяна, дневная Мария, дай сну рабу Божиему младенцу (имя). С людей пришло – на людей поди, с ветра пришло – на ветер поди, а раба Божиего младенца (имя) от уроков-переполохов освободи. Аминь»*. Этой водой тыльной стороной ладони по капельке брызгали на темя, на язычок, на сердечко.

- Умывали беспокойного ребёнка водой, пропущенной через три скобы (дверные ручки).

- Три крупички соли клали на темечко от сглаза.
- Прикалывали на рубашу или пелёнку булавку головкой книзу.

- Держали «фигу» при разговоре о ребёнке, чтоб не сглазить.
- «Прикусывали» себе три раза язык, если приходилось что-то кому-то рассказать о ребёнке.

- Ниточкой или куделькой «меряли» беспокойного ребёнка крест-накрест (вдоль и поперёк) с заговором (смотря от чего лечили), нитку сжигали, дымом окуривали, пепел втирали в темечко.

Беспокойного ребёнка, который плохо спал, заговаривали по-разному от беспокойства и бессонницы:

- *«Щекотуха-воротуха-полунощица-бессонница, не тешься над моим младенцем (имя), вейся-увивайся, вокруг печи убивайся, не тронь моего младенца (имя), ни локоточков, ни ноготочков, ни рученок, ни ноженек, ни буйную головушку»*.

- *«Шокотуха-логотуха-рыготуха-полунощица, не дикуйся над младенцем рабом Божиим (имя), дикуйся в поле над песочком, да в баньке над каменной»*.

- *«Шокотуха-рокотуха-полуночица, не тешься, не нежься над рабом Божиим (имя). Вот тебе тешенка, неженка, околенка. Аминь».*

Вместо современной присыпки использовали измельчённые высушенные листочки ольхи, или пыльцу из колосков травы плавун голововидный, или муку.

При краснухе на ручку вешали красную ниточку или укрывали ребёнка красным одеяльцем.

При золотухе использовали кору калины. Наши предки использовали кору калины, снятую с куста, который рос в лесу, далеко от деревни. По словам Мосеевской Валентины Яковлевны и Коковинной Валентины Сергеевны, существовала примета, что этот куст не должен «слышать» крика петухов. Из коры калины готовили отвар, читая заговор, веруя в то, что он усиливает лечебные действия калины: *«Не калину варю, а золотуху варю, увариваю, у младенца Божьего (имя) глазную, ушную, головную, лицевою, шейную. Варю, увариваю, ключами закладываю не медным, не железным, а булатным., Будьте мои слова крепки, лепки и памятни отныне и во веки веков. Аминь. Аминь. Аминь».* Заговор произносили три раза, пока отвар кипел в печи, затем ставили на порог и снова трижды произносили заговор. Так повторяли три раза. Этот отвар добавляли в воду для купания.

Часто у ребёнка болел живот. Гладили животик у ребёнка и читали три раза: *«Бабушка Соломонушка у Пресвятой Богородицы боль заговаривала, заедала. Медными щеками, железными зубами, так и я заговариваю боль у раба Божьего (имя). Аминь».* Этот заговор произносили при лечении от болятка.

Заговор от всякого лиха: *«Как Божьи ангелы его охраняли и оберегали, так бы сам Бог Иисус Христос моего ребенка (имя) охранял и оберегал. Аминь. Аминь. Аминь»*

Заговор от всяких болячек: *«Господня благодать, явись, болезнь рабы (имя) не коснись: ни огневица, ни щекотица, ни ломотица, ни знобица, ни лиходица, ни Марьино, ни Варьино, ни испуг, ни слез, ни напасть, ни упасть, ни пропасть, ни кляти и ни забрати. От слова злого, от своего и чужого. Слово мое лепко, дело мое крепко. Аминь. Аминь. Аминь».*

Заговор на хорошую еду: *«Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Младенец (имя) через слово Божье питайся, как наливное яблочко наливайся. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь».*

Заговор для ладного ума: *«Стоит на столе образок, на святом теле поясок, на том пояске звезд не счесть, а в моем доме младенец есть. Как мой младенец подрастет, на святом пояске*

всё прочтет. Благослови, Господи, его разум. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь».

Крещение. Выбор имени

В течение первых сорока дней ребёнок даже новорождённым не считался, а считалось, что он находится на перепутье, эти 40 дней были для него *«испытательным сроком»*, как говорит Соловьёва Вера Александровна. Чтоб уберечь ребёнка от смерти, болезней, его крестили. Желая приобщить новорождённого к христианской вере, родители несли его в церковь, где священник крестил его, отпуская в купель с водой три раза. При этом нарекалось его имя. Если же не было возможности увезти ребёнка в церковь, то попа возили домой. Из воспоминаний Нины Васильевны Колосовой: «Батюшка брал ребёнка на руки, укладывал на полотенце, приглашали двух девочек и мальчика. И поп со словами несколько раз обходил стол, пока ребёнок не окажется у последней стоящей девочки. Крещение ребёнка должно было проходить обязательно на седьмой день».

Но попы и монашки могли окрестить младенца и дома. Ребёнка крестили обязательно, даже в те времена, когда это преследовалось. Маклакова Римма Николаевна вспоминает, что с некрещённым ребёнком бабушки в семье «и водиться-то отказывались, и не разговаривали».

В день крещения в доме готовили праздник. Пекли пироги, варили пиво. За стол сажали батюшку в красный угол, а по бокам должны были сидеть дети, которые присутствовали на крестинах. Ребенка уносили в другую половину избы и укладывали в зыбку, которую тоже кропили «святой водой», окуривали ладаном.

Если же церкви поблизости не было, то ребенка могла окрестить и родная бабушка. А потом, со временем, если появлялась возможность, его крестили повторно – в церкви.

Наречение именем – важный момент в жизни ребенка. Имя давалось церковью. Чаще всего имя святого (по месяцеслову), память которого празднуют в этот день или в ближайший. Если в день поминалось несколько святых, то родители могли выбрать имя, которое им больше нравится. Считалось, что святой становится ангелом-хранителем, небесным заступником человека. Вместе с христианским именем младенца давали и имя защитное. Чужим именем прикрывались, скрывая настоящие. Защитное имя употреблялось в быту.

Крёстные заботились о ребёнке, несли ответственность за духовную и нравственную жизнь ребёнка. Родители приглашали крёстных как дорогих гостей на именины, на свадьбу своих детей. Обычно в крёстные выбирали мальчику – мужчину, девочке – женщину. Но были и исключения. Ниткина Валентина Аркадьевна рассказывает: «У бабушки моей все дети один за другим умирали. Вот ей и сказали, когда она была беременная, чтоб она взяла в крёстные очередному своему ребёночку первого встречного по дороге в роддом. Родился дядя Коля. А встретила моей бабушке по дороге-то в роддом бабушка старенькая, так она ту и пригласила в крёстные дяде Коле. Та не отказалась. С тех пор дети у бабушки моей перестали умирать, и дядя Коля жив до сих пор».

Трудность сбора материалов заключалась в том, что и по сей день бабушки, знающие заговоры и обряды, держат их в большом секрете, Обряды исчезают на наших глазах вместе с уходом их носительниц.

Список респондентов

1. Воробьёва Софья Алексеевна, 1934 г.р., дер. Ушаково Кичменгского с/с.
2. Соловьёва Вера Александровна, 1962 г.р., дер. Данилово Пыжугского с/с.
3. Шемякина Валентина Ивановна, 1934 г.р., дер. Петрянино Исадовского с/с.
4. Маклакова Римма Николаевна, 1930 г.р., с. Сараево Сараевского с/с.
5. Лепихина Зоя Павловна, 1937 г.р., дер. Исады Сараевского с/с.
6. Ниткина Валентина Аркадьевна, 1963 г.р., Нижняя Ёнтала Н-Ёнтальского с/с.
7. Легостаева Галина Александровна, 1964 г.р., пос. Сармас Трофимовского с/с.
8. Селезнева Валентина Константиновна, 1946 г.р., Кичменгский Городок Городецкого с/с.
9. Ивановская Ангелина Матвеевна, 1926 г.р., пос. Лаптюг Пыжугского с/с.
10. Карачёва Анна Григорьевна, 1933 г.р., с. Кичменгский Городок Городецкого с/с.
11. Огаркова Татьяна Михайловна, 1913 г.р., с. Кичменгский Городок Городецкого с/с.

12. Балуевская Мария Ивановна, 1949 г.р., дер. Еловино Пловского с/с.
13. Павлова Нина Ивановна, 1931 г.р., дер. Малиновица Пловского с/с.
14. Колосова Нина Васильевна, 1920 г.р., пос. Лаптюг Пыжугского с/с.
15. Коковина Анна Васильевна, 1925 г.р., Шестаковский с/с.
16. Коковина Валентина Сергеевна, 1931 г.р., Шестаковский с/с.
17. Мосеевская Валентина Яковлевна, 1938 г.р., Шестаковский с/с.
18. Мосеевская Екатерина Ивановна, 1924 г.р., Шестаковский с/с.

ЗАГОВОРЫ И ОБЕРЕГИ ОТ ДЕТСКИХ БОЛЕЗНЕЙ

Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. /Собр. М. Забылиным. В четырех частях. – М., 1880; Ре-принт. изд. 1992. – С. 369-370.

От грыжи, а также от сглазу и от баенной нечисти

*Во имя Отца и Сына и святого Духа, аминь.
Сходит Егорий с небес,
По золотой лестнице,
Сносит Егорий с небес
Триста луков златополосных,
Триста стрел златоперых,
И триста тетив златополосных,
И стреляет и отстреливает у раба Божия
Уроки, прикосы, грыжи, баенные нечиси
И отдает черному зверю, медведю на хребет—
И понеси, черный зверь, медведь в темные леса
И заточи черный зверь, медведь,
В зыбучие болота,
Чтобы век не бывала,
Ни в день, ни в ночь...
Во веки веков, аминь.*

(Произносить три раза и за каждым разом трижды сплевывать)

Записано П.С. Ефименко, Архангельская губерния,
Холмогоры, 1878 г.

* * *

Ползи, грыжа, в темное место, где солнце неогревает, где люди не ходят и не бывают, где птицы не летают, где звери не заходят, и пойдя, грыжа, за быстрые реки, и пойдя, грыжа, в гремучие ручьи, и когда будет Христово второе пришествие, обратися, грыжа, вспять; тем словам во веки веков, аминь. (из старинного сборника заклинаний).

* * *

Бабушка Соломонидушка и Пресвятой Богородице грыжи заговаривала (или заедала) медными цепями, железными зубами. Так и я заговариваю у раба Божия (имярек).

Запись собирателя-самоучки Г.И. Пряхина (1844 г.), текст передан И.П. Сахарову, помещен в его сборнике «Сказания русского народа», раздел «Русское народное чернокнижие». Т I, кн. 3, изд. 3-е, СПб., 1841, № 59.– С. 33. (См. Новиков Н.В. Г.И. Пряхин и его фольклорные записи. // Русский фольклор.-т. IV, -Л., 1959.– С.141-154. И.Н. Сахаров перерабатывал текст, исключая из заговоров Г.И. Пряхина то, что считал «противным нашей жизни и нашим отношениям» (Сахаров, кн. 2.– С. 17) – все, что было связано с церковью, Богом, святыми.

Н.В. Новиков приводит восстановленный текст заговора, присланного И.П. Сахарову Г.И. Пряхиным из Тверской губернии. Подчеркнутые слова были исключены И.П. Сахаровым из текста, восстановлены Н.В. Новиковым по рукописи Г.И. Пряхина.

Заговор от скорой доспешки

*Сяду я, благословясь, пойду, перекрестясь,
Из дверей во двери, из ворот в ворота, в чисто поле.
В чистом поле три дороги.
Я пойду в правую дорогу,
В правую дорогу к господнему Колону
Со восточную сторону, к Окиян-морю.
В окияне-море есть Златырь-камень.
На том камне стоит божья церковь.
На церкви есть золотой крест.
На золотом кресте сидит Михаил Архангел.
Он стреляет по чистому полю, а убивает всякие боли.
Прошу я, раб Божий (должно сказать свое имя)
И помолюсь Михаилу Архангелу:
Михайла Архангел, не стреляй по чистому полю,
А стреляй раба Божия (имя того, кому наговаривать),
От скорой болезни, от доспешки, от осудища, от черного волоса,
От белого волоса, от русого волоса, от темного волоса
И от всякого нечистого взгляда.
Пойду, зайду я, раб (свое имя) в ту божью церковь.
В той божьей церкви сидит на престоле сама мать присвятая
Богородица.
У ней топится свеча восковая за темьяном, за ладаном,
За кутьей за господней.*

Попрошу я Матушку, царицу Небесную, рабу Божию (имя того, кому наговаривают)
Здоровья от dospешки, от вешней,
От полувешней, от летней, от полuletней, от осенней, полу-
осенней,
От зимней, полuzимней, от земляной dospешки, водяной dospеш-
ки,
Ветряной dospешки, от стречника и поперечника. (Новиков, 154)

При первом мытье в бане новорожденного ребенка

«Встану я, раба Божия, благословясь, пойду я, перекрестясь, из избы в двери, из дверей в ворота, из ворот в цисто поле. В цистом поле – сине море, в синем море – синий камень. На синем камне сидит Пресвята Мать Богородица. Она спихивает и смахивает с лесу копоть, с моря морскую пену, от берега до берега, от востоку до западу. Я, раба Божья, ей поклонюсь и покорюсь: Пресвятая ты Мать Божья, Богородица, не спихивай, не смахивай с лесу копотю, с моря морской пены; спихивай и смахивай с раба Божья, младенца (имя), все страсти, все уроки, все призоры, все оговоры, отцевы думы и материны, сестрины и бабушкины: из буйны головы, белова лица, из ясных очей и цорных бровей, из ретивово сердца, из краснова мяса, из белова сала, из пятидесяти локот, из нокот, из подпятных жил». (Кадниковский у. Вологодской губ. – С. 224. № 1)

При недомогании ребенка

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Пойду я, раб Божий (имя рек) из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду и выступлю под восточную сторону, в восточной стороне есть океан-море, в океане-море щука-белуха, златоперая, сереброперая, глаза медные, щеки булатные, зубы железные, пожирает и поедает в океане-море белую пену. Я и попрошу: щука-белуха, не тронь на океан-море белую пену, а подай и пожирай с раба Божия (имя и отчество больного) пороки и укору, и злые наветы, от волхва, от волхвуньи, от колдуна, от колдуньи, и от всякого человека. Во веки, аминь». (Никольский у. Вологодской губ. – С. 231.)

«Господи Боже, благослови! Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, пойду в чистое поле. Есть в чистом поле Окиян-море, и есть на Окияне-море белый камень, и есть под белым камнем щука золотая – и перьё золотое, и кости золотые, и зубы золотые. И приходи, щука к рабу Божию (имярек), и выгрызи у раба Божия (имярек) своими золотыми зубами грыжу ветрянную, сосцовую грыжу, красную грыжу, мокрую грыжу, от отца грыжу, от матери грыжу всякую бывающую; и спустись, грыжа, к поясу и выйди мочью и шулятами на дресвен камень, и поживи три часа земных и пойдь, грыжа, с дресвена камени на пустое место, в темное место, где солнце не огревает, где люди не ходят и не бывают, где птицы не летают, где звери не заходят; и пойдь, грыжа, за быстрья реки, и пойдь, грыжа, за гремучие ручьи, и когда буде Христово второе пришествие, обратись, грыжа, вспять! Тем словам во веки веков, аминь». Говорить на теплую воду, обданную на дресве (№ 235)

Закрепка

«Все мои слова, будьте благословенны, сильны и крепки, крепчае и жесточае железа и булату, вострого ножа и ногтей орлиных, и всех моих крепких и сильных слов... Всегда, отныне и до веку. Замок. Камень. Аминь, аминь, аминь». (№ 338)

От горячки, огневицы

*Стану я, раб Божий (имя рек), благословясь,
И пойду, перекрестясь, во сине море;
На синем море лежит бел гореюч камень,
На этом камне стоит Божий престол
На этом престоле сидит Пресвятая мать,
Во белых рученьках держит белого лебедя,
Обрывает, общипывает у лебедя белое перо,
Как отскокнуло, отпрыгнуло белое перо,
Так отскокните, отпрыгните, отпряните
От раба Божия (имя рек) родимые огневицы
и родимые горячки,
С буйной головушки, с ясных очей, с черных бровей,*

*С белого тельца, с ретивого сердца, с черной с печени,
С белого легкого, с рученок, с ноженек
С ветру пришла – на ветер пойдй;
С воды пришла – на воду пойдй;
С лесу пришла – в лес пойдй
Отныне и до века. (№ 15)*

От порчи и призора

*Есть славное синее море,
Есть на славном синем море остров
Есть на синем острове синий камень,
На том синем камне сидит синий человек,
У синего человека синий лук безтетивный,
Синяя стрела без перья,
И отстреливает синий человек синим луком безтетивным,
Синей стрелой без перья
Притчи и призоры, и уроки, переломы и грыжища всякие,
Падежи и уборы, и посперелы, всякую нечисть. (№ 340)*

* * *

Господи, боже наш премилостивый, царю святой, отжени всяк недуг *от* раба своего (имя рек), *от* душа и *от* тела, *от* главы, *от* верха, *от* темени, *от* влас, *от* чела, *от* брови, *от* веку, *от* рясниц, *от* очию, *от* ушью, *от* лица, *от* носу, *от* устну, *от* языка, *от* подъязычья, *от* гортани, *от* глаголания, *от* глас, *от* шеи, *от* персей, *от* плеч, *от* мышца, *от* локот, *от* руку, *от* хребта, *от* ребр, *от* утробы, *от* пупа, *от* ключ, *от* сердца, *от* селезени, *от* перепоны, *от* желудка, *от* боку, *от* туги, *от* ухода, *от* исхода, *от* воды, *от* пития, *от* овощу, *от* юности, *от* спания, *от* нощи, *от* мысли, *от* дне, *от* смысла, *от* греха, *от* отча, *от* материя и *от* своего соблазна, *от* лядвей, *от* бедр, *от* колен, *от* голеней, *от* листов, *от* глезну, *от* перстов ручных и ножных, *от* ноготь, *от* дланей, *от* предел естественных и *от* всех состав, и *от* крови, и *от* жил, *от* кровниц, *от* возраста, *от* сокрушения силы, *от* сана, *от* слепоты, вне уду и внутрь уду, преложи *от* немощи. (№ 236)

Слепцова И.С., Морозов И.А. Не робей, воробей! (Детские игры, потешки, забавушки Вологодского края) – М., 1995.– С. 8-9.

Купая ребенка, мать приговаривала:
*Мойся-промывайся,
Раб Божий Олександр,
На чистоту,
На лёготу,
На чистую воду.
Вдоль роста,
Поперек товстей,
Хлеб ешь повытно,
Ходи на мост (на горшок) поочередно.
Спи, как свинья,
Молчи, как земля!*

(Тарногский р-н)

Вытирая дитя после купания:

*Рубашка на плечики, чистота на тело,
А божья милость в пазуху!*

(Сямженский р-н)

Когда «парили в пеце» ребенка, говорили:

*Бабушка Соломонида
Парила Иисуса Христа под березкой
Она спяхивала-спяхивала
С ёво все болезни,
Все уроки, все переполохи;
А так бы на моем младенце,
Как на Иисусе Христе,
Не было бы скорби-болезни,
Спав бы он по ночам
А рос бы по цясам.*

(Сямженский р-н)

Фольклор Новгородской области: история и современность.
По материалам фольклорного архива Новгородского универ-
ситета за 30 лет / Сост. О.С. Бердяева. – Новгород Великий,
2002 г. – С. 265 – 292.

От боли уха

Дую, дую, подуваю – все недуги выдуваю

С буйной головы, с белых мозгов,

С черных бровей, шипящих кровей.

По сей день, по сей час,

Ныне и присно и во веки веков.

Аминь. Аминь. Аминь.

Повторить три раза и после каждого подуть в ухо.

(№ 9. – С. 268)

От детского переполоха

Дитя ни с того ни с сего заходится криком, значит, «переполох напал». А лечат его таким способом.

Обмеряют дитя ниткой в длину, делают в косяке двери дырку, чуть выше роста ребенка, туда прячут нитку и замазывают нитку воском. При этом нужно проговорить: *«Как дитя прятанку перерастет, так с него переполох пропадет. Аминь».*

(№ 10. – С. 268)

От судорог детских

Нужно сложить ребенку ножки пряменько, начертить обгорелой спичкой на подошвах кресты, говоря:

«Сниму крестом, царским перстом, то, что не от Бога, от чертова порога.

Собаке злой выть, а дитю здоровым быть. Аминь».

(№ 11. – С. 268)

От сглаза

«Суреки, пророки, бегите по дороге, а рабу Божию (имя) доброго здоровья. Аминь Святого Духа». (Сказать три раза.)

(№ 12. – С. 268)

От дурного глаза

*Кто меня осудил,
Кто меня опризорил?
Старый ли мужик,
Молодой ли мужик,
Старая ли баба, молодая ли баба.
Аминь. Аминь. Аминь.
Воду разрезать на четыре части.*

(№ 13. – С. 269)

* * *

Наговаривается на воду:

«Встану я, раба Божья, благословясь, пойду перекрестясь, из избы в двери, из дверей в ворота, из ворот во чистое поле. Во чистом поле бежит быстрая река, смывает крутые берега и желтые пески, и пеня, и коренья, и серые камни. Так же мой, сплочи осуд и урек, и притчу, и доспешку. Из кося, из мозья и белого тела, из горячей крови, из всего человеческого стана. И заговариваю рабу Божью (имя) от слова худого, от глаза лихого, от белоглазого, от черноглазого, голубоглазого, кареглазого, от синего глаза. И по сей день, по сей час, с ныне и до века веков. Аминь».

(№ 14. – С. 269)

* * *

Нужно прокипятить полстакана соленой воды и три раза сказать слова:

«Водица-царица, матушка источница, Христова помощница, катилась ты по крутым берегам, по быстрым ручейкам, смывала с рабы Божьей (имя) все болезни и недуги радостные и завистливые. Повыйди, болезнь, повыйди из костей и суставов, из рук, из ног, из текучих мозгов. По сей день, по сей час, по мой приговор. Аминь».

Этой водой надо облить больного и sprysнуть неожиданно, чтобы напугать, а воду выпихнуть за порог.

(№ 15. – С. 269)

От уреков (от сглазу, от осуда)

Произносить в разное время по три раза. Перед приговором надо взять водички в ковшик. Зачерпнуть с одного из-под руки (сколько попадает). Кинуть в воду соли, взяв щепотку, сколько можно за один раз тремя пальцами и положить четыре столовые ложки, особо не мытые. Этими ложками мешать каждой и приговаривать:

*Бежит водица, сонница-помощница,
Бежит-побегаёт, берёга промывает,
Серые каменья, белые коренья.
Смой уреки-близороки,
Радусные-завистные,
Муские и женские
На сун, на упокой
(если младенцу, такому-то)
На доброе здоровье.
Аминь.*

Взять водицу в рот, на сторону тыльную руки своей правой – смочить и этой рукой по лицу человека, поводить тыльной стороной. А выливать в дверь наискосок, наизнанку и кружку потом оборотить.

(№ 16. – С. 270)

* * *

Водица – Источница, куда ты бежишь? С востока на запад омываешь крутые берега и зеленые луга, желтые пески, белые камешки. Омой рабу Божьему (имя) с белых рук, с белых ног, с буйной головы, со всей внутренности. Обмываю и сговариваю со всех жил, со всех суставов и со всего человеческого стану. От женского, мужского сглаза, от черного и желтоглазого.

Говорить три раза, помыть голову, грудь, а остальную воду вылить на дверные петли.

(№ 17. – С. 270)

* * *

Вода – Марина, вода – Мария, вода – Ульяна, текли-бежали сквозь высоки горы, мыли обмывали белое пеньё, белое кореньё, снимали с рабы Божьей (имя) брали-собирали все предки и при-предки, уреки и призоры, лихие уговоры от пьяной пьяницы, от девки-долговолоски, от бабы-пустоволоски, от встречника и попутника-изухазушника, от черных глаз, от срослых бровей. Будь моя статья крепка и емка, и плотна, крепче камня, крепче булата крепче меча-самосека. Аминь. Аминь. Аминь.

(№ 18. – С. 270–271)

От лихого глазу

В городе Иерусалиме, у Христа на престоле спала-ночевала сама Матушка Пресвятая Богородица. И виделся ей сон ужасен, страшен. На купоросном дереве Христа распяли: руки, ноги гвоз-

дями прибавали, на головушку обруча одевали. Кто тот сон на-
поминает, Господь на память дает. Он в путь идет сам с со-
бой берет, его грозой не убьет, лихой человек не найдет и зверь
не набредет. Господи, благослови.

(№ 19. – С. 271)

От суреков

Суреки пророки, бегите по дороге, в чистом поле стоят
стола дубовые, на столах скатерти браные. Вы столуйтесь, вы
пируйте, вы даруйтесь. Столования, дарования, пирования, не
сама я вас уговариваю, мать Пресвятую Богородицу призываю.
Мать Пресвятая Богородица, помоги, пособи уговаривать на
истинный путь установить. От черного глаза, от серого, от
радного, от завистливого, от поганого. По сей день, по сей
час, по мой приговор.

Наговаривают на воду, повторяют три раза.

(№ 20. – С. 271)

От осуда

Бежала речка с востока на запад, а по ней – Пресвятая Бого-
родица, умывала пеня, белые коренья, белые каменья. Умой,
Пресвятая Богородица, раби-щу Божию (имя), от суда, от дос-
пешки, от злых людей. Мать Пресвятая Богородица, пособи и
помоги, чтоб не ломило ноженьки, чтоб не ломило рученьки, не
ломило в ясных очах, в золотых ушах. Мать Пресвятая Богоро-
дица, пособи и помоги. Аминь.

(№ 21. – С. 271)

* * *

Наговаривать три раза на воду и sprysnut' этого человека.

Вода-водицы,

Божья помощница,

Смой с раба Божьего Николая порчу,

Смой с раба Божьего Николая осуды, болезни,

С ясных очей, с могучих плечей

По сей день, по сей час господьни

Отныне и до веки веков.

Аминь.

(№ 22. – С. 272)

* * *

Встану я, благословясь, выйду, глаза покрестясь, к морю, ко океану. В море, в океане лежит камень золотой. Под камнем золотым щука менна, зубы железны. Она не ист, не пьет, только ист она осуд и призор от черноглазых, от белоглазых, от женского пола, от мужского пола, от ясных очей, от толстых плечей и съешь от рабы Божьей (Ириной). Аминь.

(№ 23. – С. 272)

**От порчи
Против наговора**

(Имя), твою мать, осиноый клин забивать, всю ворожбу выбивать.

(№ 24. – С. 272)

* * *

*Исполохи, переполохи, порчи,
Уроки, всякие прикосы,
Идите в пенье, в коренье,
В грязи топучи, в ключи кипучи –
Там вариться, там кипятиться,
Под осиноый кол уйти,
Камнем накрыться, землей завалиться
Мхом-травой зарасти.*

(№ 25. – С. 272)

* * *

*Есть славное синее море,
На синем море есть синий остров,
На синем острове есть синий камень,
На синем камне сидит синий человек,
Синий человек держит синий лук без тетивы,
Натягивает синюю стрелу без стрелок,
Отстреливает от раба божьего Николая
Порчу, болезни, нечистую силу.
Есть славное серебряное море,
На серебряном море сидит серебряный человек,
Серебряный человек держит
Серебряную стрелу без перьев,
Отстреливает серебряной стрелой
Порчи, болезни, нечистые силы
Есть славное могу-море,*

На могу-море могу-остров,
На могу-острове есть могу-камень,
На могу-камне сидит могу-птица.
Подлетает могу-птица
К рабу Божьему Николаю,
Своими когтями оттягивает,
Клювом отклявывает
Порчу, болезни, нечистую силу.
И полетит там могу-птица
Через огненные реки,
И сгорят у раба божьего Николая
Порчи, болезни, нечистая сила.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа
И ныне и присно и во веки веков.
Аминь.

(№ 26. – С. 273)

**От доспешки
(выйдешь не в час и что-нибудь заболит)**

Хожу я, раба Божия (имя), на зарю, не с хитростям, не с мудростям, а с добрым здоровьем. Царь водяной, царица водяная, может, что неладно сделала я, раба Божья (имя)? Простите меня и дайте доброго здоровья. (Поклониться).

Царь земляной и царица земляная, может, что неладно сделала я, раба Божья (имя)? Простите меня и дайте доброго здоровья. (Поклониться).

Царь ветряной, царица ветряная, может, что неладно сделала я, раба Божья (имя)? Простите меня и дайте доброго здоровья. (Поклониться).

Надо встать и поклониться в землю на зарю, потом по кругу три раза. В обратную сторону кланяться и говорить: «Дарья, Дарья, дай мне здоровья».

(№ 27. – С. 274)

**От доспешки
(чтобы ребенок ночью спал спокойно)**

Встану я, раба (имя), благословясь, пойду перекрестясь, /Из дверей в двери, из ворот в ворота, / Во чистое поле, на синее море./ На синем море лежит золотый камень./ Из-под этого золотого камня бегут ручьи бегучие, кипят ключи

кипучие, / Из-под пенья, из-под коренья, из-под белого камня. / Смой, сплочи с раба (имя) все придише доспешки, все озы и досуды, / От чего рабу (имя) сделалось, / От частых дождей, от буйных ветров, от злых вихров, от худых дум. / Или ни в час, или ни в раз, / Или от белого глаза, или от синего глаза. Не я помогаю, не я пособляю, / Помогает и пособляет сама Мать Пресвятая Богородица со всем собором, со всем святым во веки. Аминь. / За ручей перехожу и наговор переносу.

(№ 28. – С. 274)

От спешки (вывиха, перелома)

Выходи, болезнь, в мох и болота, там твое место. Колодина лежит, водичка чистая бежит, чтобы кости не ломило, тело не пучило. По сей час, по мой приговор. Аминь.

(№ 29. – С. 274)

От перелома

Перелом, перелом, с ветру пришел, на ветер поди. Из ружья порох, из глаза грязь. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Говорить на каленый камень, завернутый в тряпочку.

(№ 30. – С. 275)

От грыжи

От грыжи по костям

*Грыжа-грыженица,
Грыжа, красная девица,
Не ходи, грызь, по нутру у рабы Божьей (имя),
По горячей крови,
По всем суставам,
По всем полусуставам,
По всем жилам,
По всем полужилкам.*

Ты, грызь – коза, а я – волк. Я тебя съем и закушу.

Во веки веков. Аминь. Аминь. Аминь.

Кусать три раза, три раза сплунуть через левое плечо

(№ 31. – С. 275)

От грыжи (ребенку)

Встану я, раба Божья (имя), благословясь, пойду перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота к океану-морю. В океане-море лежит кочище, на этой кочище сидит котишка с длинными зубищам, идет младенцу (имя) грыжу кусать. Кусай гораже, чтоб во век не было. Аминь. Аминь. Аминь.

Кусать грыжу через свой головной платок.

(№ 32. – С. 276)

* * *

Три раза читать на какую-нибудь мазь. Мазью помазать грыжу, когда человек ложиться спать, чтобы до утра не вставал. Мазать три ночи – грыжа должна пройти.

*Кила-килица, красная девица,
Тут те не садиться,
Тут те не лепиться.
Садиться тебе,
Лепиться тебе
Среди темных лесов,
Крутых берегов,
Сыпучих песков,
Где люди не ходят,
Птицы не летают,
Там тебе садиться,
Там тебе лепиться,
А с раба Божьего Николая – удалиться.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Аминь.*

(№ 33. – С. 276)

* * *

*Май месяц, май месяц
Где ходил, где бродил?
Я был на том свете, я был на сем свете,
Я видел трех святых:
Исаака, Аврама, отца Якова Праведного.
Как эти мертвецы умирали,
Закостеневали, замертвевали,
Так бы и у младенца (имя)*

*Грыжа закостеневала, замертвевала,
Не кололо бы, не ломило бы, не щемило бы.
По сей час, по сей приговор,
Во веки веков.
Аминь. Аминь. Аминь.*

(№ 34. – С. 276–277)

От золотухи

Как сумела тебя мать родити, все твои дуги, боли заговори. Как пальцу указательному нет имени, так твоей боли не боливать. Во имя Сына и Святого Духа. Аминь.

(№ 35. – С. 277)

*Золотая ты золотуха,
Красная ты краснуха.
Тут тебе не местечко,
Тут тебе не гнездечко.
Иди во мхи, иди во болоты,
Там ты развивайся,
Там ты рассыпайся,
Дай покой младенцу (имя).
Аминь. Аминь. Аминь.*

Подуть на это место. Пока говоришь стих, это место обводить углём или обручальным кольцом. Заговор переговаривать по три раза – утром, вечером и опять утром.

(№ 36. – С. 277)

От рожи

*Рожа, рожа – красная кожа, синяя кожа,
Тебе здесь не место у рабы (имя).
Твое место в чистом поле, в красном моху.
Ты там живи, там разживайся от рабы Божьей (имя) убирайся
Чтобы у рабы Божьей (имя) не ломило, не кололо, не болело,
ни в костях, ни в мозгах, ни в жилках во всем животе.
Во веки веков. Аминь. Аминь. Аминь.*

(№ 37. – С. 277–278)

Примечания к новгородским текстам

Батецкий р-н

№ 12 Петрова А.А., 1905 г.р. Запись 1975 г.

Боровичи

№№ 13, 27, 30, 31, 32, 37. Федорова А.И., 1915 г.р. Запись 1990 г.

Боровичский р-н

№ 35 Сипина Л.И., 1885 г.р. Запись 1975 г.

№ 36 Егорова Т.Ф. 1908 г.р. Запись 1976 г.

Валдайский р-н

№№ 22, 26, 33. Антонова М.К., 1924 г.р. Запись 1999 г.

№ 19 Веселова Е.Ф., 1913 г.р. Запись 1986 г.

№ 9, № 34 Михайлова А.И., 1923 г.р. Запись 1991 г.

Волотовский р-н

№ 18 Иванова Г.С., 1923 г.р. Запись 1990 г.

Демьяновский р-н

№ 25 Иванова П.Д., 1912 г.р. Запись 1986 г.

Крестецкий р-н

№№ 21, 24 Козлова А.И., 1906 г.р. Запись 1986 г.

№ 23 Иванова А.И., 1905 г.р. Запись 1975 г.

Лобытинский р-н

№ 28 Петухова Е.В., 1908 г.р. Запись 1986 г.

Новгородский р-н

№ 29 Ефремова П.Ф., Запись 1974 г.

Поселок Окуловка

№ 14 Совельева П.П., 1910 г.р. Запись 1990 г.

Старорусский р-н

№ 15 Никифорова Л.И., 1900 г.р. Запись 1976 г.

№ 16 Смирнова Н., 1928 г.р. Запись 1988 г.

№ 17 Куприянова Н.П., 1923 г.р. Запись 1995 г.

г. Старая Русса

№ 20 Алексеева А.И., 1920 г.р. Запись 1997 г.

Поселок Шимск

№ 10, № 11 Швецова Н.С., 1958 г.р. Запись 2000 г.

Обереги на детей

* * *

Приговаривая при родах:

«Жена Мирносица, зароди неслыханно, разроди невиданно»
(С. 56, № 219).

* * *

Приговор к воде, когда обмывают ребенка:

*Водичка кипучая,
Девочка ли, мальчик,
Был бы ростучий».*

Бабка возьмет воды через локоток, так на руку воды возьмет и спускает:

*«Как на локоточке не держится вода,
так бы на деточке не держались
Плетучие уроки, родимцы, переполохи.
Искупи, переступи.*

Локтем крестят младенца, вода капает с локтя (С. 56, № 222).

* * *

Новорожденного ребенка, если хочешь, чтоб спокойный был, нужно положить в избе под скамью и сказать:

*Терпи стужу, терпи нужду,
Терпи холод, терпи голод.
Бог терпел и нам велел.*

Марья всех своих детей под скамейку ложила и так говорила, так у нее все дети спокойные были (С. 57, № 229).

**Заговоры от детских недугов
(исполох, сглаз, озык, урок, полуночица и т.д.)**

* * *

От испуга и уроков:

Принести воды с реки (брать надо воду с перебору). Затем в блюдо положить три угольца, три ложки (хлебальных) воды и сольцы бросить).

*С лесу, дак на лес пойди.
С ветру пришло, дак на ветер пойди.
С человека пришло, дак на человека пойди,
Я заговариваю уроки, я заговариваю родимец (имя)
Все боли, все скорби (три раза).*

Зачерпнуть ложкой воду из блюда и полить на четыре угла стола. Снять воду с углов стола обратно. И сразу человек поправляется (С. 87, № 321).

* * *

Брали три камешка небольших: один камешек из байны, другой – какой первый на улочке попадетсЯ, третий – в доме какой найдут. Эти три камушка в воду опускают и читают молитву. Так вода прямо от них закипает. А воду в ключе брали – зачерпнуть так, чтобы не вылилась и дальше не выливать и не переливать.

*Первый камешек от озыку,
Второй – от мужского полка.
Третий – от женского полка.
Эти камушки от болезни
(С. 87, № 322).*

* * *

*Бабушка Соломида
Иисуса Христа пеленала,
так что с моей детинушки и с коровушки
(и с овечке, и с свиней, и с коня можно)
Уроки снимала
От двоезубых, от троезубых,
От девки-черноволоски, от жинки-чернобровки,
От мужика-чернеца
Не от моей ли думы,*

*Не от моей ли крови.
Не сама ли я думала,
А сама пособляю.
Будьте мои слова
Крепки, лепки
Отныне и навеки*

(с. 89, № 330).

Ребенок ревит. На вечерней заре по окнам с ним ходят.
<Говорят:>

*Первая заря Марья <подходя к первому окну>,
Вторая заря Дарья <подходя ко второму окну>,
Третья заря Пеладыя <подходя к третьему окну>.
<У третьего окна:>*

*Не смейся, не галься
Над моим дитем,
А Смейся и галься
На дне речном.
Там твои камешки
Там твои песчинки
Перебирай песчинки и камешки,
Там твое место (или дело),
А мое дите будет спать (С. 90, № 333).*

Если заплачет, под матицу с ребенком станешь, в рот воды наберешь и сквозь зубы умываешь ребенка лицо. На руку льешь:

*Рот крутили,
Зубы зубили;
Сама обрачила –
Сама и пособляй.
Так три раза (С. 90, № 334).*

*Стану я, раб Божий, благословясь,
Пойду, перекрестясь,
Из избы дверями,
Из двора воротами,
Да в чисто поле двором.
В чистом поле*

*Стоит Иисус Христос
С вострым ножом.
Сидит госпожа Богородица
На золотом стуле,
Держит в руках
Золоту иголку с серебряной ниткой,
Шьет-зашивает,
Свет-засекает
Зоры-призоры,
Уразы, прикосы,
Родимцы, исполохи, переполохи
У рабы Божьей (имярек).
Аминь. Аминь. Аминь (С. 91 – 92, № 339).*

*Полуночица полуночи,
Полуночная матка,
Не тронь, не задевай
Александрова сына
За черные брови,
За ясные очи,
За подколенные жилы,
За пятовые жилы.
Вот тебе веничек <наломать с березы и хлопать>
Листовичек.
На каждом кружочке все по листочку.
Считай. перебирай всю темную ночку.
Вот тебе дело делишко,
А не тронь моего детишка.
Будьте мои слова крепче булат и камень.
<На каменице оставить веничек березовый, им попарить ребенка, а потом оставить> (С. 92, № 341).*

*Серая гусиха
Садится на валы.
Не боится никогда
Ни валов, ни дверей.
И не отворенных дверей.
Раба Божья, Анна,
Не пугайся и не перепайся*

*Никогда. Отныне
И навеки и повеки (С. 93, № 343).*

*Стоит Егорий среди Угора.
Шатром прикрылся, копьем подперся.
С неба звезды пали,
Все уроки, прикосы (имя рек) спали.
До трех раз проговорить в воду и той водой обкатить (С. 93,
№ 345).*

Если дети худо спят, бабка моя делала.
Надо принести с ключа воды и икону Тихона окачивать водой:
первую чайную ложку из ковша зачерпнут, окатят икону, скапает в
этот ковш, потом опять чайной ложкой зачерпнуть из ковша (пра-
вой рукой) и вылить через левое плечо. Так делали три раза. А по-
том этой водой, подогретой, вымоют ребеночка. (Большим так де-
лали от озыка, от болезни) (С. 93, № 346).

От притки (что внезапно заболит)

*Притка денная;
Притка ночная,
Притка ветряная (плюнуть).
Аминь.
Во имя Отца и Сына и святого Духа
Аминь.
Скатится, свалится с раба Божьего (имя)
Сами все болести и скорбсти ночные
И денные (плюнуть).
Аминь.
<Повторить три раза.> (С. 94, № 348).*

Заговаривали, если ребенок не спит:
*Ноченка-полуноченка,
Не играй моим деточкой,
Играй, девушка,
Да прялочкой, веретеночком (если девочке),*

*(если мальчику) Ножечком, да палочкой.
Помело подпалят, да курят.
(Желают маленькое веретеночко и прялочку из лучинки, над люлькой вешают) (С. 94, № 352).*

* * *

Заговор для ребенка, чтобы лучше спал и от сглазу.

«В городе Ерусалиме идет три девы Марии. В первом блюде святая вода, в другом блюде Демьян ладан, в третьем блюде животворящий крест Господен, риза нетленная. Раба Божья (имя) святой водой умыла, ризу одела, животворящим крестом поградила Господним. Колюхи, нечистые духи прочь отводите, так бы раб Божий (имя) не было бы полуденица, не полуночица, не утренняя зоря, не вечерняя, не материна дума, не отцова дума и не бабкина дума. Ныне повиду отныне довиду ныне причные во веки веков. Аминь» (С. 95, № 355).

* * *

Когда ребенка болезнь беспокоит, его из бани на порог положат, а на ребенка корыто. По корыту тихонько метелочкой стучат и говорят:

*На корыте ваше,
А под корытом наше
Отколь пришло,
Туда и пойдя (С. 96, № 361).*

* * *

В нашей деревне было. Трактор под окном пришел – ислужался сразу мальчик: ревить, худить стал. Ничего не помогало. Старушка одна матери говорит: «давай, проденем его через межу». Пошли в поле, прокопали межицу, продернули (старушка пошептала, землицей его обсыпала). Как продели, она сказала: «Жить не станет, умрет». Сначала он получше стал. Мать обрадовалась. Потом умер. (С. 97, № 369).

* * *

Заговаривают рябиновую палку:
*Худоба, откуда пришла?
Если из лесу пришла, в лес уйди.
Худоба, с поля пришла, в поле уйди.
Худоба, если от людей пришла,
К людям иди. Аминь, аминь, аминь (С. 98, № 370).*

Заговоры на грыжу

* * *

*Грыжа, грыжа, я тебя, грыжа
Грызу, загрызаю,
Грыжу всю искусаю,
Чтобы век тебя не было.
Веки по веки. От веки на веки.
Аминь (С. 98, № 373).*

* * *

Мама рассказывала – на грыжу заговаривать. На маслице наговорить и помазать потом этим маслицем шейку у ребеночка, сосцы, чтобы ребенок сосовал, пупочек и в паху, и поясницу, у девочек – лобик. А говоришь так:

*Стою, благословясь,
Пойду перекрестясь
Ко быстрой реке.
Во быстрой реке
Есть рыба Съедуга,
Съедает у младенца (имярек)
Грыжу-Идвигу.
Ипускает грыжа-Идвига
Вниз по кровям, по долгим пальцам,
По острым ногтям.*

(Мама так делала – на чайную ложечку вина наговаривала и давала пить ребенку) (С. 99, № 375).

* * *

*Кусаю грыжу и вижу.
Аминь. Аминь. Аминь.
Сидит кошка на окошке
С железными зубами,
Железными когтями.
Аминь. Аминь. Аминь.
Она грыжу переедает и перекусывает,
И переуранивает.
Аминь. Аминь. Аминь (С. 100, № 377).*

Грыжи вы, грыжи,
 Не грызите вы, грыжи,
 Ни меня, не младеня.
 Грызите вы, грыжи,
 У во хлевных дверей
 Гнилу колоду,
 Если мало колоды,
 идите в окиян-море,
 В окиян-море есть сер камень,
 Грызите отныне и до веку веков (С. 101, № 385).

Заговоры на родимец

Родимка-полуденница,
 Лихорадка-полуночница,
 Отойди от раба Божия (имярек)
 С белого лица,
 С ретивого сердца,
 Из могучих костей,
 Из трепучих жил.
 Аминь! (С. 105, № 402).

Заговоры на трудные роды

«Едет истинный Христос по Ерусалиму, видит: трудится жена ко младеню. Просит пресвятую Богородицу-матушку: «Дай ключи золотые отомкнуть замки костяные и мясные, выйти княжню и княжне не стонувши, не кричавши, чужим людям не слыхавши».

Наговаривать на воду. Воду пьют, льют в пазуху и на темя (С. 130, № 526).

Заговоры на ушную боль

Черный змей,
 Чернолютый змей,
 Не тронь меня,
 Ни кости, ни мозгу,

*Ни белого тела,
Неичерношерстной земли
У раба Божия младенца (имярек).
Не колюй белой земли,
А клюй черную землю.
Будьте слова крепки-лепки
На весь век.*

В уши дуют, говорят в ухо три раза, говорить в воду и помыть ухо, если себе (С. 131, № 528).

Примечания к текстам

№ 219. Архангельская область, Пинега, М.В. Емельянова, 1952 г.р. Запись 1980 г.

№ 222. Архангельская область, Виноградовский район, Н.В. Гагарина, 1906 г.р. Запись 1990 г.

№ 229. Архангельская область, Пинега, М.С. Земцовская, 1912 г.р. Запись 1986 г.

№ 321. Вологодская область, Велико-Устюгский район, Л.М. Чайникова, 1910 г.р. Запись 1983 г.

№ 322. Вологодская область, Белозерский район, Л.Н. Евстафьева, 1924 г.р. Запись 1988 г.

№ 330. Архангельская область, Виноградовский район, А.А. Шестакова. Запись 1990 г.

№ 333. Архангельская область, Виноградовский район, Н.С. Вилачева, 1926 г.р. Запись 1990 г.

№ 334. Архангельская область, Виноградовский район, А.К. Опарина, 1927 г.р. Запись 1990 г.

№ 339. Архангельская область, Пинега, С.С. Тоголдина, 1915 г.р. Запись 1986 г.

№ 341. Архангельская область, Виноградовский район, А.Ф. Косцова, 1915 г.р. Запись 1990 г.

№ 343. Архангельская область, Виноградовский район, Ф.П. Медникова, 1901 г.р. Запись 1971 г.

№ 346. Вологодская область, Белозерский район, Т.Ф. Смирнова, 1924 г.р. Запись 1988 г.

№ 348. Вологодская область, Белозерский район, А.Ф. Перебазова, 1923 г.р. Запись 1988 г.

№ 352. Архангельская область, Пинега, М.Ф. Лисицына, 1914 г.р. Запись 1988 г.

№ 355. Архангельская область, Пинега, У.Е. Кривополенова, 1918 г.р. Запись 1986 г.

№ 369. Вологодская область, Нюксенский район, А.С. Попова, 1900 г.р. Запись 1983 г.

№ 370. Вологодская область, Белозерский район, А.П. Еленцова, 1921 г.р. Запись 1988 г.

№ 373. Вологодская область, Нюксенский район, О.В. Несгорова, 1905 г.р. Запись 1983 г.

№ 375. Вологодская область, Белозерский район, Т.Ф. Смирнова, 1924 г.р. Запись 1988 г.

№ 377. Вологодская область, Белозерский район, А.П. Еленцова, 1921 г.р. Запись 1988 г.

№ 385. Архангельская область, Пинега, С.С. Тоголдина, 1915 г.р. Запись 1986 г.

№ 402. Архангельская область, Плесецкий район, П.И. Елисеева, 1897 г.р. Запись 1980 г.

№ 526. Архангельская область, Плесецкий район, В.Г. Зыкова, 1926 г.р. Запись 1990 г.

№ 528. Архангельская область, Виноградовский район, Т.Ф. Точилова, 1914 г.р. Запись 1990 г.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Фольклор, традиционно связанный с детством, включает в себя разные по происхождению группы текстов. Среди них особо ярко выделяется поэзия пестования, так называемый материнский фольклор, вслед за Г.С. Виноградовым рассматриваемый в контексте народной педагогики. Термин «материнский фольклор» условен. Он указывает, что данные тексты (а к ним относятся колыбельные, пестушки, потешки, прибаутки и детские сказки) созданы взрослыми для детей и исполняются они обычно матерями, бабушками или няньками-«пестуньями».

Вологодский материнский фольклор всегда привлекал внимание собирателей и исследователей. Наряду с единичными и разрозненными записями текстов этой группы (Н.А. Иваницкий, Н. Попов, Ф. Малевинский и др.) можно назвать и объемные по составу собрания и публикации. Например, около 180 колыбельных песен, пестушек и потешек было собрано М.Б.Едемским в Тотемском уезде в 1920-е годы. Большая часть колыбельных и потешных песен, записанных Едемским, хранится в архиве РГАЛИ (ф. 573, оп. 1, ед. хр. 100). В архиве Едемского хранятся 10 объемных колыбельных спевов, записанных известным краеведом Ф. Е. Малевинским в Биряковской волости Тотемского уезда (РГАЛИ, ф. 573, оп. 1, ед. хр. 103). В антологии «Детский поэтический фольклор» (Сост. А.Н. Мартынова / *Studiorum slavitorum monumenta. Tomus 15.* – СПб., 1997.) представлены вологодские записи, сделанные в 1920-е годы в Великоустюгском районе О.Л. Компаниец, нашли частичное отражение и записи участниц экспедиции М.Б. Едемского (Н.Л. Дилакторская и др.), материалы 1930-х гг. представлены записями Н.П. Колпаковой, а 1950-х – А.Н. Мартыновой и других фольклористов (46 текстов).

В своей основе репертуар колыбельных песен и потешек достаточно стабилен. Об этом можно судить по публикациям, подготовленным собирателями фольклора 50-70 лет спустя (Б. Ефименкова. Колыбельные песни междуречья Сухоны и Юга и верховьев Кокшеньги (Вологодская область) // Б. Ефименкова. Северные байки. – М., 1977 (№ 1–43); И.С. Слепцова, И.А. Морозов. Не робей,

воробей!»: Детские игры, потешки, забавушки Вологодского края. – М., 1995).

Колыбельные песни исполнялись ребенку с самого раннего младенчества, когда маленький человек еще не в состоянии воспринимать связную речь, различать слова и понимать их смысл. Особым монотонным напевом, размером, соответствующим ритму укачивания, негромким ласковым звучанием эти песни должны были успокоить, усыпить младенца. Кроме того, колыбельные песни – это способ общения, которое необходимо ребенку для развития мышления, фонетического слуха и способности к речи. Когда ребенок после первого года жизни начинает узнавать в речи матери отдельные слова и связывать их со значениями, то колыбельные, насыщенные упоминаниями предметных реалий и ситуаций, окружающих ребенка, выполняют и познавательную-воспитательную функцию, знакомят с предметами, животными, людьми, содержат простые нравоучения. Установка на непосредственное общение определяет стилистику и языковое оформление колыбельных, их близость к разговорной речи, отсутствие неоднозначных поэтических образов, художественных метафор, перифраз и сложных речевых конструкций. Соотносима с особенностями детского восприятия речи и ритмическая организация текстов. Исследователи детской речи считают, что «уже в лепетных вокализациях можно отметить тяготение ребенка к двусложным словам, которые строятся по хореическому принципу» (Седов К.Ф. Онтопсихоллингвистика: становление коммуникативной компетенции человека. М., 2008. С. 70). Этот принцип отражается и в словах лепетного происхождения (тя-тя, баба, бо-бо, уси, тю-тю и др.).

Традиционные тексты колыбельных разделяются на два типа: *императивные* (содержащие требование, побуждение, просьбу) и *повествовательные* (А.Н. Мартынова). Императивные тексты могут содержать обращение как к ребенку, так и к животному или другому персонажу (Сон, Дрема, бука) с требованием отогнать беспокойство и обеспечить здоровый сон:

Плаканьё-бессоньё
На темны леса,
Сон да дрема

Любе на глаза!

(Едемский, № 55.)

А спи-ко, Коленька, усни,
Да поболе вырасти, лю!
Бай побай да бай побай,
Поди, бука, на сарай,
У нас Коли не пугай, лю!

(Ефименкова, № 41, с. 55.)

Баю, баюшки, баю,
Не ложисе на краю.
Придет сиренький воўцёк,
Тебя схватит за боцёк,
Унесёт в темненькой лесок
И посадит под кусток.

(Едемский, №11).

Императивность сближает колыбельные с архаическим фольклором, они обнаруживают сходство с заговором или причитанием. Исполнительница обращается к персонифицированным образам Сна, Дремы, Угомона («Сон да Дрема, накатись на глаза!»; «Угомон тебя возьми!», «Угомон к себе мани»). Чудесными помощниками пестуны выступают кот, птицы, приносящие сон. Враждебные для спящего ребенка силы представлены в образах демонических существ или животных, наделяемых этими характеристиками (бука, бабай, собака).

Люли бай, да люли бай.
Поди бука на сарай.
Поди бука на сарай,
Там дитей-то не пугай.

(Едемский, №35.)

Бай да варай,
Поди, бука, на сарай.
На сарае тукачи,
Буке некуда идти.
Спи-ко, Нина, непробудно,

Докуль маменька не будит.
Станет маменька будить,
На работку гонить,
На гумешко молотить,
В чисто поле дров рубить.
ДПФ, № 7. Андомский р-н, 1955 г., А.Н. Мартынова.

Баю баю бай бай,
Ты, собачка , не лай,
Ты, гудочек, не гуди,
У нас Серёжи не буди!
О, люли, о, люли, да
Баю баю баенки.

(Ефименкова, № 21, с. 32.)

В текстах, обращенных к ребенку, используется широкий круг традиционных императивных формул: *«Спи здорово, вставай весело»*, *«Спи по ночам, расти по часам...»*, *«Спи со Богом, со Христом...»*, *«Спи камешком, вставай перышком...»*, *«Спать – не писать, глазоньки сожать...»*, *«Спи-ко, Бог с тобой дитя, Богородица у тя...»* и др.:

Спи, Володя, Бог с тобой,
Богородица с тобой,
Спи, Володенька, дитя,
Богородица у тя.

(Едемский, № 46.)

Спи-ка, Манюшка, здорово,
А вставай-ко весела.
Уж ты спи-ко камешком,
Вставай-ка перышком.

(Едемский, № 44.)

Ой, лю-лю-лю,
Лисоньке – лю-лю,
Спать – не писать.
Лисе глазоньки сожать.
Сон да дремота
Лисы и работа.
Ой-лю-лю-лю!
Днем давай, Лиса, делать,
А ночью спать.
(Ой-лю-лю-лю!)
(Едемский, №28.)

Императив, выражаемый в колыбельной песне, может сопровождаться угрозами, обещаниями (традиционные мотивы: «Колотушек надаю», «Купим валенки»; сюжет «В поле бегают олени»):

Баю-баюшки-баю!
Колотушек надаю:
Колотушек двадцать пять –
Вася крепче будет спать.
(Едемский, №7.)

Баю-баю-баеньки,
Куплю Тане валенки –
Не большие – маленькие:
Будет Таня надевать,
Будет с детками играть.
(Едемский, №13.)

Баю баюшки баю,
Укачаю, укладу.
Ой, люлень да люлень,
По горам бежал олень.
Я оленя-то убью,
Ване шубочку сошью.
Из остаточков
Сошью шапочку.

Из обрезочков

Сошью кепочку.

(Ефименкова, № 8, с. 18.)

В контексте ритуально-обменных отношений, которые должны закрепить словесное воздействие, можно рассматривать требование выкупа за «байканье»:

Качи-покачи.

Бабка просит подачи.

(Едемский, №38.)

Каци-покаци,

Пестунье подаци.

Дай – дак потешу,

А нет – дак зарезу.

(Едемский, №37.)

Байки-побайки,

Матери – китайки,

Отцу – кумацю –

На ластовицю

Братцу – бархатцу,

А двум сестрам,

По козловым башмачкам.

(Едемский, №2.)

Вологодские записи фольклористов отражают активное бытование архаичных «смертных» баек – колыбельных песен с пожеланием смерти, сближающих данный фольклорный жанр с заговорной традицией, и имеющих ярко выраженную апотропеическую функцию (Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М., 1957. – С. 91):

Спи-ко, Таня, на два дни

На третий-от на дровни.

На повос повезем,

Пирогоф-то напекем,
Будем резать и ломать,
Будем Таню вспоминать.
(Едемский, № 41.)

Бай-люли, бай-люли
Похворай, да умри.
На повос повезём,
Пирогоф напечем,
Станем резать и ломать,
Станем Ваню поминать.

Уж я Ваню схороню,
Да и поплацую-поревлю.
(Едемский, №15.)

Люлю бай, люлю бай,
Хоть сейчас помирай!
Тятя гробик сделаёт
Из осиновых досок.
Мама платьицо сошьёт
Из коленкоровы рубашки
И нахлесточку пришьёт.
Понесём, повезём,
Закопаём в чёрнозём.
В чёрнозёме-то вода
Подбежит под тебя.
(Ефименкова, № 12, с. 23.)

Люлю люлю люлю бай,
Поскорие засыпай,
Хоть сейчас помирай.
Никому тебя не жаль:
Ни отцу, ни матке,
Ни родной божатке.

Люлю люлю!
Люлю лю люлю!
(Ефименкова, № 16, с. 28.)

Баю баю баю бай,
Поскоряе засыпай,
Да скоряе умирай!
Тятыка сделаёт гробок
Из осиновых досок.
На погост увезёт
И земелькой затресёт.
Затресёт, заporошит,
Грядку луку насадит.
Будём пёрышка щипать,
Будём Ваню поминать
(Ефименко, № 30, с. 41.)

Баюшки-баю!
Нет ли мистицька в раю,
Хоть на самом на краю.
(Едемский, № 29.)

Тексты повествовательного типа изображают желательную ситуацию, связанную со сном ребенка, его здоровьем и будущей судьбой. Повествовательные сюжеты связаны с планом настоящего и с планом будущего. В настоящем описывается сон, который приходит к ребенку или приносится ему добрыми хранителями сна (ангелами, птицами, домашними и дикими животными), даются бытовые зарисовки спокойной жизни семьи в счастье и достатке («Зыбаю-позыбаю, отец ушел за рыбою»; «Живет барин на краю» и др.). Прагматика этих текстов определяется их продуцирующим назначением.

Баю, баюшки, баю,
Сидит хозяин на краю.
Он не нужен, не богат.
Поўна горница робят.

Все по лавоцкам сидят,
Кашку с маслицем идят
И Ванюше исть велят.
(Едемский, №6.)

О, зыбаю, позыбаю,
Пошел мужик за рыбою.
Пошла мать пелёнка мыть,
Я пошла коров доить.
Хочут Павлу накормить,
Павла-то наелася.
Пойдем, Павла, на сарай,
Коням сено надавай!
Кони сена не едят,
Всё на Павлоньку глядят.
Хочут Павлу затоптать
И в могилку закопать.
(Ефименкова, № 4, с. 13.)

Оберечь ребенка, обеспечить ему счастливый сон должно и описание детской колыбели:

Бай-каци, бай-каци,
Под зголовьем колачи.
В ручьках – прянички,
В ножках пряженицьки.
(Едемский, №23.)

Как и в императивных текстах, в повествовательных изображаются те же персонажи-животные, наделяемые теми же функциями. Можно выделить две традиционные разновидности таких текстов. В первой из них повествуется о том как хранители сна заботятся о младенце, нянчат, кормят, усыпляют его. Эта функция чаще всего приписывается «гулям» (голубям):

Баеньки-люленьки,
Прилетели гуленьки,

Стали гули ворковать,
Стаў и Леня засыпать.
(Едемский, №18.)

Люли-люли-люли,
Сили гули на люли,
Стали гули ворковать,
Чем нам Ванюшку питать –
Чайком, сахарком
Да сладким пряничком.
Залетели гули в уголок,
Зажигали огонёк.
Стали кашку варить,
Стали Ваню кормить.
(Едемский, №34.)

О-о-о!
Спи-ко, Лиля, бог с тобой,
Ангел божий над тобой
Крылышкам помахивает,
Лилю спать укладывает.
(Ефименкова, № 1, с. 9.)

Вторая группа колыбельных строится на параллельном описании животных и ребенка, их сравнении.

Соболи спят,
Куницы спят,
Нашему Рафаилу
Зачем не спать.

(Едемский, № 56.)

О люлю, мое дитятко!
Люлю-люлю.
Спи-тко, усни, дитя материно.
Спи-ко ты, дитятко, с Богом, со Христом.
Все ластоцьки спят, и касатоцьки спят.

Куницы спят, и лисицы спят.
Соколы спят, и соболи спят.
Нашому (*имя*) спать жо велют.
Для цево, зацем (*имя*) не спать?
Ластоцьки спят все по гнездышкам,
Касатоцьки спят все по кустоцькам,
Лисицы спят все по подкустицькам,
Куницы спят все по нороцькам,
Соколы спят все по гнездышкам,
Соболи спят, где им здумалось,
Маленькие детки в колыбелоцьках спят.
Спи-тко, (*имя*) и милашенья.
Спи-ко, робенок дорогой, ненаглядной, золотой.

(Н. Попов, Кадниковский у.; ДПФ, № 528, с. 171.)

В числе подобных сюжетов и сопоставление колыбели кота и колыбели ребенка:

У кота было, кота
Да колыбелька золота,
Как у нашего Ванюши
Получше того,
Получше того
Да покрасивее его <...>

(Вологодская губ., 1925 г. Е. И. Попова; ДПФ, № 330).

К архаичным мотивам можно отнести изображение сна как олицетворенного или предметно-вещественного:

Сон да дрема
По кацюльну брела.
Марфуше в голову легла.

(Едемский, № 54.)

Сон да дрема
Возле зыбочки брела,
Накатилась на глаза.

(ДПФ, № 42. Тотемский у., 1926 г., Н.Л. Дилакторская.)

Кошки, котятки
По очепу бежат –
Нашему Алику
Сну тащат:
Спускают по облучкам,
Всё кладут по уголкам.

(Ефименкова, № 34, с. 45.)

Серые коты
Из-за моря сюда шли,
Из-за моря сюда шли,
Да много снов они несли.
Баюшки-бай-бай,
Спи-ко, Таня, засыпай.
Спи-ко, Танюшка, в добре
Да на соломке, на ковре,
В шитобраном положке.

(ДПФ, № 60. Ковжинский р-н., 1955 г., К.В. Сергеева.)

Подобные колыбельные песни сочетают в себе повествовательную и императивную части. Требование спать исходит в них от персонажей:

Бай да люлю,
Володю спать укладу.
Кошки, котятка
По очепу бежат,
Володе сна тащат.
Сон да дрема –
Володе в глаза!
Сон ходит по сням,
Дрема ходит по новым.
Сон говорит,
Володе спать велит.
Сон в сапогах,

Дрема в катанках.
Сон говорит:
«Володю укладу».
Дрема говорит:
«Ему спать велю».

(ДПФ, № 57. с. Верхняя Синегга, 1926 г., О. Л. Компаниец.)

Сон да дрема
Возле байку брела.
И в байку легла.
И спать Ваню уклала,
Спать укладывала,
Да уговаривала:
– Спи-ко, Ваня, камешком,
Да вставай перышком.

(Едемский, № 51.)

Сон у дремы стал выспрашивать,
Где бы Танечку найти,
Где бы милую сыскать,
Надо спать ее укласть.
Спи-ко, Танечка, по дням,
А расти-ко по часам.

(О. Л. Компаниец, д. Водогино, 1929 г., ДПФ, № 87.)

Каци, каци, каць,
На березке сидит граць,
Крыцит: «Володенька, не плаць,
Я куплю тебе калаць!»
Крыцит: «Оленька, не вой,
Я куплю тебе другой».
Крыцит: «Оля, не реви,
Я куплю тебе и три».

(Едемский, № 39.)

Люлю люлю баеньки, да
В огороде заеньки.
Зайки травку едят,
Лиде спать велят.
Люлю люлю,
Укачею, укладу.

(Ефименкова, № 15, с. 28.)

Излюбленным персонажем колыбельных песен является «серенький коток, кудреватенький лобок». С этим образом связано несколько сюжетов, которые нередко контаминируются в пределах одного текста (*У кота была мачеха люта..., Приди, котик, ночевать..., Повадился коток в монастырь городок...*). Кот как одно из воплощений домашнего покровителя в то же время наделялся разными магическими свойствами. Коту, как и зайцу, приписывалось благотворное влияние на сон. В славянской традиции существовал обычай класть кота в колыбель, перед тем, как положить туда ребенка (Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 639).

Как у сирова кота
У синя моря изба.
Как у нашего у Коли
Колыбель хороша.
А во ту колыбель
Мово Колю повалю
Да кота созову:
«Приди, кот, да ноцёвать,
У меня Колю покацять –
Я тибе, коту, за роботу
Заплацю,
Дам куфшин молока
Да конец пирога».

(Едемский, № 58).

У нашего кота
Была мачеха люта,
Не кормила никогда.
Сиренький коток,
Поди к нам ноцевать,
(К нам ночевать),
Да Виталья качать,
Уж я серому коту
Да за роботу заплачу:
Дам кукшин молока
Да конец пирога.

(Едемский, № 62.)

Кот Котонай,
Ходи к нам ночевать,
Ходи с Васькой водицтыце,
Ходи Ваську кацеть.
Кот ходиў, водиўсе,
На Ваську рассердиўсе,
На печьку спать ложиўсе,
Онуцьки подстилаў,
Цюўки в голову клаў,
И Ваську не кацяў.
Баю-баюшки-баю,
О-о-о! Спи, Васенька!

(Едемский, № 57.)

Уж ты, котонька, коток,
Кудреватенькой лобок!
Кот повадилсё коток
В монастырь городок.
В монастырь городок
По сметанку, по творог,
По прясное молочко,
По-под пахтаницё!
Как увидяли кота
Два лакея из окна,

Они хлопнули окном,
Побежали за котом.
Как ударили кота
Поперек живота,
Растянул он ножки
Поперек дорожки.

(Ефименкова, № 27, с. 38–39).

Продуцирующая функция колыбельных песен отражается в желании быстрого роста, взросления, счастливой жизни в будущем, веселого гуляния и свадьбы. Оно называется устойчивыми формулами, содержание которых связывает колыбельные со свадебной и сказочной фольклорной традицией: *«Вырастешь большой, будешь баско ходить, в ручках золото носить, будут девушки любить»* и т. п.

Спи-тко подоле, вырастешь поболе.
Вырастешь велик, станут девушки любить,
Станут девушки любить, станут молодушки хвалить.
Станешь в школу ходить, станешь книжки уцить.
Выуциссе в книге, станет батюшко женить,
Станешь сватаццо к невестам, станешь слыть женихом.

(Н. Попов, Кадниковский у.; ДПФ, № 528, с. 171.)

Спи, Ваня, да спи,
Поскорее рости;
Выростешь большой,
Ты наредишься баской,
Станешь в золоте ходить,
Чисто серебро носить.
Высписься, нагуляесься,
Выростешь большой,
Станем грамоте учить,
Станем за морем женить
На красной красе,
На русой косе.

Станем батюшка дарить,
Отцю кумацю,
Братцу луковицю,
Сестре маковицю.

(Ф.Е. Малевинский, Тотемский у. ;
РГАЛИ, ф. 573, оп. 1, ед. хр. 103, л. 8.)

<...> Выростешь большой,
Ты нарядишься баской,
Станут девушки любить,
Молодушечки хвалить:
Экой Ваня большой,
Экой Ваня баской.
Ко Спасу пойдет –
Богу молитцо,
Христу поклонитцо.
Станет Бога молить,
У Бога милости просить.
Баенки, бай,
Бог, здоровьица дай...

(Ф.Е. Малевинский, Тотемский у. ;
РГАЛИ, ф. 573, оп. 1, ед. хр. 103, л. 7.)

Пожелание быстрого взросления получает и разные бытовые мотивировки, связанные с необходимостью работать, помогать родителям, заменить старших.

Уж я сына-то кацяю
Я себе замены цяю.
Уж я дочь-то кацяю,
Я себе-то зятя цяю.

(Едемский, № 49.)

Уж я Танюшку кацяю,
Я замену себе цяю.

Спи-ко, Танюшка, усни,
Поскорие вырости.
На работку-то пойдешь,
Сибя хлибця принесешь,
Будешь работку работать
Будешь время коротать.

(Едемский, № 50.)

Володя, вырастешь большой,
Недосуг будет спать:
Надо работка работать.
Орать, боронить,
Огороды городить,
В лес по ягоды бродить,
По коровушок ходить.

(Едемский, № 48.)

Подробное перечисление крестьянских работ, насыщенность текстов бытовыми реалиями, скорее всего следует рассматривать как поздние новации. Встречающиеся новообразования, как правило, носят импровизационный характер и возникли на основе переосмысления традиционных сюжетов, образов и мотивов, их не всегда логичной контаминации:

Спи-ко, Костенька, покрепче –
Недосуг с тобой возитце,
Спи-ко, Костенька, подоле,
Ты повыростешь поболе,
Ты вырастешь большой.
Недосуг, Костя, спать:
Надо робота работать –
Будешь баско ходить,
Ручки в золоте ходить,
Цисто серебро имить,
Надо пашенка пахать,
Надо орать да боронить,

Да огороды городить.
Надо жать да косить,
Да по коровушек ходить.

(Едемский, № 40.)

Спи-ко, дитяtko, покрипце.
Недосуг с тобой возитьце,
Надо сиять и пахать,
А не фуражецькой махать.

(Едемский, № 47).

По мнению исследователей, народные колыбельные песни – «байки» – часто строятся по принципу спевов, соединяющих «различные по форме и содержанию песни (или их части), каждая из которых представляет собой логическое и художественное целое и имеет свою историю возникновения и развития» (А.Н. Мартынова. Вариативность колыбельных песен // Традиции русского фольклора. М., 1986. С. 129). Поскольку исполнение колыбельной должно длиться до тех пор, пока ребенок не уснет, то взрослому приходится «набирать», «нанизывать» колыбельные формулы, переходя от одной темы к другой, импровизировать, комбинировать тексты детского и взрослого репертуара, скрепляя их убаюкиванием («О-о-о!»; «Баю-бай!», «Качь-качь-качь!»; «Люли-люли-люленьки!» и др.).

О люлю-лю,
Мое дитяtko!
Люлю-люлю,
Спи-тко, усни,
Да упокой тебя возьми.
Спи по ночам
Да расти по цясам.
Днем давай делать,
А ночью – спать.
Тебе спать – не писать,
Только глазки сожать.

Спи-тко подоле,
Так вырастешь поболе.
Вырастешь большой,
Станешь в золоте ходить.
В золоте ходить,
Цисто серебро носить.
Няньки и мамки,
Кацейте дитя,
Сенные девушки,
Прилюлькивайте.
Нянькам и мамкам
Я всем заплацб:
Сенным-то девушкам –
По лентоцьке,
Старым старушкам –
По завязоцьке.
Сон да дрема,
Поди к дитятку в глаза.
Сон-от говорит:
«Я дитя усыплю».
Дрема говорит:
«Я милого удремлю».
Сон ходив по сеням,
Дрема по терему.
Ищут они
Да колыбелоцьки.
Где-то здись
Колыбелоцькя висит?
Висит колыбевка
В высоком терему,
Во высоком терему
Да на кленовом оцяпу.
На серебряных на кольцях,
На шовковом поясу.
Лежит мой (*имярек*)
В шитом-браном пологу.
Сон да покой,
Дитя мило успокой.
Спи-ко, девиця,

Спи, красавица,
Спи, красавица,
Бесприданница.
Спи-ко, маленькая,
Спи, хорошенькая,
Спи, хорошенькая,
Спи, пригоженькая.
Спи в камке,
Пробудись в тафте,
Пробудись в тафте,
В алом бархате.
Вырастешь большая,
Станем замуж отдавать,
Станем замуж отдавать
И пойдем пропивать.
Спи-тко, дитя,
Ты усни-тко, милой.

(Н. Попов, Кадниковский у.; ДПФ, № 526, с. 201–202.)

Баю-баю-бай,
Спи, дитя, засыпай,
Баю-бай!
Спи, дитя мое, покрепче,
С тобой некому возиться,
Баю-бай!
С тобой некому возиться,
Пелеговаться,
Баю-баюшки-баю.
Бай-бай-бай,
Ты, собачка, не лай,
Баю-бай.
Ты, собачка, не лай,
Поди, бука, на сарай,
Баю-баю-баю-бай.
Поди, бука, на сарай,
Нашу Таню не пугай,
Баю-баю-баю-бай.
Наша Танюшка уснет,

Во сне вырастет,
Баю-баю-баю-бай.
Скоро вырастет большая
Да на улушку пойдет,
Баю-баю-баю-бай.
Ты на улушку пойдешь,
Станешь с ребятами играть,
Баю-баю, лю-лю-лю.
Спи, мое дитя,
Я убаюкаю тебя,
Люлю-люлюшки-люлю.
Я убаюкаю, улажу,
По головушке поглажу,
Баю-баю-баю-бай.
Спи, Танюша, засыпай.
Отца-мать не забывай,
Баю-баю-баю-бай.
На работке не ленись,
Умирать не торопись,
Баю-баюшки-баю.
Поторопишься, умрешь –
Много слез наделаешь,
Баю-баю-баю-бай.
Много горюшка-тоски
До гробовой моей доски,
Баю-бай.
Спи ты, крошечка моя,
Не обманывай меня,
Баю-бай.
Ты обманешь-проведешь –
В сыру землю спать уйдешь,
Баю-баюшки-баю.
Ты во желтые пески
Да под сини камешки,
Баю-баю-баюшки.
Во сыру земелюшку
Тебя схороним, девушку,
Баю-бай.
Будем плакать-горевать,

Тебя, Таня, вспоминать,
Люлю-люлюшки-люлю.
Серые коты
Из заморья пришли,
Много сна принесли,
Баю-бай.
Много сна принесли,
Все по малькам растрясли,
Баю-баюшки-баю.
Нашей-то Татьяне
Дали больше всех,
Баю-баю, лю-лю-лю.
Люлюшки-люлю,
Тебе выспаться велю,
Баю-баюшки-баю.
Спи, дитя мое родное,
Спи, уваженное,
Баю-баю-баю-бай.
Спи, уваженное,
Дитя улаженное,
Баю-баю-баю-бай.
Баю-баю-бай,
Спи, цветочек, засыпай,
Баю-баю-баю-бай.
Спи-тко, ягодка-малинка,
Нарисована картинка,
Баю-баюшки-баю.
Нарисованный портрет –
Краше Тани в мире нет,
Баю-баю-баю-бай.
Спи-тко, Таня-светлячок,
Не ходи на родничок,
Потеряешь башмачок,
Баю-баю-баю-бай.
Ходи, Таня, по лужкам,
Будешь хороша девушка,
Баю-баю-баю-бай.
Ты хороша девушка,

Мамина сугревушка,
Баю-баю-баю-бай.

(Вытегорский р-н., 1965 г., В. В. Коргузалов; ДПФ, № 524.)

Для усыпления могли использоваться как традиционные тексты колыбельных, так и поздние тексты литературного происхождения (весьма популярны, например, «Спи, младенец мой прекрасный...» М.Ю.Лермонтова, «Спи, дитя мое, усни...» А.В.Кольцова и др.), а также любые тексты, исполненные как колыбельные.

Вместе с тем большую близость к колыбельным обнаруживают пестушки и потешки, которые исполнялись как для развлечения младенца во время разнообразных игр с ним, сопровождаясь ритмическими похлопываниями, поглаживаниями, легким подбрасыванием, упражнениями с ручками и ножками, простыми танцевальными движениями, так и для укачивания, успокоения, подготовки ко сну, выполняя функции колыбельных песен.

Завершая обзор традиционных сюжетов колыбельных песен, следует отметить, что уникальность этих текстов определена совмещением в них простоты языка и сложности, амбивалентности прагматических функций, бытовой тематики и традиционной символики. Их типология может определяться разными признаками: тематикой, прагматическими функциями, способом речевой организации, типом зачина, составом формул, структурой сюжета, генезисом текстов. Этим обусловлены трудности в создании последовательных классификаций текстов данного жанра.

**ССЫЛКИ НА ИНФОРМАТОРОВ,
МЕСТО И ВРЕМЯ ЗАПИСИ ТЕКСТОВ,
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В РАБОТЕ**

***1. Традиционная русская магия в записях конца XX в.
/ Сост. С.Б. Адоньева, О.А. Овчинникова. – СПб, 1993.***

№ 97. Вологодская область, Нюксенский район, 1983.
О.В. Новгородова, 1905 г.р.

№ 130. Вологодская область, Белозерский район, 1988.
А.С. Павлова, 1922 г.р.

№ 319. Архангельская область, Виноградовский район,
1971. Е.Д. Абакумова, 1902 г.р.

№ 325. Вологодская область, Белозерский район, 1988.
Д.А. Николаева, 1906 г.р.

№ 333. Архангельская область, Виноградовский район,
1990. Н.С. Вилачева, 1926 г.р.

№ 336. Архангельская область, Виноградовский район,
1990. Н.С. Вилачева, 1926 г.р.

№ 337. Архангельская область, Пинежский район, 1986.
Т.В. Скоморохова, 1919 г.р.

№ 339. Архангельская область, Пинежский район, 1986.
С.С. Тоголдина, 1915 г.р.

№ 340. Архангельская область, Пинежский район, 1983.
А.И. Лисицына, 1912 г.р.

№ 345. Архангельская область, Пинежский район, 1986.
А.П. Погорелова, 1920 г.р.

№ 352. Архангельская область, Пинежский район, 1986.
М.Ф. Лисицына, 1914 г.р.

№ 353. Архангельская область, Пинежский район, 1986.
У.А. Кривополенова, 1935 г.р.

№ 354. Архангельская область, Пинежский район, 1986.
С.С. Спирова, 1911 г.р.

№ 358. Архангельская область, Виноградовский район,
1990. Н.С. Вилачева, 1926 г.р.

№ 362. Архангельская область, Пинежский район, 1986.
Н.П. Житова, 1935 г.р.

- № 370. Вологодская область, Белозерский район, 1988.
А.П. Еленцова, 1921 г.р.
- № 174. Вологодская область, Белозерский район, 1988.
Т.Ф. Смирнова, 1924 г.р.
- № 384. Архангельская область, Пинежский район, 1986.
А.И. Лисицына, 1912 г.р.
- № 399. Архангельская область, Плесецкий район, 1980.
А.Ф. Чекалина, 1901 г.р.
- № 403. Архангельская область, Плесецкий район, 1980.
В.Г. Зыкова, 1926 г.р.
- № 405. Архангельская область, Виноградовский район,
1990. А.Ф. Косцова, 1925 г.р.

2. Фольклор Новгородской области: история и современность (по материалам фольклорного архива Новгородского университета за 30 лет) / Сост. О.С. Бердяева. – Великий Новгород, 2002.

- № 15. Новгородская область, Старорусский район, 1976.
Л.И. Никифорова, 1900 г.р.
- № 17. Новгородская область, Старорусский район, 1995.
Н.П. Куприянова, 1926 г.р.
- № 18. Новгородская область, Волоотовский район, 1990.
Г.С. Иванова, 1933 г.р.
- № 22. Новгородская область, Валдайский район, 1999.
М.К. Антонова, 1924 г.р.
- № 26. Новгородская область, Валдайский район, 1999.
М.К. Антонова, 1924 г.р.
- № 28. Новгородская область, Лобытинский район, 1986.
Е.В. Петухова, 1928 г.р.
- № 31. Новгородская область, г. Боровичи, 1990. А.И. Федорова, 1915 г.р.

3. Ефименкова Б. Северные байки: Колыбельные песни Вологодской и Архангельской областей. – М., 1977.

№ 1. Вологодская область, Никольский район, 1968. Ф.Д. Карачева, 1908 г.р.

№ 6 – 7. Вологодская область, Никольский район, 1967. Ф.П. Барболина, 1919 г.р.

№ 11. Вологодская область, Никольский район, 1967. П.П. Подольская, 1910 г.р.

№ 25. Вологодская область, Бабушкинский район, 1972. Л.В. Красикова, 1916 г.р.

№ 37. Вологодская область, г. Тотьма, 1967. К.В. Шеба-лина, 1895 г.р.

№ 46. Архангельская область, Каргопольский район, 1967. Д.З. Карпунина, 1898 г.р.

№ 48. Архангельская область, Каргопольский район, 1967. Ю.А. Гришичева, 1918 г.р.

№ 50. Архангельская область, Каргопольский район, 1967.

Ю.А. Гришичева, 1918 г.р.

4. Слепцова И.С., Морозов И.А. Не робей, воробей! Детские игры, потешки, забавушки Вологодского края. М., 1995.

Районы Вологодской области:

С. 10. Сямженский район; Верховажский район;

С. 11. Тарногский район; Сямженский район; Верховаж-ский район;

С. 24. Тарногский район; Верховажский район;

С. 25. Харовский район; Сямженский район;

С. 26. Вожегодский район.

В работе использованы материалы фольклорного архива кафедры литературы Вологодского государственного педагогического университета (до 1995 г. – института) из районов Вологодской области: Бабаевского, Белозерского, Великоустюгского, Верховажского, Никольского, Нюксенского, Кичменгско-Городецкого, Сямженского, Тарногского, Тотемского, а также фольклорно-этнографические материалы вологжан-краеведов: Н.И. Иваницкого, А.А. Шустикова, М.Б. Едемского из архивов РГАЛИ (Российского государственного архива литературы и искусства: Ф. 573, опись 1), Архива государственного литературного музея (АГЛМ, КП. 4385 / Ф.А. 1924), архива автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Геннеп ван Арнольд*. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. – М., 1999. – С. 9, 15.

2. *Фрезер Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М., 1986. – С. 22 – 23, 28 – 29; 35 – 37; 120; 127; 230 – 231; 408 – 409; 636 – 641, 650 и др. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. – М., 1989. – С. 421 – 457., гл. XV; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. – М., 1991. – С. 319 – 332; *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. – М., 1964. – С. 171 – 177; 282 – 301; 312 – 318; 479 – 482; 490 – 512 и др.

3. *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества. Вып. 1, Пг., 1914. Вологодская губерния, VII, 78. Андрей Алексеев Шустиков. Этнографические материалы из Тавреньги Вельского уезда. Тетрадь третья.

4. *Логинова Ю.* Родильные обряды пятозерских вепсов. (Бабаевский район Вологодской обл.) // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. XIII. Вологда, 2004. – С. 33 – 37.

5. *Книга о рождении* младенческом и о том, как детей малых беречь, кормить и лечить / Репринт издания рукописи Московского ун-та, обнаруженной проф. медицины М.А. Колесовым в 1927 г., в которой есть запись о времени создания: «Списана сия книга, глаголемая Лечебник в лето от создания видимого мира 7174 (1666) года, месяца новембрия 18 дня на Колмогорах», в школе архиепископа Афанасия Холмогорского, просветителя на Русском Севере. Издание подготовлено Татьяной Исаченко с благословения отца Алексия, в миру Алексея Владимировича Грачева, кандидата медицинских наук, в прошлом микрopedиатра. – М., 1992. (Далее – *Книга о рождении...*)

6. *Толстой Н.И.* Вторичная функция обрядового символа // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – С. 167.

7. *Толстая С.М.* Беременность // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. – С. 43 – 44.

8. Фрезер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете. – М., 1985. – С. 344 – 352 (гл. VI Стражи порога).
9. Лавонен Н.А. Функциональная роль порога в фольклоре и верованиях карел. // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов – Л., 1984. – С. 179.
10. Логинова Ю. Родильный обряд. – С. 33.
11. Грысак Н.Е. Лечебные и профилактические образы русского населения бассейна Ваги и Северной Двины: Пространственные и временные координаты // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. – СПб, 1992. – С. 72.
12. Русские обряды и обычаи / Автор-составитель Н.А. Юдина. – М., 2006. – С. 8.
13. Традиционная русская магия в записях конца XX века. / Авторы-составители С.Б. Адоньева, О.А. Овчинникова. СПб, 1993. (Далее – ТРМ)
14. Колосова А. Традиционный уход за детьми в Енаньских и Ентальских деревнях Кичменгско-Городецкого района / Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. XIII – Вологда, 2004. – С. 38 – 43.
15. Грысак Н.Е. Лечебные профилактические обряды... – С. 69.
16. Аверинцев С.С. Вода // Мифы народов мира – М., 1980. Т. I – С. 240.
17. Грысак Н.Е. Лечебные профилактические обряды... – С. 69 – 79.
18. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах, Т. VII – М., 1985. – С. 192 – 198. Горький М. Рассказы, повести, пьесы: Библиотека классики – М., 1987. – С. 271 – 279.
19. Кабакова Г.И. Кувада // Славянские древности: Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого – М., 2004. Т. 3 – С. 18 – 19.
20. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – С. 320.
21. Кабакова Г.И. Отец. // Славянские древности. – С. 592 – 594.
22. Геннеп ван Арнольд. Обряды перехода. – С. 53.

23. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX: Половозрастной аспект традиционной культуры. – Л., 1988. – С. 55.
24. *Логина Ю.* Родильный обряд. – С. 35.
25. *Толстой Н.И.* Близнецы // Славянская мифология. – С. 51 – 53.
26. *Колосова А.* Традиционный уход за детьми. С. 39. Кич-Городецкий р-н.
27. *Архив автора.* Тарногский р-н, Кокшеньга, 1970.
28. *Русская изба:* Иллюстрированная энциклопедия / Коллектив авторов. Научный редактор д.и.н. И.И. Шангина – СПб, 1999. – С. 338.
29. *Шустиков А.А.* Троицина Кадниковского уезда // Живая старина, 1892. вып. 3. – С. 130.
30. *Шустиков А.А.* Тавреньга Вельского уезда // Живая старина, 1895, вып. 3 – 4. – С. 372.
31. *Русская изба.* – С.81-84.
32. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография... – С. 326.
33. *Русские обряды и обычаи...* – С. 6.
34. *Грысак Н.Е.* Лечебные и профилактические обряды... – С. 65.
35. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV – М., 1982. – С. 519 – 520. Утин – рубеж, граница, «узкая полоска пашни, крайняя к лугу, к покосу. Она пашется поперек, а прочие вдоль». Утин – боль в поясице.
36. *Грысак Н.Е.* Лечебные и профилактического обряды... – С. 71.
37. *Логина Ю.* Родильные обряды пятозерских вепсов... – С. 36.
38. *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии. Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛАЭ), Т. LXIX. Труды этнографического отдела. Т. XI, вып. 1. – М., 1890. – С. 111.
39. *Терещенко А.В.* Быт русского народа.– М., 2001.– С. 206-219. *Его же.* История культуры русского народа. М., 2006.– С. 344-345.
40. *Кабакова Г.И., Седакова И.А.* Младенец // Славянские древности. Т. 3. – С. 258.

41. *Криничная Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. – М., 2004. – С. 159 – 165.
42. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография – С. 324.
43. *Шангина И.И.* Русские дети и их игры. СПб, 2000. – С. 23.
44. *Русские обряды и обычаи.* – С. 14.
45. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины. – С. 25.
46. *Русские: история и этнография* / Под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М., 2008. – С. 486.
47. *Астахова А.М.* Заговорное искусство на реке Пинеге // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. Т. II.– Л., 1928. – С. 33 – 76.
48. *Власова М.* Народные суеверия. – СПб, 2001. – С. 207.
49. *Никитина А.В.* Русская демонология / Изд. С.-Петербургского ун-та. – 2006. – С. 278.
50. *Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях верованиях, сказках, легендах.* // Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. 1.– СПб., 1900. (Далее – *Шейн*)
51. *Аникин В.П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М., 1957. – С. 91.
52. *Никитина А.В.* Русская демонология. – С. 279.
53. *Никитина А.В.* Русская демонология. – С. 280.
54. *Власова М.* Народные суеверия. – С. 210.
55. *Даль В.И.* О поверьях, суевериях, предрассудках русского народа. – СПб, 1880. – гл. IV. Заговоры. – С. 37. Переиздание: СПб, 1994.
56. *Грысак Н.Е.* Лечебные и профилактические обряды. – С. 72-73.
57. *Виноградов Н.* Заговоры, обереги и спасительные молитвы и пр. (по старинным рукописным и современным записям) // Живая старина, 1907, кн. 1. – С. 100.
58. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни: избранные статьи. – М., 1982. – С. 106.

59. Морозов И.А., Слепцова И.С. Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. – М., 1997. – С. 127 – 128. (далее – *Сев. Белозерье*)

60. *Русские: История и этнография.* – С. 509.

61. *Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии* // Авторы переводов, исследовательских статей, примечаний, комментариев д.и.н. И.С. Свенцицкая [ч. 1], к.и.н. М.К. Трофимова [ч. 2]; редколлегия: д.ф.н. А.Ф. Окулов и др. – М., 1989. – С. 125. Соломея (Соломонидушка) – мать двух апостолов Христа. По преданию принимала роды деви Марии. В народных представлениях божественные роды воспринимались, как реальный факт. В иконописном сюжете Рождества Христова Соломея изображена в белых одеждах, приготовившаяся обмыть младенца Христа. В народной традиции воспринимается как покровительница повивальных бабок.

62. *Елеонская Е.Н.* К изучению заговоров и колдовства в России: Сборник трудов. – М., 1994. – С. 102.

63. *Русский народ, его обычаи, обряды, предания и поэзия* / собрал М. Забылин. – В 4-х частях. – М., 1880. – С. 369 – 370 (Репринтное издание 1992 г. Далее – *Забылин*).

64. *Новиков Н.В.* Г.И. Пряхин и его фольклорные записи. // *Русский фольклор.* Т. IV – Л., 1959. – С. 154. Г.И. Пряхин – корреспондент И.П. Сахарова, автора-составителя книги «Сказания русского народа», – СПб, 1841. Сахаров отредактировал текст, исключая то, что не соответствовало его религиозным убеждениям: упоминание в заговорах церкви, Бога, святых. Н.В. Новиков приводит один из текстов в записи Г.И. Пряхина. В Приложении в тексте подчеркнуты исключенные Сахаровым слова.

65. *Петров В.П.* Заговоры. / Публикация А.Н. Мартыновой // Из истории русской Советской фольклористики. – Л., 1981. – С. 103.

66. *Архив кафедры литературы ВГПУ,* 1973 г. Тотьма. Зап. от Александры Ивановны Даниловой (70 лет).

67. *Афанасьев А.Н.* Дерево жизни. – С. 218 – 219.

68. *Попов Г.* Русская народная бытовая медицина. СПб, 1903. Цит. По: Власова Марина. Русские суеверия. – С. 427 – 428.

69. *Афанасьев А.Н.* Древо жизни. – С. 59.
70. *Петров В.П.* Заговоры. – С. 129.
71. *Власова М.* Русские суеверия. – С. 427.
72. *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. Т. 2. СПб, 1891. – С. 26.
73. *Грысак Н.Е.* Лечебные и профилактические обряды. – С. 68 – 69.
74. *Щепанская Т.Б.* Культура дороги на Русском Севере: Странник. // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. – СПб, 1992. – С. 102.
75. *Грысак Н.Е.* Лечебные и профилактические обряды. – С. 69.
76. *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии Архангельской губернии. // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 30. Вып. 1-2. Труды этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те. – М., 1877, кн. 5, вып. 1 – 2. – С. 198, № 5.
77. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. – С. 319; *Геннеп ван Арнольд.* Обряды перехода. – С. 9.
78. *Шангина И.И.* Русские дети и их игры. – С. 31.
79. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины. – С. 56.
80. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская мифология. – С. 331.
81. *Хейзинга Йохан.* Homo ludens (Человек играющий): Опыт определения игрового элемента культуры. – М., 1992. – С. 13, 18, 20. Й. Хейзинга – известный нидерландский историк культуры (1872 – 1945).
82. *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии Архангельской губ. – С. 198, № 4а.
83. *Ефименкова Б.* Северные байки: Колыбельные песни Вологодской и Архангельской областей. – М., 1977. – С. 70, № 48. (Далее – *Ефименкова*).
84. *Архив кафедры литературы ВГПУ, 2000 г.* Записано от Зориной Агнии Павловны, 1920 г.р., Харовский район.
85. *Ефименкова Б.* Северные байки. – С. 3.

86. *Мартынова А.Н.* Русская колыбельная песня и крестьянский быт: Автореф. канд. диссертации. – Л., 1977. – С. 5 – 6.

87. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997. – С. 94, 98, 176, 228.

88. *Аникин В.П.* Колыбельные песни // Русское устное народное творчество. – М., 2001. – С. 561.

89. *Евангелие от Матфея*, гл. 3, 16; от Иоанна, гл. 1, 32; Бытие, кн. 1, гл. 8, 8 – 11.

90. *Слепцова И.С., Морозов И.А.* Не робей, воробей! Детские игры, потешки, забавушки Вологодского края. – М., 1995. – С. 11 (Далее – *Слепцова, Морозов*).

91. *Архив кафедры литературы ВГПУ*, 2000 г. Харовский район.

92. *Аникин В.П.* Колыбельные песни. – С. 561.

93. *Известия ВОИСК*. – Вып. XIII. – Вологда, 2004. – С. 40 – 41. (См. № 14).

94. *Виноградов Г.С.* Народная педагогика: Отрывки и наброски // Виноградов Г.С. «Страна детей»: Избранные труды по этнографии детства. – СПб, 1999. – С. 79, 82.

95. *Чуковский К.И.* Лепые нелепицы. // Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. – М., 1965.

96. *Шангина И.И.* Русские дети и их игры. – С. 46, 116-128.

97. *Виноградов Г.* Русский детский фольклор. – Кн. 1. – Иркутск, 1930. – С. 142.

98. РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1, ед. хр. 104, 7 л. Запись *М.Б. Едемского* (Кокшеньга, Тотемского у. Вологодской губ., 1924 г.)

99. *Древо жизни*: Сборник материалов по традиционной культуре Кичменгско-Городецкого района. – Вып. 3. / Сост. Е.Ю. Мельникова. – Вологда, 2005. – С. 95 – 96.

100. РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1, ед. хр. 104, 7 л. Запись *М.Б. Едемского* (Кокшеньга, Тотемского у. Вологодской губ., 1924 г.)

101. *Левина И.М.* Кукольные игры в свадьбу и «метище» // Крестьянское искусство СССР. – Л., 1928. – С. 211 – 212. Цитирую по книге: Шангина И. Русские дети и их игры. – С. 93 – 24.

102. *Излева Л.* Дотеатрально-игровой язык русского фольклора. – СПб., 1998. – Ч. 1. – С. 68, 90, 101, сноска 158.
103. *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья XIX – начала XX века: Этнографические очерки. – Л., 1983. – С. 162.
104. *Шангина И.И.* Русские дети и их игры. – С. 55.
105. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX века. – С. 230 – 237.